

ЕКАТЕРИНА НАГОРНАЯ

ЧЕТВЁРТАЯ



Привычное устройство мира пошатнулось, а устоявшиеся законы извращены и перестали действовать. Уже вырваны страницы, таинственные птицы затаили свои странные песни, а армии двинулись в путь. Кто стоит за надвигающимся хаосом: сами звёзды и провидение или чья-то злая воля? Разобраться с этим предстоит архивариусу Сольге, её помощнику Янкелю и тёмному магу Шо-Рэю. Ох, что-то будет...

«У Сахо — Создателя миров, было три дочери-помощницы.

Старшая — Рийин, мудрая и осмотрительная, неустанно бдящая за подвластными ей мирами: днём за мирами смотрел правый глаз, а ночами — левый. Самая незаменимая, самая незаметная из дочерей Сахо — каждый мог воззвать к ней в поисках защиты и покровительства, но мало кто так делал. Рийин носила платья всех оттенков белого и туго заплетала волосы, чтобы они не падали на глаза, не мешали смотреть за мирами.

Близнецы Альез и Викейру были настолько неотличимы лицом, сколь и не схожи характерами.

Альез, появившаяся на свет на долю мгновения раньше сестры, а потому считавшая себя главной из двух, признавала платья только огненно-красного цвета и характер имела под стать — пылкий, упрямый, отважный. Она покровительствовала правителям и воинам. А что Альез иногда не хватало мудрости и осмотрительности её старшей сестры, так — если честно — каждый ли правитель мудр, каждый ли воин осмотрителен?

Викейру же предпочитала таиться в самых глубоких оттенках синего. Была строга и созерцательна, скрытна и лишена напора своего близнеца, добиваясь желаемого терпением и разумно выбранными путями. Она покровительствовала магам (конец страницы)» Из Книги Создания. Том первый.

Резные тени деревьев и кустов в свете Ночного глаза Рийин тянулись, ползли, переплетались, как будто даже перешёптывались, словно стая живых, причудливых существ из старых сказок. Среди этого смешения можно было бы спрятать целую армию, но сейчас тени скрывали только одного. Судя по осанке, плавности и лёгкости движений, он был молод. Вот и все, что можно было сказать о нем в этот момент. Как он выглядит и кто он: шпион, ревнивый любовник, бдительный брат, а может быть сын, беспокоящийся о наследстве — пока останется секретом.

Те, за кем следил укрытый тенями незнакомец, спокойно прогуливались по аллее сада, не прячась и не обсуждая ничего тайного — обычная беседа двух добрых друзей.

Впрочем, встретив этих двоих при других обстоятельствах, мало кто мог бы даже заподозрить, что хоть что-то может связывать таких непохожих друг на друга людей. Мужчина был из тех, кого можно назвать блестящим кавалером. На вид ему лет за сорок, но как далеко, не понятно. Прекрасная осанка, но не воина, а скорее придворного, спокойная, без вызова, уверенность в движениях. Одет дорого и роскошно, ровно за шаг до той грани, где изящество переходит в вычурность. Единственным недостатком была хромота, но даже это мужчина обернул в свою пользу. Ходил он, опираясь на трость. О, эта трость! Предмет гордости хозяина и зависти окружающих. Ходили слухи, что она зачарована сильнейшими магами Чьифа на хитрость, проницательность и красноречие, будто бы её невозможно сломать и потерять. Хозяин трости только усмеялся и отмалчивался, он-то знал, что никакого зачарования на трости нет, просто некоторым людям сложно принять, что кто-то может быть лучше, чем они. Сломать её было можно, но пришлось бы очень сильно потрудиться — трость была изготовлена из длинного витого зуба диковинного морского зверя из южных морей. Мастер из Раймини покрыл его сложной резьбой и добавил небольшой секрет — длинное тонкое лезвие, кажущееся игрушкой против обычного меча или топора, но в умелых руках становившееся смертоносным оружием, сама трость служила ему ножами.

Спутница владельца трости была куда моложе собеседника. Невысокая, она казалась ещё ниже из-за того, что сутулилась. Ее походка, нервная и неровная, делала её похожей на птицу, что вот-вот взлетит, и вовсе не сутулится эта птица — просто крылья сложила. Она вошла в тот возраст, когда девушка становится молодой женщиной, её ровесницы обычно уже мужние жены и матери. Но её, похоже, эта участь должна была миновать: тёмно-русые волосы обрезаны до плеч, простое серое платье без семейной вышивки и вообще каких-либо узоров — явные знаки незаконнорождённой. Единственное её украшение — узкий серебристый пояс, прошитый едва заметными красными нитями.

— Жаль, что в последнее время мы с вами так редко видимся, посланник Горто.

— Увы, дорогая Сольге, гордость и амбиции моего господина подчас затмевают голос разума.

Сольге рассмеялась:

— Хорошо иметь верного друга, которому можно пожаловаться на жизнь и перемыть кости обидчикам. Я очень рада, что вас не отозвали.

— И я. И я рад этому безмерно, — посланник Горто задумчиво постучал тростью о камни садовой дорожки. — Ну а как вы поживали все это время?

Незнакомец в тени слушал, как Сольге смеялась и жаловалась посланнику на сестру короля Байвин, на старую няньку Гритту, ещё на каких-то людей и, наконец, на глупую ревность некоего Хендрика. Незнакомец скрипнул зубами от злости, ударил кулаком в ствол дерева, за которым прятался, и спугнул какую-то заполошную птицу.

Те, за кем он наблюдал, насторожились. Сольге подняла камень и швырнула его точно в то самое место, где стоял незнакомец. Тот замешкался и не успел увернуться. Попала. Незнакомец зашипел от боли, выругался.

— Немедленно отправляйся в свою казарму! — голосом Сольге можно было заморозить море. — Немедленно! Иначе можешь больше не попадаться мне на глаза!

Треск кустов, обиженное бормотание, и все стихло. Наблюдатель ушел.

— Это..?

— Хендрик. Нет, он совершенно невозможен! Вот как ещё... — она махнула рукой. — Ладно, ну его. Лучше вот что скажите, посланник. Почему мне кажется, что сегодня вы хотели поговорить о чем-то совсем другом?

Горто рассмеялся и поднял руки вверх:

— Сдаюсь! Вас не проведешь, Сольге.

Однако смех его получился каким-то невеселым.

Высоко в ночном небе ярко — так ярко, что даже свет Ночного глаза Рийин не мог ее затмить — сияла красная звёздочка.

— Грядет Альез, — проговорил Горто, задумчиво глядя на небо.

— Да, знаю, — Сольге, напротив, устремила взгляд куда под ноги. — Король уже готовится. И устает быстрее.

Какое-то время посланник наблюдал, как она носком туфли пытается выкопать камешек из земли, потом поинтересовался:

— Вы ведь редко смотрите на небо, правда?

— Вы когда-нибудь видели небо в архиве? Да и что там может быть такого?

— В небесах случается много интересного, если захотеть увидеть. К примеру, не так давно маленькая зелёная звёздочка появилась вон над тем лесом, а потом упала. Никогда ничего подобного я раньше не наблюдал. А вы?

— А у меня есть мои книги, посланник. Они интереснее, чем небо.

— И все же взгляните.

Сольге едва слышно фыркнула, но послушалась:

— И?

Горто показал ей на звезду, но не на красную, а на ту, что была рядом — синюю.

— Вот, рядом. Викейру. Видите?

Нет, ничего такого Сольге не видела. Близнецы — Альез, звезда воинов и правителей, и Викейру, звезда магов — всегда были рядом. Время от времени одна из них спускалась к земле, чтобы поближе взглянуть на тех, кто выбрал ее покровительство. Посвящённые приносили ей в дар свои силы, которые звезда, уходя, возвращала многократно. Чем сильнее был посвящённый, тем больше отдавал и тем больше получал обратно. Сейчас близилось время Альез. Все, как обычно.

И все же Горто что-то явно беспокоило. Сольге снова взглянула на Сестёр и пожалала плечами:

— Вроде бы все как всегда. А что видите вы?

Посланник замаялся, как будто ещё не был уверен, что стоит об этом говорить, но все же

решился:

— Вы можете посчитать меня безумным, Сольге, но я думаю, что в этот раз как обычно не будет. Посмотрите внимательнее. Вам не кажется, что Викейру тоже стала ближе?

Сольге так не казалось, но возражать она не стала — кто-кто, а посланник Горто до сих пор понапрасну тревогу не поднимал. Может и правда, что-то такое разглядел.

— Вы хотите сказать, что в этот раз Сестры придут вместе? Но это невозможно.

Горто только пожал плечами:

— Я знаю, но... Сольге, я не первый день смотрю на них. Викейру немного отстаёт, но за последние дни она тоже стала ближе.

— А раньше такое случалось?

— Это самое интересное, моя дорогая. Ни в одной из известных мне книг нет ничего о подобных случаях. Нигде и ничего.

— Хм...

Это был вызов. Сольге, личный архивариус и секретарь короля Толфреда, считала, что нет ничего на свете, чтобы не было описано в книгах, документах, дневниках, в крайнем случае, в письмах. А то, что посланник ничего не нашёл, так это от того, что он не архивариус. А уж она, Сольге, точно что-нибудь да найдёт. О чем и сообщила старому другу.

Ночные тени продолжали свои игры в свете Глаза Рийин. Где-то позади удалялся стук невообразимой трости посланника Горто. Королевский замок спал. Сольге шла и размышляла... Да ни о чем таком она не размышляла. Нет, она, конечно же, найдёт в архиве все, что сможет, о Сёстрах, там наверняка есть объяснение всему. Так уж устроен этот мир. И чудес не бывает.

Несколько следующих дней прошли как обычно. Сольге вставала рано и отправлялась в архив. До сих пор не было ни одного дня, когда бы ей удалось прийти туда раньше мастера Сатрена, старшего архивариуса и её учителя. Спал он там что ли? Хотя Сольге готова была поклясться, что видела, как старик, пошаркивая, но все равно стараясь держаться прямо, удаляется вечерами в свою комнату. Сама она оставалась в архиве иногда и за полночь, чтобы спокойно почитать, разобрать полку-другую в старой части архива, найти там что-нибудь интересное и забыть обо всем на свете. О, она была очень увлекающейся, эта Сольге! Наткнувшись однажды на клочок старой карты с непонятными обозначениями, она не успокоилась до тех пор, пока не разобралась, что это и откуда. И что же? Был окончательно решен вопрос о землях вдоль реки Эрдвай, тех самых, из-за которых Октльейн долгие годы ломал копья в спорах с соседним Тарандолом. Наградой стали бесконечная признательность короля Толфреда, целых две недели без придинок от Байвин и её свиты, а среди посланников больше не осталось тех, кто не воспринимал Сольге серьёзно. Снисходительствующие были посрамлены, насмешники поставлены на место, а те, кто считал ниже своего достоинства обратить внимание на незаконнорождённую, хоть и королевскую, дочь, теперь искали её внимания. Только Горто довольно посмеивался и говорил, что от Сольге только такого и следовало ожидать, хотя именно он был представителем Тарандола при дворе короля Октльейна и именно за это дипломатическое поражение едва не был отозван.

Иногда Сольге казалось, что она могла бы жить в архиве. Книги не умеют ненавидеть, во всяком случае, своих хранителей. Они не шепчутся за спиной, не кривятся при встрече, не придираются и не ревнуют. Храня под переплётами знания всего мира, его историю и истории поменьше, чьи-то мысли и чувства, внешне книги остаются спокойными и

бесстрастными. Сольге им завидовала.

Впрочем, книги не умеют отвечать своим обидчикам. А Сольге — вполне себе. И в этом тоже имелось определённое удовольствие. И как бы строго ни выговаривал король Толфред своей воспитаннице, как ни просил не ввязываться в ссоры, совсем мирно жить не получалось.

Положение Сольге при дворе было довольно странным. С одной стороны, незаконнорождённые появлялись в Октльхейне редко и относились к ним куда как скверно, но с другой, Сольге всё-таки была, хоть и не признанной официально, но младшей и любимой сестрой короля, его воспитанницей и личным секретарём. Вот тут стоит вспомнить про бельмо на глазу и сказку про слабосильного Укку, который любил груши, но не умел лазить по деревьям, а потому эти самые груши ругательски ругал, называл их то кислыми, то гнилыми.

А ещё Хендрик. Молодой, красивый, огненно-рыжий, по нему вздыхали и кухонные девчонки, и дочери королевских советников. Поговаривали, что сама Байвин выделяла его из всех юнлейнов, новоприбывших воинов, будущих посвящённых Альез. Но глупый мальчишка не видел никого, кроме Сольге, с того самого дня, как отец привёл его в казармы замка.

Клеща и того проще отцепить. Не помогала еженедельная порка, не отвлекали пограничные объезды и рейды на разбойничьи банды. Смеялись над ним — отмахивался, насмехались над Сольге — дрался, бил так, что едва не калечил. Находил её везде, где только мог и околачивался рядом, подбрасывал подарки к дверям архива и старого Детского крыла замка, где жила Сольге. Она уже видеть не могла его преданного щенячьего взгляда. И всё же добился Хендрик своего, больше года старался и взял измором. Говорят, застал Сольге плачущей да и утешил, как смог. Не было с тех пор в Октльхейне человека, счастливее, чем рыжий Хендрик. А Сольге... Что ж, она, не живая, что ли? Не женщина? Да и нос почти всей женской половине замка утёрла, зубовный скрежет неудачливых претенденток ещё долго мерещился в стенах замка.

Правда, спустя какое-то время Хендрик расслабился, загордился, по сторонам начал поглядывать. Историю о том, как Сольге застала его с какой-то девицей в пустом деннике, как выволокла полуодетую соперницу за волосы, приложив попутно обо все возможные стены, и предупредила, что так с каждой поступать будет, не зависимо от положения, рассказывали далеко за стенами города. Хендрику разбила нос и отлучила от себя на несколько недель. Больше таких вольностей мальчишка себе не позволял.

А ещё получилось так, что после встреч с Хендриком у Сольге удивительным образом прояснялись мысли, приходили ответы на самые запутанные вопросы. Так что, нет-нет, а завернёт Сольге в сторону казарм, пальцем поманит (а кто ей запретит?), глядишь — и проблема решена. Не только удовольствие от юнлейна, польза тоже была. Как такого при себе не держать?

Между тем с каждым днём Красная Звезда становилась все ближе. Ее ждали. Короли выглядел все более утомлённым, все чаще юнлейны тренировались без присмотра старших воинов. Следовало как можно быстрее привести в порядок дела и закрыть рабочий кабинет до ухода Альез. Поэтому Сольге реже бывала в архиве, с Хендриком виделась урывками. В одну из таких встреч, случайно взглянув на небо за плечо любовника, она увидела то, о чем говорил посланник Горто. Сольге оттолкнула озадаченного Хендрика и, ничего не объяснив, на ходу поправляя платье, бегом помчалась в архив. А там, в небе, рядом с Альез, чуть отставая от неё, вырастала Викейру.

До сих пор Сольге считала, что хорошо знает архив. Не так хорошо, как мастер Сатрен, но всё же. Впрочем, от старого архивариуса помощи тоже было немного. Все, что удалось найти после нескольких дней непрерывного поиска — это... Ничего. Ни намека, ни упоминания.

Был, конечно, ещё старый архив, похожий на логово неведомого древнего чудовища. Каждый новый королевский архивариус всю свою жизнь сражался с ним, разгребая, упорядочивая и заносая в каталог какую-нибудь полку или стеллаж, и каждый в итоге терпел поражение: старый архив был ревнив и требовал безраздельного внимания, но ведь был ещё и новый, пополняющийся быстрее, чем разгребался старый. А короли Октльхейна были, большей частью, скуповаты — Толфред Молодой был едва ли не первым, у кого было сразу два архивариуса, пусть один, точнее, одна выполняла ещё и обязанности личного секретаря.

Старый архив хищно затаился, едва заметно выдыхая книжную пыль и поскрипывая стеллажами и крышками сундуков со свитками. «Давай, — шелестел он, — давай, заходи, архивариус Сольге, я покажу тебе свои тайны. Если осмелишься, если зайдёшь, если протянешь руку...»

Король Толфред поставил росчерк на очередном прошении и устало отложил перо в сторону:

— На сегодня все, Сольге.

— Но, мой король, осталось всего два прошения и письмо от Фергрейского герцога. Может быть, все же..?

— Нет. Завтра.

"А завтра сделаем ещё меньше," — подумала Сольге, но промолчала: Альез тянула из короля силы, словно осушала стакан воды. Сестры приближались стремительно, даже свет Дневного глаза Рийин перестал их затмевать. "Ненасытные. Не хотела бы я быть посвящённой".

Она уже почти ушла, но неожиданно король остановил её:

— Сольге, на тебя снова жалуются.

Кто именно, Сольге даже спрашивать не стала — желающих хватало. Вот нянька Гритта, старая змея, только и знает шипеть: "Шшшавка безродная! Шшшлюха!" Сольге она ненавидела яростно, от всей души. В своё время, по распоряжению отца, Толфред, тогда ещё просто наследник, доверил доброй нянюшке свою воспитанницу. Вот только доброй с Сольге Гритта была только на людях, а за закрытыми дверями лупила за малейшую провинность, да так ловко, что со стороны и не скажешь, что ребёнок в синяках. Ещё и пугала, чтоб Сольге не жаловалась Толфреду. Как же! Маленькая мерзавка раздражала своим присутствием её обожаемую Байвин. Ох, что бы было, если бы швея, которой было поручено обшивать девочку, не обнаружила следы побоев на детском тельце! От ярости Толфреда няньку спасло только вмешательство его сестры, Байвин забрала Гритту в свои покои, и уж оттуда старуха настраивала против Сольге кого только могла.

Сама Байвин, опять же... Так и есть:

— Байвин сказала, что ты ей снова нагрубила.

— Она лезла, куда ей не следует.

Толфред страдальчески закатил глаза:

— Когда ты научишься отвечать достойно, сообразно твоей должности? То

гримасничаешь, то гадости говоришь и прячешься в своём архиве... Девочка, я прошу тебя, будь умнее.

Если сказать по правде, Сольге, в чем бы она в жизни никому не призналась, страшно боялась Байвин. Никого не боялась, а сестру — да, та была разом всеми страхами детства, всеми унижениями юности. Оттого и сбегала, нагрубив, боясь взглянуть той в глаза.

— Я стараюсь, Толфред. Правда, стараюсь...

Король махнул рукой: ладно, мол, знаю я вас — ты стараешься, она пытается, а скандалы почти каждый день.

Уже у самых дверей Сольге вдруг решила:

— Я могу попросить вас, мой король?

— Проси, — вздохнул Толфред.

— Мне нужен толковый помощник. Лучше, конечно бы, архивная ищайка...

Сольге рассказала о той ночной беседе с посланником Горто, о том, что увидела сама, что, как и посланник, ничего не обнаружила в архиве, что отправила письма во все возможные архивы и библиотеки ("Простите, мой король, от вашего имени"), но пока не получила ответа.

— Тебя так заинтересовали Сестры?

— Да.

— И если у тебя будет помощник, и я разрешу разбираться дальше, ты перестанешь скандалить с Байвин?

— Я обещаю не попадаться ей на глаза, мой король!

Толфред задумался. Архивная ищайка — человек, способный найти ответ на любой вопрос в любом архиве или библиотеке, — удовольствие дорогое и редкое. Но... Это просьба Сольге, а она редко что-нибудь просит и ещё реже — всякие глупости. Ладно, может быть и повезёт: найдётся такой человек, в крайнем случае, Сольге будет при деле, и Байвин, может быть, тоже угомонится. Королю очень хотелось покоя, особенно сейчас.

— Будет толковый помощник, ищайку пока обещать не могу, сама понимаешь. Развлекайся. Только не забывай докладывать. Будем считать, что ты выполняешь мой личный приказ. Поняла? А теперь иди. Я устал.

Ах, как Сольге хотелось его расцеловать! Но вошла Ийрим, любимая наложница короля, а братом и сестрой они были только наедине.

Глава 2

— Ну, как они вам? — Сольге критически оглядывала претендентов на место помощника архивариуса. Десятка полтора юношей и девушек разного возраста толпились у дверей архива. Одни пыжились друг перед другом, другие скромно стояли в стороне, несколько девушек уже объединились в компанию, перешёптывались и хихикали, а кто-то делал вид, что ему все равно и оказался он здесь совершенно случайно. Они не знали, что за ними наблюдают, а потому не строили из себя невесть кого, оставались сами собой. Были и совсем дети, лет десяти-двенадцати, были постарше. Самым старшим, наверное, около двадцати. Король Толфред обещал лучших, но, похоже, невзирая на его приказ, другие архивы и библиотеки Октльheyна пожадничали и прислали разных, в том числе кого не жалко. Сложно представить, что какой-нибудь архив или библиотека вот так просто отдадут полезного человека, а тем более, такое сокровище, как архивная ищейка. Оставалось уповать на удачу.

Мастер Сатрен пожал плечами:

— Давай посмотрим.

Претенденты выстроились в ряд. Сколько ни пыталась, Сольге не могла выделить кого-то одного: все они были очень разные, но при этом словно на одно лицо.

— Что же, — произнесла она наконец, — все вы пришли сюда с одной целью — занять место помощника в королевском архиве. Каждый из вас сочтен своим наставником достойным. И все же, вам предстоит пройти испытание, чтобы мы смогли выбрать не просто лучших из лучших, а тех, кто сможет работать вместе с нами.

Про поиск ищейки Сольге решила не упоминать. Если среди этих мальчиков и девочек она и найдётся, это станет не только удачей, но и большим секретом.

— Вот ваше задание: меня интересуют Небесные сестры. Все, что вы сможете или посчитаете нужным найти. Срок — три часа.

Кто-то захмыкал, зафыркал, мол, что это за задание такое, ерунда же, а не задание, другие стали перешёптываться, издевается, мол, госпожа королевский архивариус, а кто-то и призадумался. Однако мешкать не осмелился никто. Как только открылись двери, претенденты наперегонки рванули к стеллажам. Чуть припоздал только один, он словно задумался на секунду, но уже в следующий момент решительным шагом направился внутрь архива.

И вот двери в архив закрылись. На целых три часа. На замок.

Тот, кто зашёл последним, остановился и прислушался. Такого шума эти стены не слышали никогда. То и дело раздавалась ругань, шипение, жалобные вскрики, громкие стихи, стук падающих книг и даже, о ужас, звуки рвущейся бумаги (сохрани Сестры тех, кто попадётся в руки мастера Сатрена). Но тому, кто зашёл последним, нужны были не эти звуки. Он медленно пошёл вдоль стеллажей в самую глубь архива. И не сказать, что искал что-то конкретное, даже вообще не искал. Ждал. Прислушивался. И, кажется, даже принюхивался.

Ничего. Он ждал тихого, едва слышного звона или свиста, иногда это был тонкий, свежий аромат, чуть горьковатый, или даже молниеносная вспышка, искра. Ничего.

Тот, кто зашёл последним, ещё раз, для верности, обошёл архив, потом сел на стул около двери и задумался.

В архиве столбом стояла пыль. Те, кто побыстрее, посильнее или посмышлёнее, гордо демонстрировали трофеи — по три, а то и по четыре стопки книг. Кто-то мог похвастаться только добытой в борьбе страничкой (мастер Сатрен хватался за сердце и призывал кары на головы несчастных), эти хмуρο косились на первых. Были и те, кто оказался то ли хитрее, то ли ловчее, то ли просто непритязательные — те, кто удовольствовался парой тоненьких книжек, но зато заглянул в свитки и документы.

Сольге оценила старания претендентов не слишком высоко, зато старый архивариус сделал пометки напротив пары имён.

В стороне от всех, особняком, стоял юноша, который не принёс совсем ничего. Даже больше, он не был похож на человека, вообще утруждавшим себя поиском.

— Ты ничего не принёс. Почему?

— Потому что здесь нет ничего, что бы могло вас заинтересовать, госпожа ("Архивариус Сольге," — поправила машинально). Простите, архивариус Сольге.

Сольге долго молчала, разглядывала, думала. "Лентяй и обманщик или... Нашла? Вот так, случайно?" Случайно... А ведь ещё вчера она мечтала, что придётся выбирать из нескольких ищеек. Хорошо, хоть один. Хорошо, если не ошиблась. Надо убедиться, надо проверить. Юноша спокойно ждал. Он не бравировал, не суетился. Что там! Даже не смутился. Почти. Если бы не едва заметный румянец и не прячущиеся под ресницами огоньки в глазах, никто бы и не подумал, что юноша хоть немного переживает из-за задания.

— Почему? — повторила Сольге.

— Вы... Вы сказали, что вас интересуют Небесные сестры. Имея архив под рукой, вы вряд ли могли не читать то, что сейчас о них известно. Значит, вы ищете то, чего не смогли найти сами. Я прошёл через весь архив и проверил — здесь ничего нет.

Кто-то хихикнул — вот, мол, дурачок.

— Что ж... Полагаю, что ты победил, — смешки прекратились, сменились ропотом и перешёптываниями, но Сольге не стала отвлекаться, рассматривала юношу. Ростом он был примерно с неё саму. То ли худой, то ли стройный, не разобрать под серо-коричневым балахоном. Тёмные кудри, синие глаза, тонкие, изящные черты. То ли бледный, то ли светлокожий. Странно, что она сразу его не заметила. Впрочем, держался юноша без вызова. Спокойно, скорее, даже тихо и скромно.

— Как тебя зовут?

— Янкель, госпожа ("Архивариус Сольге".) Простите, архивариус Сольге.

— Янкель. Что ж, Янкель, место моего помощника — твоё.

— Это нечестно! — подал голос самый старший из претендентов, высокий, светловолосый парень, очень красивый, несомненно, знающий это, даже странно, что он оказался в архиве. Между тем, именно его стопка книг была самой большой.

— Объясни, — Сольге повернулась так резко, что те, кто стоял рядом, вздрогнули, но парня это не смутило.

— Любой мог сделать так, как Янкель. Но мы не знали, что так было можно.

— Имя?

— Авис.

Он страшно не нравился Сольге. Она сама не вполне понимала, почему. Наглый, высокомерный, страшно неуместный в архиве. Явно неглупый, но ему не хватало сообразительности, способности взглянуть на вещи иначе. Было ещё что-то. Что-то очень нехорошее, не подобрать слов.

Сольге долго мерила Ависа взглядом, другой давно бы уже смутился, но этот оказался крепким, даже взгляд не отвёл.

— Хорошо, — произнесла она, наконец. — Будет вам ещё одно задание.

В конце концов, может быть она рано обрадовалась, ошиблась. Пусть будет ещё одно задание, хотя бы для того, чтобы убедиться, что она права.

Старый архив. Пыль, хаос и разброд, беспорядочно сваленные свитки, отдельные листы, книги, тубусы с картами, мало ли что ещё. Странные шепотки где-то в глубине стеллажей, скрип и глухая тишина. Ходить здесь можно только с закрытым огнём — чтобы от случайной искры не полыхнуло все и сразу. Вот что увидели претенденты.

Их осталось совсем немного: Янкель, Авис, две девушки лет шестнадцати, похожие, как близнецы, и упитанный паренёк с испуганными глазами. Остальные отправились по домам: кто-то захотел уйти сам, кто-то смирился с проигрышем, а кого и пришлось насильно выдвирать — способностей маловато, а гонору — хоть отбавляй.

— Вот они, ваши охотничьи угодья, — ухмыльнулась Сольге. — Времени — два дня и ни минутой больше. Спать, есть и все остальное — здесь. Пищу, воду и масло для фонарей вам будут приносить сюда, к дверям. Спальные места — между стеллажами. Отхожее — за той перегородкой. Через два дня мы проверим, что вы нашли. И учтите, свой выбор вы должны будете объяснить так, чтобы убедить нас в своей правоте. Задание то же.

Она окинула взглядом притихших претендентов и добавила:

— Последний шанс отступить. Кто?

Ни один не сдвинулся с места, хотя одна из девушек и паренёк держались из последних сил.

Сольге пожала плечами, мол, ваше желание, вышла вслед за мастером Сатреном и заперла дверь на ключ.

— Это жестоко, Сольге! — выговаривал мастер Сатрен два дня спустя. Он бы и раньше высказал все, что думал по поводу задания в старом архиве, но Сольге благоразумно от него пряталась.

— Ты отправила несчастных детей искать сама не знаешь что туда, где мы сами ещё не разобрались и разберёмся ли когда-нибудь.

— Вот они нам и помогут, мастер. Не для того ли мы их проверяем?

Когда открылись двери, одна из девушек, причём та, что казалась посмелее и поувереннее, с рыданиями выбежала из архива и бросилась прочь. Что, интересно, она там увидела? Остальные выглядели не намного лучше. Пыльные, чумазые, с паутиной в волосах, то и дело чихающие претенденты, шурясь вышли на белый свет. Пухлый паренёк и вторая девушка не принесли ничего, но оба жалобно оправдывались, что, мол, увлеклись наведением порядка на полках и забыли о задании. Мастер Сатрен взглянул на их работу, пошептался с Сольге и увёл этих двоих с собой. Кажется, работников в архиве прибавилось. Вряд ли король будет возражать — Сольге об этом позаботится.

Остались Янкель и Авис. В руках первого были две абсолютно одинаковые книги, а второй, как и те, кто уже ушёл, вышел с пустыми руками.

— Авис?

— Я думаю, архивариус, что вы просто проверяли нас. Ничего вы не искали. Это было задание на сообразительность. И, как видите, я сообразил, что к чему. Полагаю, что в королевском замке нужны именно такие люди, как я.

"Наглый, очень наглый. И вовсе не такой умный, как показалось сначала. Нужны такие

в замке... В архив ты пришёл, как же! В королевский, да, но не архив".

Янкель не стал дожидаться, пока к нему обратятся, и показал свои находки. Авис насмешливо фыркнул — самонадеянный, он был уже уверен в своей победе. Сольге же была готова отчаяться: ошиблась!

Янкель раскрыл книги на одной и той же странице:

— Взгляните, архивариус Сольге.

Это была книга с самого детства известная всем и каждому — Книга Создания, том первый. Удивительного и необычного в ней было... Ничего. Такая была в каждой библиотеке, в каждом архиве, в каждом семейном собрании.

— Я не вижу ничего, чего бы не видела раньше, Янкель.

— А так? — юноша показал обе книги одновременно. И... Что это? В том месте, где заканчивалась глава о Викеёру и должна была начинаться следующая, виднелся след от не очень аккуратно вырванных страниц. Но этого не могло быть! Сольге взяла ту, что Янкель показал первой: книга, как книга, все главы в привычном порядке.

— Я взял её на стеллаже, где хранятся повторные экземпляры, — сказал юноша.

— А эту?

Янкель замялся:

— Ну... Она завалилась между стеллажами, там, в глубине архива. Я случайно заметил.

Сольге онемела. Она нашла ищейку! Ошибки нет. А эти вырванные страницы... Что-то здесь есть, что-то непонятное. Может, это бракованный экземпляр? Зачем его тогда прятать? В том, что книга была именно спрятана, Сольге не сомневалась. Позже она заглянула в это место — на этих стеллажах хранились, большей частью, старые карты и зашифрованные письма двухсотлетней давности, а то и старше. Книга же, хоть и покрытая пылью и паутиной, явно появилась позже. Так откуда взялись остатки страниц?

Сольге совершенно забыла о двух претендентах, что не сводили с неё глаз. Ах, да!

— Моим помощником станет Янкель. Что же до тебя, Авис, то отправляйся-ка ты вон в ту часть замка. Не забудь рассказать, что я погнала тебя и совершенно не оценила твой ум, проницательность и расторопность. Думаю, тебе найдут там дело по душе.

Авис состроил кислую мину и отправился туда, куда велела Сольге — к Байвин. Впрочем, то, что в архиве он задерживаться не собирался, было абсолютной правдой. Так что в итоге выиграла все: Сольге получила свою ищейку, мастер Сатрен — послушных и покладистых (Сольге до них ох, как далеко) учеников, а Янкель и Авис — место, о котором каждый из них мог только мечтать.

Дни, сколько бы их ни прошло, превратились для Сольге и её нового помощника в один длинный-предлинный, почти нескончаемый день. Они не заметили, как Викеёру постепенно догнала сестру, и Дневной глаз Рийин более не затмевал близнецов, чей смешавшийся свет придавал окружающему миру легкий лиловый оттенок.

И были книги. Немного. Всего девять. Все, что прислали в ответ на пару десятков писем Сольге. Было ещё несколько вежливых ответов, что книги, мол, у них как книги, такие же, как и везде. Остальные не удосужились даже ответить. Было ещё приглашение от правителя Виникриса: «Королевского архивариуса Сольге приглашают ознакомиться с богатой библиотекой Виникриса лично. Ибо ценность запрашиваемых архивом Октльхейна экземпляров слишком велика, чтобы подвергать их опасностям перевозки».

— Библиотека Виникриса собирает редкие издания? — наивно спросил Янкель.

Громче, чем Сольге, фыркнул мастер Сатрен:

— Жадность у их правителя редкая. Куска дырявого пергамента да облезлого гусиного пера не выпросишь. А на деле у них те же книги, что и везде. Только очень старые, потому что на новые нужно тратить деньги, а про жадность я уже сказал.

Мастер сурово сдвинул брови, и его новые ученики, прислушавшиеся было к разговору, испуганными мышами скрылись среди стеллажей.

Янкель осторожно листал Книгу Создания, принадлежащую королю Дагедрейна, такую же старую, как её владелец. Несчастливая была зачитана и залапана, похоже, всеми детьми, внуками и правнуками, всеми их нянями и воспитателями, всеми собаками и кошками, а возможно и какой-нибудь любопытной коровой. Во всяком случае, так выглядел этот том Книги Создания. На неё было страшно смотреть и дышать, не то, что листать. Сольге дописывала письма по поручению короля — Сестры всегда возвращаются на свои места в небе, а жизнь продолжается, и государственные дела никто не отменяет. Было тихо-тихо, только легкое поскрипывание пера да шелест страниц напоминали о том, что в помещении кто-то есть.

Ба-бах! Янкель вскочил со стула, сбросив на пол добрую половину книг, но словно даже не заметил этого. Он судорожно шарил по столу в поисках лупы. Нашёл и замер с ней над над страницей едва живого тома из Дагедрейна. Потом схватил другую книгу, раскрыл, снова замер. Ещё одна книга, ещё, ещё, ещё...

— Янкель?

Он даже не повернулся, только прибавил огня в фонаре и опять завис над книгами.

— Вот, — сказал он, спустя некоторое время, — взгляните, архивариус Сольге. Видите? Точка. Вот, что различается в книгах. В дагедрейнском томе после слов «покровительствует магам» точки нет, видите? А вот здесь есть, и здесь, и вот... В тех томах, что поновее, точка есть.

— Зато здесь есть жирное пятно, точка может оказаться под ним, — Сольге радоваться не спешила. Да и чему? Такой мелочи? Точке?

— А здесь? — Янкель положил рядом ту книгу, что сам нашел в старом архиве. Его руки дрожали, голос едва слышно срывался, мальчишка был похож на... Да, на ищейку, взявшую след. — Здесь её тоже нет.

— А здесь лист потёртый. Янкель, двух книг мало, чтобы делать выводы.

Почему она упрячилась, Сольге и сама не могла понять. Мелочь, да, но это было первое, что они нашли за все время. Единственное, что они нашли.

— Нам нужно поехать в Виникрис, — Янкель упрямо стоял на своём. — Мастер Сатрен сказал, что там есть старые книги. Если правитель так жаден, как говорят, книги должны быть в хорошем состоянии — ими ведь не пользуются и берегут.

— Или просто хранят сваленными в кучу, лишь бы не выбрасывать. Нет, Янкель, никуда мы не поедem. Во-первых, повод слишком мал, во-вторых, скоро закроют ворота, а в-третьих... А в-третьих... Меня король не отпустит, вот, что в-третьих!

А ещё Сольге очень не хотелось признаваться, что за пределы города она выезжала всего два раза, и оба они закончились не очень хорошо.

Взять, к примеру, второй. Правитель Тарандола в очередной раз собрался решить вопрос спорных земель. Тех самых, по берегам Эрдвай. В этот раз — миром. У Толфреда есть незамужняя сестра, у правителя — неженатый сын. То, что разница в возрасте у них велика, кого это волнует? Государственные интересы выше предрассудков и капризов. Вот только и

Байвин упёрлась, никуда, мол, из Октльхейна не поеду, и вздорный мальчишка Эддиль вдруг воспылал чувствами к Сольге. А Толфред, вместо того, чтобы приструнить одну и запереть вторую, вдруг заявил, что отдаст земли только как приданое за Сольге. Тарандольский правитель рвал и метал: брать в семью незаконнорождённую девицу, пусть и дочь короля... С другой стороны, кровь-то королевская, хоть и незаконная, да и земли больно хороши...

Так Сольге во второй раз выехала за пределы Октльхейна. Совсем ещё юная, счастливая, влюблённая. По традициям Тарандола будущая невестка должна была год прожить в семье жениха, выучить правила, научиться всему, что должна знать и уметь приличная тарандольская жена, привыкнуть к новому дому, наконец. Соседи посмеивались, конечно, мол, глядите, какие предусмотрительные: за год всякое случиться может, а лапа на приданое наложена, что-то да останется, даже если возвращать придётся.

Всякое и случилось. Погиб на охоте старший сын — наследник тарандольского престола. Вдову оставил с детишками малыми. Красивую вдову с богатым приданым и влиятельным отцом. Отпускать такую из семьи никак нельзя. Да она и сама не хотела. Дома она кто? Одна из дочерей. А здесь? Жена наследника, будущего правителя. Плохо, что овдовела, хорошо, что есть ещё один сын. А что невеста имеется у него... Сговорились свёкр с невесткой представить Сольге воровкой и обманщицей и с позором выставить. А земли спорные как выкуп оставить за собой. Король Толфред скандала не захочет — уступит берега Эрдвай. А жених? А что жених? Как отец скажет, так мальчик и поступит. Он наследник теперь, ему жена-бастард, пусть и королевский, не по рангу.

Но был посланник Горто, который должен был отвезти в Октльхейн письмо с ультиматумом (Сольге на телеге собирались отправить позже, чтоб позору побольше). И был он куда мудрее, осмотрительнее, чем его господин. Да и порядочнее, что уж. Горто предупредил Сольге и вывез её тайком на день раньше запланированного изгнания.

А король Толфред скандала не испугался. На следующий же день после возвращения Сольге на спорных землях воинский лагерь вырос. Сначала небольшой, для одного отряда. А там и остальное войско подтянулось.

Правитель Тарандола утёрся и отступил, а Сольге окончательно зареклась покидать пределы города.

А первый раз...

Стук в дверь отвлёк Сольге от размышлений. На пороге стояла служанка, тоненькая, смуглая — таких, вроде бы, раньше в замке не было.

— Архивариус Сольге, госпожа просит вас о встрече. Прямо сейчас.

Вот как. Какая-то неизвестная госпожа. Какая именно, служанка говорить отказывалась, только повторяла, что Сольге ждут прямо сейчас, а она отведёт.

Девица вела какими-то непонятными обходными путями, словно следы путала: то сворачивала в случайный коридор, то возвращалась обратно. Впрочем, вскоре Сольге стало ясно, что служанка просто заблудилась. Новенькая, что ли?

— Скажи мне имя твоей госпожи, и я сама дойду.

— Нет! — бедняжка вздрогнула. — Госпожа велела привести и не медлить, и ни с кем не говорить... Ой, — служанка осеклась.

— Понятно, — сомнений, кто мог послать за Сольге так срочно и так секретно, не осталось. Странно только, что служанку такую ненадежную послали. — Веди. Сейчас налево и до конца коридора.

У нужной комнаты девица замешкалась, поправляя фартук, сбившийся во время ее

блужданий, пискнула: «Подождите, архивариус Сольге», — и нырнула за дверь. Сольге усмехнулась: конечно, оторвать от дел, заставить ждать — это очень в духе позвавшей госпожи. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем...

Дверь открылась почти сразу, и служанка, судя по алеющим щекам и кончикам ушей, получившая выговор, с поклоном пригласила Сольге войти.

— Прости эту непутёвую дурочку, сестрица. Который день в замке, а выучить расположение коридоров так и не удосужилась.

Прости? Сестрица? Сольге проморгалась и ещё раз повнимательнее рассмотрела собеседницу. Это точно Байвин? Принцесса Байвин, та самая, что была готова стереть с лица земли и саму Сольге, и любое упоминание о ней? О да, это была она.

Байвин была старше брата всего лет на пять, но всегда говорила, что заменила ему мать. Может, это и было справедливо — королева Элетра умерла, когда Толфред едва вышел из младенческого возраста. И пока старый король прятался от горя в государственных делах и войнах, заботу о замке и брате взяла на себя Байвин. И это она спустя несколько лет вынудила отца отослать прочь любимую наложницу — мать Сольге. Это она снова стала хозяйкой замка, когда первая и единственная жена Толфреда, королева Шелен, умерла в родах. Поговаривали, будто бы Байвин приложила руку к смерти невестки, что, впрочем, ничем не подтверждалось и доказано не было. Однако, слухи такие ходили долго. Уж больно упорствовала принцесса в своём стремлении остаться в Октльхейне, скольким женихам отказала, сколько договоров нарушила, сколько раз ставила страну на грань войны, но замок так и не покинула. Некоторые считали, что за такую верность старый король мог бы объявить наследницей Байвин. Другие качали головами и говорили, что именно потому он этого и не сделал. Для Байвин более всего были важны Толфред и Октльхейн, только вместе и только так. Сольге была её поражением.

— Что тебе нужно, Байвин? — внезапное дружелюбие сестры, может, и сбило Сольге с толку, но ненадолго.

Байвин зло сверкнула глазами, но лишь на мгновение, и снова ласково улыбнулась:

— К чему нам ссориться, девочка? Впереди непростые времена, Альез близко, и совсем скоро Толфред удалится в свои покои, оставив нас без своей заботы. Ты не думаешь, что мы должны ему помочь? Думаю, тебе больше не нужно тревожить брата государственными делами — пусть отдыхает. Мы с тобой справимся сами. Согласна? С завтрашнего дня все письма, все важные бумаги носи сразу мне. Исполняй свои обязанности как и прежде, но отчитываться теперь ты будешь передо мной. Власть — тяжкое бремя, но Октльхейн нельзя оставлять без присмотра.

Даже так? Очень интересно...

— Альез приходит не первый раз. До сих пор мы справлялись. С чего вдруг такая забота?

— Ты расстраиваешь меня своей... недогадливостью, Сольге! — Байвин начинала терять терпение. — Королевство остается без присмотра, и мы все должны подчиниться необходимости...

— Я подчиняюсь только королю, Байвин. Только королю. Если Толфред прикажет мне отчитываться перед тобой — я это сделаю. А до тех пор все останется как есть.

— Ты пожалеешь... Я тебе устрою, дрянь... — змеиное шипение Байвин догнало Сольге, когда она уже закрывала за собой дверь.

«Не сомневаюсь», — подумала Сольге. Когда вечером её вызвали к королю, первое, что

услышал разозлённый очередной ссорой сестёр Толфред, было:

— Мне нужно в Виникрис.

Путешествовать в Виникрис пришлось в свите посланника Петте. Так уж повелось, что на время прихода Альез каждый правитель отзывает своих посланников из других государств. Может быть, чтобы избежать вербовки шпионов с любой из сторон, хотя что мешает подкупить нужного человека в любое другое время, может быть, у предков были ещё какие-то резоны... Так уж случается, что причины, породившие некоторые традиции, со временем стираются из памяти людей, а сами традиции остаются. И задумываться — почему всё именно так, а не иначе — да кому оно надо? Вот и кочевали туда-сюда, несмотря на потраченное время, деньги и нервы. Одно хорошо, что нечасто.

Караван посольских повозок двигался почти без остановок, размеренно, но что-то неуловимо тревожное витало в воздухе. Сёстры приближались слишком быстро, и этот лиловый свет... Нет-нет, но то и дело вспыхивал какой-нибудь нервный разговор, заканчивающийся то ожиданием чуда, то страхом перед неизвестностью. Только Янкеля, казалось, ничего не волновало. Он забился в угол повозки с небольшой книжкой в руках и углубился в чтение, с редкими перерывами на сон, еду и другие потребности.

Сольге пребывала в дурном расположении духа. Если бы не та встреча с Байвин, ей и в голову бы не пришло отправляться в это путешествие, как бы ни настаивал Янкель. Но в этот раз сестрица превзошла саму себя. Что она наговорила Толфреду, Сольге не знала, но это привело короля в ярость. Такую, что на слова Сольге о Виникрисе он рявкнул:

— Да хоть в Чьиф! Только чтоб я тебя не видел.

Впрочем, Толфред тут же осёкся и обессиленно обмяк в кресле. Сольге подошла, села у ног и обняла его колени:

— Прости меня, мой король, — сказала она тихо, — я не знаю, что поставила мне в вину Байвин в этот раз, но прости. Я обещала с ней не ссориться, но, видимо, не получилось.

Толфред слабо провёл рукой по её волосам:

— Ладно, девочка, поезжай в Виникрис и найди то, что ты ищешь. Жду твоего отчёта. И, ради Сестёр, не болтайся по дорогам в одиночку. Твой мальчишка тебя не защитит. Туда поедешь с Пете, обратно — с Морсеном. Ступай.

Сольге на прощание поцеловала короля в лоб, обняла, прижалась на мгновение. Он задержал её:

— И Сольге. Насчёт Чьифа. Ты же понимаешь, что я вспылел? Не вздумай туда сунуться, иначе, если ты вообще вернёшься, я велю тебя высечь и запру в Старом архиве до конца жизни. Ты поняла?

— Я поняла, мой король, — рассмеялась Сольге. — Я всё поняла.

У дверей тосковала любимая наложница короля — Ийрим. Сольге оттащила её в сторону, чтобы не услышал король:

— Что Байвин наплела про меня? Говори! Я знаю, что ты слышала!

— Я... Я не знаю... Я не...

— Ийрим, ну!

— Она сказала, что попросила тебя помочь ей с учётом запасов. Что желающих укрыться в городе в этот раз больше, и ей нужны помощники. Что она умоляла тебя забыть старые ссоры и подумать о благе Октльheyна, а ты сказала, что у тебя есть дела поважнее, чем разбираться с толпой дармоедов...

— Только это? Ты уверена?

Ийрим испуганно кивнула. Байвин она боялась до онемения, но та не замечала её, словно букашку. А вот Сольге всегда была где-то поблизости. Больше видела, больше знала, а главное — многое могла сделать. Самой Ийрим. Ох, не зря Сольге зовут за глаза королевской шавкой: вцепится — не отделаешься. С ней лучше быть честной.

Это происшествие и испортило настроение Сольге на все время путешествия.

«Интересно, — размышляла она, — Байвин, конечно же, нажаловалась. Но почему она скрыла истинную причину ссоры?» Это тревожило, а ещё Сольге беспокоило то, что она сама не рассказала королю правды. Может быть, всё же, стоило?

Винни XLIII, правитель и благодетель Виникриси, в отличие от Толфреда, не удалялся в свои покои на время прихода Альез — мало ли что могло случиться в его отсутствие. Его Благословейшество, так следовало обращаться к правителю Виникриси, был недоверчив и подозрителен настолько же, насколько и скуп. То и дело в какой-нибудь части замка раздавался скрип колёс и тяжёлое дыхание слуг, толкавших роскошную кровать господина, переделанную в коляску. «Хозяин может быть только один!» — важно заявлял Винни XLIII на любые просьбы поберечь себя и свои драгоценные силы. А уж приём важных гостей — ведь визит такого важного гостя, как королевский архивариус и личный секретарь короля Октльхейна в одном лице, не назовёшь незначительным — так и вовсе нельзя было доверить никому, кроме себя самого.

Пока Его Благословейшество приторно-певучим, утомлённым визитом Сестёр голосом пытался вытянуть из Сольге какие-нибудь таинственные или даже пикантные подробности жизни Октльхейна, Янкель отправился в библиотеку. Вернулся быстро, с добычей — абсолютно новым экземпляром первого тома Книги Создания — и крайне раздосадованный.

Привыкший к традиционному учёту, принятому в большинстве библиотек и архивов, Янкель оказался совершенно беспомощным в Виникриси. Всё здесь стояло не по алфавиту, не по темам, а... Да вообще неизвестно, по какому принципу! Книги вперемешку с картинами, свитки рядом винными бутылками. Ни соринки, ни пылинки, что отрадно. Но... Как здесь найти что-нибудь нужное? Как?

Последнее «как?» он то ли подумал слишком громко, то ли произнёс вслух. И тут же из-за стеллажей выпорхнули с десятков молоденьких, хорошеньких служанок. Они хихикали, перешёптывались, строили глазки и мило румянились при взгляде на Янкеля, чем окончательно сбили его с толку.

Несчастный помощник архивариуса слепым щенком слонялся между стеллажами — чутье ищейки то ли покинуло его, то ли спряталось поглубже от шёпота и смешков. Он даже не сразу заметил, что ходит у одних и тех же полок: смешливые девицы ни на шаг не пустили его вглубь помещения. Тщетно пытался Янкель вырваться из окружения и найти хоть что-нибудь полезное.

— Это не библиотека, это не архив. Это склад какой-то — пробурчал он в отчаянии себе под нос.

— Это сокровищница, юноша, — девушка, появившаяся последней, была старше остальных, красивее и гораздо строже. — Я смотрительница Яфи, это мои помощницы. А кто вы?

— Почему у вас здесь все... вот так? — Янкель собирался выразиться иначе, но не хотел показаться грубым. Вышло глуповато, но, всё-таки, его поняли.

— А как иначе? Его Благословейшеству одинаково дороги все сокровища. Или вы считаете, что он должен был лишиться себя удовольствия лицезреть все сразу и в одном месте ради удобства случайных гостей? Если вам что-то нужно, спросите у кого-то из нас — для этого мы здесь.

— Тоже как сокровища? — ляпнул Янкель, окончательно растерявшись — всё-таки до сих пор ему не приходилось видеть сразу столько красивых девушек.

Взрыв смеха был ему ответом. Улыбнулась даже строгая смотрительница. Книгу нашли. Притом так стремительно, словно держали наготове. И даже позволили взять с собой, «что, конечно, запрещено, но такому очаровательному юноше отказать невозможно».

Точки на нужной странице не было. Но был едва заметный след от вырванных страниц. Как и везде. Что теперь делать с этим знанием, Сольге не имела ни малейшего представления. Как и о том, куда теперь двигаться дальше.

На этом визит в Виникрис можно было бы считать завершённым. Но...

— Я готов отправиться в путь хоть сейчас, архивариус Сольге, — сказал посланник Морсен. — К сожалению, Его Благословейство, да живёт он долго и неладно, отказал нам в провианте. Не только нашему посольству, всем, но от этого не легче. Теперь мы не сможем уехать, пока не соберём всё необходимое сами. Будь нас трое, мы были бы уже на полдороге к дому, но собрать все посольство в дорогу и обеспечить всем необходимым...

— Давайте я поговорю с правителем Винни, — Сольге совершенно не нравилась перспектива провести в Виникрисе хоть один лишний день без необходимости.

— Увы, не думаю, что это поможет, архивариус Сольге: правитель крайне щедр на слова, общения и похвалы самому себе, но бесконечно скуп, когда дело касается всего остального. Он только заморочит вам голову, но ничего не даст. Не поможет даже ваша близость к королю. Так что наберитесь терпения, а я постараюсь решить всё поскорее.

Терпения понадобилось много. Злые слуги из всех посольств рыскали по городу в поисках провианта и снаряжения в дорогу. Оно же ведь как: вот кажется, что всё собрано, всё готово — хоть сейчас в путь. Ан нет, то лошадь захромала, то ось у повозки на добром слове держится, то возница в запой ушёл. А если у всех отъезжающих одновременно проблемы образовались? То-то же! Торговцы задрали цены, глядя на такой спрос, кто-то, ожидая худшего, отказывался торговать и решил припрятать запасец побольше — в конце концов, неизвестно, чего ожидать от двух Сестёр сразу, мало ли, как всё обернётся. А полные закрома — это полные закрома, всегда пригодятся. Вот и приходилось несчастным посольствам по крошке, по верёвочке, по лошадиному хвосту собираться в дорогу.

Одним утром ворота города, наконец, открылись, и на дорогу выехал единственный путник.

— Кто это? — спросила Сольге у ближайшего стражника.

— Хирагрот, старший маг Виникриса, отправляется в Чьиф, цитадель магов, — торжественно отвечал тот.

Маг. Это было интересно. В Октльхейне магия была под запретом уже несколько сотен лет. С тех пор, как маг, чьё имя было вымарано из истории и забыто навсегда, соблазнил королеву Оллим, пока король Артред укрылся в своих покоях, отдав силы Альез. Любовники вступили в сговор и нарушили наидревнейший закон Перемирия. Какая бы из Сестёр ни пришла — останавливались войны, откладывалась месть. Посвящённые и непосвящённые опускали оружие, наступал мир. Горе посвящённому, нарушившему закон — казнь и

последующее забвение ждали каждого ослушавшегося Сестёр. Непосвящённых, что дерзнули воспользоваться случаем, уничтожали без суда, как бешеных тварей. Много имён исчезло в веках, много пролилось крови, пока воля Сестер не была впитана и усвоена всеми и каждым. Но нет-нет, а находились смельчаки, презревшие непреложное.

Вскоре беспомощный король был заперт в подземелье, и даже возвращённые Альез силы не помогли ему освободиться. Так и гнить бы несчастному Артреду в темнице или быть отравленным, или удушенным слугой-предателем, нашлись ведь и такие. Но заговорщики не смогли договориться. Безымянный ныне маг хотел оставить королю жизнь для каких-то там магических ритуалов и воссесть на трон в его обличии. Но вот Оллим собиралась вскоре объявить о безвременной кончине мужа и править самолично. А выдержав траур, приблизить к трону и своего возлюбленного. А может быть даже сделать его новым супругом и соправителем.

Пока любовники спорили и препирались, верные люди заподозрили неладное. Король Артрэд был освобождён, а неверная королева и маг — сожжены на площади. Башню мага разрушили до основания и сровняли с землёй — ныне никто точно и не скажет, где она находилась. Так был зол за своё пленение король, что изгнал из Октльхейна всех магов и запретил им возвращаться под страхом смерти. Чуть было не пострадали и невинные целители и травники, кои никакого отношения к Викейру не имели, но разум, к их счастью, взял верх над обидой и мстительностью королевского нрава.

Так и стал Октльхейн единственной землёй, которую обходила своим взором синяя звезда Викейру, а о магах судили по книгам да по слухам, что в мире гуляют. А слухи — они что? Слухи и есть. Да и книги всей правды тоже не скажут.

Откормленная серая лошадь лениво трусила по дороге, ведущей на юг. Длинный тощий маг в бледно-лиловой в свете Сестёр мантии, сидящей на нём так, словно её намотали на палку, старательно пытался сохранить достоинство на широкой лошадиной спине, но у него это плохо получалось — несчастного мага так мотыляло во все стороны, что было удивительно, как он до сих пор ухитрялся удержаться на лошади.

Со всех сторон послышались смешки. Впрочем, сдавленные и тщательно скрываемы за хмыканьем, кашлем и чиханием — всё-таки старший маг Виникриса, а не ярмарочный шут.

— А я видел его вчера, — сказал Янкель. — В сокровищнице. Я помогал смотрительнице Яфи наладить учёт вместо того беспорядка, что у них сейчас, заодно надеялся найти что-нибудь полезное для нас, а он пришёл, все ходил, фыркал, что я, наверняка, хочу украсть что-нибудь ценное. Яфи... Смотрительница Яфи хотела его успокоить, сказала, что я интересовался только Сёстрами, и тут он как взбесится... Знаете, архивариус Сольге, он очень сильный, этот маг. Вытолкал меня взащей, как будто я бродяжка какой-то.

— Интересно, — протянула Сольге, — это очень интересно, Янкель. Потому что я тоже его встретила.

Пару дней назад Сольге, заплутав в узких коридорах и несколько раз свернув не туда, случайно вышла на стену замка. Спросить дорогу было не у кого — ни одного стражника поблизости, что было, конечно, очень странно. Только вдалеке, у входа в башню, маячила тощая нескладная фигура, замотанная в то ли в белую, то ли в бледно-голубую тряпку — в свете Сестер так сразу и не разберешь. Сольге хотела было попросить помощи у незнакомца, но тот, ещё не зная, что за ним наблюдают, вёл себя странно: начертил круг, зажёл в середине его свечу и, глядя на небо, затянул высоким нервным голосом то ли заунывную

песню, то ли заклинание — слов было не разобрать. Вскоре пламя свечи замигало, заплясало и выбросило вверх сноп бирюзовых искр. Человек взвыл ещё громче, но искры исчезли и больше не появлялись, да и сама свеча погасла. Голос становился выше и злее — тщетно. Песня оборвалась самой яростной нотой, почти визгом. Человек взметнул кулаки к небу, в ту сторону, откуда смотрели на него Сестры, и выкрикнул что-то короткое и яростное, как проклятье. Почувствовав чужое присутствие, певец обернулся, и Сольге отпрянула, такой ненавистью было искажено его лицо. Секунда — и лицо мага, а это был, конечно, он, превратилось в маску, холодную и презрительную. Глухо буркнув под нос какую-то гадость — а чего ещё ожидать от мага — Хирагрот скрылся в башне, с противным скрипом захлопнув за собой дверь. Сольге не успела прийти в себя, а за спиной уже, как ни в чем не бывало, появился стражник, который и указал ей правильный путь.

Сольге проводила Хирагрота задумчивым взглядом. Две встречи, сами по себе ничего особенного не значащие, но вот вместе они наводили на некоторые мысли. И со временем мысли эти никуда не делись. Не то чтобы раздражали или постоянно вертелись в голове, но Сольге то и дело к ним возвращалась. Странные это были мысли.

К вечеру следующего дня стало понятно, что выехать не получится ни через день, ни через два, ни вообще неизвестно когда. Складывалось такое впечатление, что жадность Его Благословейшества распространилась на весь Виникрис в целом, включая посланников, путешественников и, наверное, даже перелётных птиц с мухами. Плюнув на все, выехал из города посланник из Раймини, уставший бороться и понадеявшийся на удачу в пути. Остальные едва сдерживались. Посланники с секретарями, помощниками, слугами, а иные и с домочадцами, изнывали на сундуках, узлах и коробках, готовые сорваться в любой момент. Но проклятые припасы!

Сольге вместе с Янкелем могли покинуть Виникрис в любой момент — уж на двоих-то запастись в дорогу было проще, но обещание вернуться только вместе с посольством Морсена удерживало их на месте.

Янкель, воспользовавшись вынужденной задержкой, решил снова посетить сокровищницу.

— Увы, — печально сказала смотрительница Яфи, — именем Его Благословейшества и старшего мага Хирагрота вам отныне запрещено появляться здесь. Без объяснений.

Янкель не раз пытался пробиться сквозь заслон из хорошеньких помощниц, чтобы попытаться найти ещё что-нибудь полезное. Безуспешно. Девушки сыпали комплиментами, стреляли глазками, щебетали, но стояли крепко и к стеллажам его не подпускали. Так и возвращался каждый раз — встрёпанный, покрасневший, злой, с пустыми руками и замороженной головой. Это был странный запрет. Ну вот с чего бы?

Сольге, устав прислушиваться, не заскрипят ли где колёса коляски правителя, устав от его умирающего голоса, тем более что Винни XLIII предпочитал расспрашивать, а не рассказывать, чаще выбирала оставаться в гостевых покоях, выделенных, в духе Его Благословейшества, им с Янкелем на двоих. Покои — это громко сказано. Две крошечные комнатки, обставленные небогато, но довольно затейливо: мебель и утварь для них словно собирали по всему свету, у кого что ещё целое, но уже не жалко. Зато в узкий коридор гостевого крыла коляска правителя никак не пролезала, а дверь можно было запереть изнутри на засов.

Оставалась скука. К счастью, где-то у Янкеля была книга, та самая, с которой он не

расставался всю дорогу в Виникрис.

— Где ты это взял? — спросила Сольге, когда Янкель в очередной раз вернулся из библиотеки. В руках у неё была книга с названием «Мой путь в Чьиф и обратно» некоего Бендо Дамута. — В старом архиве раскопал?

— Нет, в новом, — Янкель смущённо почесал лоб, — там на стеллаже у вашего стола стояла. Я просто хотел почитать в дороге. А нельзя было?

— Ну почему же, ты же мой помощник. А в книгу выдачи записал?

Янкель смутился:

— Н-нет... Кажется...

Сольге задумчиво посмотрела в окно и вздохнула:

— Не кажется ли тебе, друг мой Янкель, что события вокруг нас с тобой складываются каким-то странным, непостижимым образом? Вот смотри: я хотела в помощники архивную ищейку — я её, то есть тебя, получила.

— Я хотел работать в настоящем, большом архиве, а не считать потраченные листы бумаги и пергамента в лавке торговца, — добавил Янкель.

— Вот. Эта дурацкая точка, приглашение в Виникрис, ссора с Байвин, впрочем, нет, это считать не будем... И, наконец, это удивительное и непонятное поведение старшего мага, его скорый отъезд. Кстати, ты заметил, как мало вещей при нем было? А ещё этот вот дневник, в котором повествуется, что Бендо Дамут добрался до Чьифа в каких-то два дня и без особых сложностей. И это при том, что все знают, что цитадель находится неизвестно где, и попасть туда невозможно, если ты не маг... Интересно, да?

— Может, это колдовство какое-то, ну то, что он быстро добрался?

— Нет, друг мой, нет. Бендо Дамут пишет, что тогда приходила Викейру. А значит, никакой силы у магов не было. Как и сейчас...

Сольге поморщилась: за окном послышался скрип колёс — Его Благословейшество выехал на прогулку.

— Но архивариус Сольге, мы не поедem...

Послышались голоса. Один, усталый и капризный, — голос Винни XLIII, другой раздражённый, принадлежал посланнику Морсену.

— Отчего же не поедem? Ещё как поедem. Отчего-то у меня не проходит ощущение, что маги что-то знают о тех вещах, что интересуют нас с тобой. А значит нам просто необходимо нанести им визит. По крайней мере, попробуем нагнать почтенного Хирагрота — может быть, он удостоит нас разговором. Тогда вернёмся раньше.

— Но посланник Морсен...

— Посланник Морсен со всем своим хозяйством проторчит здесь ещё долго. Нашего отсутствия он даже не заметит. В крайнем случае скажем ему, что прогуляемся по окрестностям. И, да, Янкель, когда мы наедине, обращайся ко мне просто по имени. А то от архивариуса уже зубы сводит.

Сборы были недолгими, и вскоре заскрипели ворота, взметнулась пыль под копытами лошадей. Так насколько он далеко, этот таинственный Чьиф?

Каждый знает, что Чьиф — цитадель всех магов — находится в самом сердце жаркой пустыни. Чтобы добраться туда нужно быть магом или безумцем, потому что, помимо бескрайних песков, убийственной жары и ядовитых тварей, путника ждут и другие препятствия. Случайные свидетели рассказывали о песчаных бурях, появлявшихся ниоткуда и исчезающих, словно никогда и не было. Сказки о песчаных змеях, не тех, хоть ядовитых, но обычных, а о тех, что под землёй ещё быстрее и смертоноснее, чем на её поверхности, и таких огромных, что проглотить лошадь для них проще простого, держат в страхе уже которое поколение караванщиков. Безобидные перекасти-поле, которые, по слухам, начинали дрожать, подпрыгивать, словно почуяв живое существо, хоть никакого ветра и не было, и семена их летели по сторонам, впивались, проникали под кожу поглубже и начинали там расти так быстро, что в считанные минуты несчастный путник превращался в колючий куст. Гигантская птица Намук с огненными перьями-копьями охраняла подступы к цитадели днём, а по ночам пески выдыхали мерцающий бледно-голубой туман, вытягивающий живое тепло и более ни на что не посягающий. Кто-то говорил о воинах-скелетах, бряцающих оружием и костями, кто-то шептал о златокожих чаровницах, то ли высасывающих жизнь, то ли вливающих яд с поцелуем. Некоторые утверждали, что само намерение посетить Чьиф без приглашения навлекает беду. Много чего говорили, много чем пугали.

Вот только, если верить Бендо Дамуту, ничего подобного на своём пути в цитадель он не встречал. Также он утверждал, что дорога от Виникриса до Чьифа заняла у него всего дня три, не больше, а самой большой трудностью было сначала отсутствие маленьких заварных пирожных, а потом, когда он достиг ворот цитадели, несговорчивость и упрямство магов, никак не желавших впускать настырного путешественника в своё убежище.

Дневник был подробен до занудства. Бендо Дамут описывал едва ли не каждый камень, каждое дерево, что попадалось ему на пути. И что сказать? Удивительно, но путь до границы Виникриса совпадал с описанным в дневнике настолько точно, насколько это возможно по прошествии стольких лет, а если верить датам, путешествие случилось целых сто лет назад.

Даже заночевать удалось в той же самой придорожной гостинице, что описывал в своём дневнике путешественник. Давясь от смеха Янкель сравнивал описание хозяина гостиницы тех времён с нынешним. Совпадало все: и стать, и толщина, и мощные руки, и усы. Разве что ныне гостиницей владела то ли внучка, то ли правнучка того, о ком говорилось в дневнике. Ну и брала она подороже за ночлег и еду.

В Виникрисе не было принято прятаться на время прихода Сестёр за городскими стенами. Каждое селение, каждая деревня имела свои, вовсе не такие, как октльхейнские — чтобы только кабанов да лосей не пускать, — серьёзные, крепкие каменные стены. С таких хорошо поливать кипятком и забрасывать всякой дрянью непрошенных гостей, о чем милостиво поведал сельский стражник, закрывая ворота за путешественниками так резко, что чуть не прищемил хвост Янкелевой лошадке. Это был уже третий день пути и первое серьёзное расхождение с дневником. Село, в котором заночевали Сольге и Янкель, во времена Бендо Дамута было ещё городом, небольшим, но вполне приличным и гостеприимным, если верить записям. Время не пощадило ни сам городок, ни характер его жителей. Скупость их и подозрительность могли сравниться лишь со скупостью подозрительностью самого Винни XLIII. В какой-то момент Сольге показалось, что вот-во-

где-то за поворотом раздастся знакомый скрип колес. Бр-р-р-р...

Если с дневником все было ясно и вопросов особых не возникало, то с погоней за старшим магом Виникриси дела складывались куда как странно. Изначально сомнений, что Хирагрота удастся догнать, не было. С таким умением держаться в седле далеко бы он не уехал. Однако же все оказалось не так просто.

Сначала на дороге не оказалось ни самого мага, ни его следов. В селениях, которые попадались по пути или в которых получалось остановиться на отдых, Хирагрота либо не видели вообще, либо... Ну вот, к примеру, в одно он въехал с запада, а уехал на восток, в другое — с северо-востока, а уехал, что характерно, на юго-запад. И это при том, что путь в Чьиф лежал точно на юг, а дорога не так уж чтобы и петляла.

— Следы запутывает, что ли? — задумчиво сказал Янкель, когда выяснилось, что Хирагрот опять свернул куда-то не туда.

— И заметь, времени между его отъездом и нашим приездом проходит все меньше. Похоже, что мы нагоняем господина Хирагрота. Но ты прав: что-то он темнит. — Сольге задумчиво посмотрела на пустую дорогу и добавила: Всё-таки хорошо, что в Октльхейне такой строгий запрет на магию. Мало нам своих затейников, ещё бы и с этими пришлось разбираться.

К полудню третьего дня пути граница Виникриси осталась позади. Интересно, что пустыня, по слухам окружавшая Чьиф, так и не началась. Впрочем, Бендо Дамут о ней тоже не упоминал. А если верить дневнику, то ближе к ночи должны были показаться стены цитадели. Пока же жизнь подсунула неожиданное препятствие и второе крупное расхождение с дневником: хорошая, выложенная огромными плоскими камнями дорога внезапно закончилась, а вместо неё осталась широкая и довольно утоптанная, но все же тропа. Которая, к тому же, вскоре начала сильно забирать вверх, да так, что Сольге и Янкелю вскоре пришлось спешиться и почти силой тащить за собой лошадей — те ни в какую не желали почувствовать себя горными козами.

— Похоже, — тяжело дыша, сказал Янкель, когда они, наконец, добрались до верха, — что-то случилось здесь после ухода Бендо Дамута.

Сольге устало опустилась на землю, привалившись к стволу старой кривой липы:

— Ты же читал его дневник. Он такой зануда, что маги, должно быть, устав с ним общаться, сами подняли землю, чтобы перекрыть границу — не дай Сестры, вернётся.

Смех спугнул ворону, облезлую и старую, наверное, даже старше липы. Визгливо каркнув, птица шумно снялась с дерева и улетела на юг. Янкель, все ещё смеясь, проводил её взглядом, и смех его смолк:

— Смотрите, Сольге!

С вершины дорога не неслась прямо вниз, а, извиваясь, ползла по склону. И в самом её конце, там, где изгибы становились плавнее и реже, а после и вовсе дорога вытягивалась в струну, все так же лениво, как и у ворот Виникриси, трусила серая лошадь с тощим, похожим на замотанную в тряпку палку, всадником. А им навстречу вырастали мрачные стены Чьифа. И были совсем не такими внушительными и величественными, как на изображениях в книгах или, к примеру, гобеленах. Скорее, остатки этого самого величия, сохраняющие. Как раз такие, как их описал в своём дневнике Бендо Дамут.

И все же догнать Хирагрота не удалось. То ли серая лошадь оказалась стремительнее, то ли расстояние обманчивее. Только скрип ворот цитадели, наверняка открывающихся

навстречу магу, Сольге слышала в сумерках, а сами они достигли стен Чьифа уже в расцвеченной лиловым светом темноте. Бендо Дамут снова не обманул: никаких чудовищ из легенд и сказок путникам не встретилось, однако вторая главная проблема автора дневника — упрямство магов — встала перед ними почти непреодолимой стеной.

Молоденький мажек, почти мальчишка, не поддавался ни на какие уговоры, не проникался жалостью к несчастным заблудившимся путникам, не верил в потерянное письмо с приглашением от дальнего родственника. И даже слезы напуганной страшными легендами девицы оставили его равнодушным. Только одно имя заставило упёртого мага распахнуть ворота.

— Проклятый Хирагрот, — пробормотал Янкель, пока Сольге разыгрывала перепуганную деву, — не мог ехать помедленнее.

— Так вы гости старшего мага Виникриси? — удивился мажек.

Янкель открыл было рот, чтобы возразить, но Сольге незаметно, но вполне ощутимо ткнула его локтем в бок: «Молчи!» Сама она только загадочно улыбнулась, мол, вы правы, но давайте не будем об этом обстоятельстве распространяться, а вслух сказала:

— Мы ехали за господином старшим магом.

Мажек исчез, а спустя минуту-другую ворота распахнулись, выпустив пятёрку дюжих парней в непонятного цвета мантиях, и те аккуратно, но очень настойчиво сопроводили гостей внутрь цитадели.

Внутри Чьиф оказался ещё более мрачным, чем снаружи. Бесконечные тёмные коридоры, едва освещённые редкими факелами, гулкий камень под ногами и мантии сопровождающих — рассмотреть что-то ещё не представлялось возможным.

— Что мы будем говорить? — едва слышно прошептал Янкель.

— Правду. Во всяком случае, про себя. Мы же не знаем, что известно Хирагроту, и что он успел рассказать... — Так же тихо ответила Сольге. — Про Сестёр молчи... Вообще лучше молчи и соглашайся со мной, ладно?

— Зачем вы сказали, что мы гости Хирагрота?

— Я не говорила, они сами так решили. Не бойся, выкрутимся...

Впрочем, сама Сольге не была в этом так уверена. Успокаивала Янкеля, а сама клялась, что если сегодня им повезёт, и они смогут вернуться домой, то больше никогда, ни при каких условиях она не покинет границ Октльхейна, а может даже и стен королевского замка. Никогда!

Зал, в который их привели, на первый взгляд от коридоров отличался только размерами. Та же полутьма, пляшущая в неверном свете факелов, то же эхо шагов, только приглушённое. Станный зал: ни мебели — одни только ступени вдоль стен и ещё, повыше, напротив входа, — ни окон. Впрочем...

Янкель легко коснулся рукава Сольге и указал головой куда-то вверх. Потолок был слишком низким для такого зала и... Гобелен? Гобелен на потолке? Или вместо потолка?

Но что это? В дальнем углу, между краем гобелена и стеной пробивался тоненький, едва заметный луч света. Так вот оно что! Окна в этом зале есть. Но маги отгородились от них огромным гобеленом. Это так они встречают свою покровительницу? Прячась в тёмной норе, готовые слепнуть и задыхаться в душных залах, лишь бы не встретиться с той, кто пусть сначала и отнимет силы, но вернёт гораздо больше и одарит сверх того.

«Неужели маги её боятся! Боятся Викейру!» — они переглянулись, и Сольге прочла в глазах Янкеля то же, что и он в её. Вот это да! Вот это открытие!

— Кто вы и как попали сюда? — раздался скрипучий голос с самой верхней ступени. Бендо Дамут писал в своём дневнике, что по прибытии его принял Совет старших — пятерс магов, обладающих наибольшей силой. Здесь же, по ощущениям Сольге, народу было куда больше: то и дело с разных сторон слышались покашливания, вздохи, шорох одежд. Она уже собиралась ответить, как вздрогнула — ей показалось, будто чьи-то руки легко обшарили складки её платья и плащ. Судя по тому, как дёрнулся Янкель, с ним произошло то же самое.

И вот тут Сольге разозлилась. Сборище трусов, не осмеливающихся взглянуть навстречу своей покровительнице, прячущееся от мира за высокими стенами, пугающее гостей, тайно их обыскивая... Да как они смеют? С этого момента дневник Бендо Дамута становился бесполезным: самого путешественника встретили куда более приветливо, во всяком случае, не в темноте и с открытыми лицами.

Если бы Янкель не видел своими глазами, с кем въезжал в Чьиф, решил бы, что на вопросы мага ответила Байвин. Он, конечно, не знал принцессу так хорошо, скорее, вообще не знал, но голос, красивый, как переливы хрустальной арфы, холодный, надменный и колючий, как её осколки, слышал.

Именно такой голос разорвал в клочья сумрак мрачного зала.

— Мы так и будем разговаривать в темноте? Маги Чьфа страшатся показать свои лица или боятся увидеть наши? А может в цитадели таковы законы гостеприимства?

Воцарилась тишина. Янкель замер, ожидая, если не молний, то гневной отповеди или даже выдворения. Спустя минуту факелы полыхнули все разом, растроились и разлетелись вдоль стен. Стало так светло, словно Рийин заглянула сюда своим Дневным глазом.

При ярком свете зал оказался больше и многолюднее, а сопровождающие — меньше ростом и не такие пугающими. Маги стаей бледно-голубых голубей расселись на ступенях, все курлыкали-переговаривались. У одних мантии были попроще, у других подороже. По углам сбились в стайки юные мажеки в белых мантиях — похоже, ученики, или как называются у них младшие? Ближе к высоким ступеням в конце зала сидели маги в расшитых серебром мантиях — старшие. Их было меньше, чем остальных, а разговоры реже и тише. И молча, величавыми монументами возвышались над всеми ещё пятеро. Их ярко-лазоревые мантии, без шитья и украшений, были обманчиво просты. Только знающий человек мог определить, что каждая из пяти стоила больше, чем все вместе взятые расшитые, нерасшитые и белые. Таковую ткань мог позволить себе даже не каждый правитель. К примеру, такому ценителю прекрасного как Винни XLIII денег бы хватило разве что на дюжину носовых платочков.

Ещё цепкий взгляд Янкеля выхватил из толпы несколько магов в тёмно-синих, почти чёрных мантиях. Эти держались особняком и от всех разом, и друг от друга.

Сольге придирчиво оглядела присутствующих, осталась довольна, и голос Байвин в её устах потеплел:

— Так-то лучше. Я Сольге — личный секретарь и архивариус Толфреда, короля Октльхейна.

«Октльхейн! Октльхейн!» — понеслись по рядам шепотки и курлыканье, и зал впрямь стал похож на голубятню. Даже среди пятерых появилось лёгкое смятение. Сольге уже было собралась рассказать заготовленную байку про то, как они с Янкелем путешествовали по окрестностям и заблудились, но все обернулось ещё лучше.

— Это правда, что вы прибыли по приглашению старшего мага Виникриса — Хирагрота?

— Мы следовали за ним, — ответила Сольге и, как ни крути, это было чистой правдой.

Снова поползли шепотки. Пятеро переглянулись, один из них подал знак, и пятый сопровождающий Сольге и Янкеля, тот, что стоял сзади, исчез за дверями.

— И что же... — начал тот же голос, но Сольге перебила:

— Вы узнали наши имена, но на назвали своих. Или это тоже часть традиций Чьифа? «Курлы-курлы-курлы!»

Янкелю становилось все страшнее. Ему уже мерещилась участь корочки хлеба, брошенной в стаю прожорливых птиц.

— Свет Безжалостной пронзает небеса, отнимая дарованное нам при рождении. И только пять Щитов могут остановить жадность синей звезды, приняв удар на себя. Щиты не носят имён, как не носят их стены, рвы и другие преграды, что поставлены на пути врага.

Одобрительный гул едва не оглушил Янкеля. Да и Сольге тоже едва смогла сдержать изумление. В то время, как посвящённые Альез считают её источником силы, с радостью отдают и с благодарностью принимают её дар, маги... Как мало известно о них в Октльхейне! Как мало!..

— Так что же понадобилось в нашей цитадели подданным короля Толфреда? — ехидно проскрипел голос другого Щита. — Неужто он решил открыть ворота Октльхейна детям Чьифа?

— Для начала мы должны быть уверены, что никто из вас больше не нарушит священное Перемирие и не покусится на трон, казну и саму суть королевской власти! — А вот то, что у Толфреда даже мыслей таких не было, магам знать было вовсе не обязательно. И самому королю тоже. Главное — выбраться отсюда живыми. И не особенно врать.

— Мы должны обсудить ваше предложение, — сказал ещё один голос, мягкий, как кошачья шёрстка. Неужели среди магов есть женщины? — А пока отдохните после трудного пути. Мы не хотим, чтобы король Октльхейна упрекал Чьиф в негостеприимстве.

— Как вы думаете, кто кого обманывает, Сольге? — спросил Янкель, когда они остались одни.

Небольшая комнатуха, ещё меньше, чем в Виникресе, едва вмещала в себе две узкие кровати, два сундука, больше похожих на ящички для мелочей, стол и два стула. Вряд ли это была гостевая комната. Скорее, ученическая келья. Здесь же были сложены седельные сумки. Их-то и осматривала Сольге, когда Янкель задал свой вопрос.

— Не знаю. Может быть нам повезёт, и маги закроют глаза на нашу хитрость ради возвращения в Октльхейн. Я видела старые письма — Чьиф долго слал предложения мира, даже после окончательного отказа были попытки...

— А король?

— Король?.. Знаешь, давай не будем заглядывать так далеко. Займёмся тем, за чем приехали. Пока я побуду посланником, ты попытайся попасть в их библиотеку. Может... — Она замолчала и, побледнев, повернулась к Янкелю:

— Наши вещи обыскивали! — И без сил опустилась на кровать. — Если они нашли дневник Бендо Дамута, вся наша удача...

Шансы вернуться целыми и невредимыми исчезали на глазах. Но Янкель оставался спокоен. Он рассеянно проверил свои сумки, убедился, что все на месте, хоть и перевёрнуто, и сказал:

— Не нашли. Я его в щель возле ворот спрятал. Не знаю почему.

— Янкель, ты... — Сольге рассмеялась и обняла его так крепко, словно Янкель только что вытащил её из пропасти. Хотя как знать, может, именно так оно и было.

Следующие четыре дня показались Сольге бесконечными. Никогда ранее в своей жизни ей не приходилось так тщательно подбирать слова. Манера речи Байвин выматывала, портила настроение и, казалось, даже характер. Каждый шаг, каждый взгляд тщательно продумывался. И глаза, глаза, глаза... Куда бы ни повернулась Сольге, она постоянно натывалась на чей-нибудь взгляд, пытливый и подозрительный.

Янкелю приходилось не легче. Его всерьёз не воспринимали, но это не значит, что присмотра не было. Стоило ему остановиться, как рядом, как бы совершенно случайно, возникал кто-нибудь из учеников. На вопросы они не отвечали, старательно упражнялись в глухоте, но и препятствий сперва не чинили. Потому библиотеку Янкель нашёл довольно быстро — на второй день. Однако проникнуть в неё никак не удавалось. Он попытался раз — его отёр в сторону кругленький, похожий на сдобный пирожок, мажек. При следующей попытке — ещё двое. Каждый раз число желающих помешать Янкелю росло, и он отступил.

Третий день Янкель посвятил наблюдению. Он осторожно, чтобы не вызвать новых подозрений, то и дело возвращался в коридор с нужной дверью. Ученики заглядывали в библиотеку чаще остальных магов. Просто открывали дверь и заходили. В какой-то момент Янкелю повезло: в приоткрытую дверь он увидел кусочек библиотеки — и самый вход, и чуть дальше. Смотритель библиотеки, горбатый маг в пыльной мантии, даже не повернул головы, когда очередной ученик прошёл мимо него, только грозно рыкнул на следующего, недостаточно быстро закрывшего дверь. Это было очень неплохо. Это было Янкелю на руку. Кто обратит внимание на очередного мажека, если тот зайдёт достаточно уверенно? Ему нужно только добраться до стеллажей, а там чутье архивной ищейки подскажет, куда идти.

Ещё полдня Янкель потратил на поиск мантии. Сначала он хотел воспользоваться простынями из комнаты, но они, как назло, были, скорее, светло-серыми, а не голубыми. Тогда он отправился на поиски комнат учеников. Везение не оставило его и здесь. Выделенная им с Сольге комната действительно оказалась ученической. К сожалению, ни одной забытой мантии в ней не нашлось. Зато обнаружился малюсенького роста ученик, который, кряхтя и пыхтя, тащил корзину с грязными мантиями других учеников. Он оставлял её у каждой из дверей, заходил в комнату, выносил одну-две мантии, добавлял их к своей ноше и тащил-кряхтел к новой двери.

Янкель дождался, когда мажек скроется за очередной дверью, и быстро-быстро сдёрнул с кучи самую верхнюю. Правда, неосторожно уронил ещё одну. Поправлять было некогда. Янкель тихонько прикрыл свою дверь и затаился. Шаги, мягкий шорох ткани, тихое ругательство и снова шаги и сопение. Кажется, маленький мажек не заметил пропажи. Янкель быстро переоделся и тихо выскользнул из комнаты.

Сначала ему снова повезло. Горбатый смотритель толком даже не взглянул на тихо вошедшего ученика, только поморщился и прокаркал:

— Смени мантию, ученик, от твоей вони книжные черви передохнут.

Янкель робко кивнул, ожидая, что его сейчас выгонят, но смотритель уже занялся своими делами.

Стеллажи уходили куда-то в глубину помещения, и конца им не было видно. Янкель даже растерялся сперва — такой огромной библиотеки он не то чтобы видеть, даже представить не мог. Ищейка внутри него сжалась и заскулила — страшно. Однако стоило

сделать несколько шагов, как чутье стало потихоньку возвращаться. Что-то тоненько пело и звало Янкеля дальше. Ещё несколько шагов. Теперь он точно знал, куда ему надо идти. На два стеллажа левее и вперед через два перекрестка. На всякий случай, чтобы потом было проще найти дорогу назад, Янкель ставил чёрточки на пыльном полу под стеллажами.

Ему оставалось всего ничего, когда послышался звон колокола. Душа Янкеля нырнула куда-то под колени и оттуда свалилась в самые пятки: его обнаружили! Но вскоре раздался каркающий голос:

— Все вон! Ужин ждёт. Пища для ума вряд ли принесёт вам пользу, идите и набейте хотя бы свои животы!

Ужин гостям подавали в их комнату, что было странно, но вполне на руку обоим: можно было наконец расслабиться без лишних глаз и ушей. Янкель чудом разминулся с теми, кто этот самый ужин принёс, ввалился в комнату и спрятал мантию под матрас. Вскоре появилась и Сольге.

Она устало опустилась на кровать:

— Я больше не могу, Янкель. Как Байвин живёт с таким характером? Я только три дня веду себя как она, а сил уже не осталось. И толку никакого. Одни слова, слова, слова. Пустые разговоры с утра и до вечера. Кроме того, что Чьиф яростно ненавидит Викеёру, я пока больше ничего не узнала. Это удивительно, да? Ты бы видел их: как эти маги шипят и корчатся, стоит упомянуть имя Викеёру. Как можно ненавидеть того, кто даёт тебе силу, пусть и ценой некоторой жертвы? Мне уже кажется, что мы зря сюда приехали — ничего эти маги не знают. А как твои успехи?

Янкель замялся. Хвастаться было нечем. Чутье чутьём, но не хотелось бы обнадёживать Сольге попусту.

— Я пока не уверен, но мне кажется, здесь что-то есть. У нас ведь есть ещё день или два?

Сольге вздохнула:

— Думаю, что есть. Знаешь, мне иногда кажется, что мы больше никогда не выберемся отсюда.

Чтобы не пугать помощника, она не стала делиться подозрениями. Вот только весь сегодняшний день её не отпускало ощущение, будто один из Щитов, тот, с мягким голосом, пытался (или пыталась?) уговорить их остаться в Чьифе до ухода Сестёр. То и дело возникал разговор об опасностях за стенами цитадели. Или о том, что Сольге необходимо узнать побольше о жизни в Чьифе, чтобы полнее и убедительнее донести до короля Толфреда мысль о необходимости примирения. Или... Нет, уже не слова. Взгляды. Хищные взгляды. Как у кошки, играющей с мышью. Как у ястреба, заметившего куропатку. К сожалению, мысль о том, что маги Чьифа могут оставить её в заложниках, чтобы потом выдвинуть выгодные для себя условия Октльхейну, посетила Сольге слишком поздно. Случись это хотя бы на пути из Виникриса, она в жизни бы не сунулась сюда, даже если бы им с Янкелем посулили открыть все секреты Сестёр, вырванных страниц и всего прочего. Проснувшийся страх был так велик, что Сольге готова была сорваться в дорогу прямо сейчас. Но они уже были в Чьифе. И ещё эти слова Янкеля...

Сольге уснула только под утро, извертевшись и окончательно запутавшись в коконе собственных мыслей и страхов, и не слышала, как Янкель осторожно достал из-под матраса

мантию, переоделся и тихо выскользнул из комнаты.

Коридор был пуст. То ли ученики ещё спали, то ли уже разбежались по своим магическим делам. Янкель спокойно дошёл до библиотеки, так никого и не встретив. У дверей препятствий тоже не появилось. Горбатого смотрителя не было на месте, но Янкеля это только обрадовало. Он юркнул в проход между стеллажами и помчался туда, куда звало его чутье. А оно восторженно вопило: «Вперёд! Давай! Левее, ещё левее! Теперь прямо! Ещё Вот, здесь! Стой!»

Тоненькая книжечка с красным корешком, что стояла на предпоследней сверху полке, словно обрадовалась: «А вот и ты, ищайка! Молодец».

Янкель огляделся — ни лесенки, ни скамейки какой-нибудь, ни приступки. Ах, да, это же маги! Наверняка у них есть какие-то заклинания, позволяющие доставать книги с самых верхних полок, но что делать Янкелю? Он попытался подтянуться на полке, чтобы залезть повыше, но ничего не получилось. Тогда он снял с одной из нижних полок несколько книг, ещё с одной, повыше, и ещё. Получились ступеньки. Дело пошло лучше, но все ещё медленно — руки скользили, книжная пыль набивалась в нос и по-хозяйски там устраивалась, наводила свои порядки — щекотала так, что не чихнуть было невозможно. И тут произошло сразу два события: на соседнем ряду послышались тихие, шаркающие шаги и ещё какие-то звуки, вот как если бы вороне пришло в голову бурчать себе под нос.

Грохот от падения Янкеля и вскарк (вскриком назвать это было нельзя) «Кто посмел?!» раздались тоже одновременно. Шаги ускорились. Янкелю повезло, что ряд был длинным: пока смотритель добрался до места, он уже успел нырнуть под стеллажи и укатиться подальше. Рёв разъярённого смотрителя отражался от стен и потолка, путался в книгах и свитках, цеплялся за крюки для ламп, запирающих в себе огонь, и метался среди полок. «Кто посмел?!» — повторялось снова и снова. Лёгкий шорох и по полу поползли серые, полупрозрачные щупальца. Это смотритель в гневе потратил остатки сил, чтобы найти нарушителя. Янкель юркой ящеркой скользил под стеллажами, едва уворачиваясь от колдовских штуковин, пока не упёрся в стену. Это было, наверное, на другом конце библиотеки, далеко от того места, где сейчас был смотритель. Щупальца ослабли, обмякли, ползли еле-еле. Одно едва не коснулось Янкеля, но он успел забиться за какой-то сундук. Крики смотрителя стихли, видимо, он решил, что нарушитель сбежал и щупальца исчезли.

Янкель отдышался и снова пополз. Идти в полный рост между рядами стеллажей он все же не осмелился. Впрочем, это мало ему помогло бы, потому что Янкель заблудился. Он кружил в поисках выхода, все больше отчаиваясь с каждой минутой. Библиотека Чьифа была столь велика, что даже представить страшно.

Мантия мешала ползти, и Янкель скинул её. Дорогу это найти не помогло, но ползти было легче. Чутье постепенно оправлялось от страха и начинало помогать. Ряд. Ещё один правее. На два вперед и левее. Янкель едва не вскрикнул от радости — на пыльном полу он обнаружил собственноручно начерченный им знак. До выхода оставалось немного. Под рукой что-то зашуршало — страница. Вся исчёрканная, залитая чернилами. Янкель хотел её оставить, но в этот самый момент оказалось, что смотритель и не думал прекращать свои поиски. Сразу три полупрозрачных щупальца метнулись к Янкелю, он стукнулся головой о полку, выкатился из-под стеллажа и рванул к дверям. Ему снова повезло: на пути не попалось ни одного ученика, а сам смотритель был ещё где-то за стеллажами...

Янкель едва успел почиститься от пыли, умыться и одеться в свою одежду, как дверь распахнулась, и на пороге возникла Сольге.

— Всё, Янкель, хватит здесь сидеть! Мы сейчас же уезжаем.

Он схватил свою сумку, сунул в неё непонятно как оставшуюся в руках страницу из библиотеки и через секунду стоял у дверей:

— Я готов, архивариус Сольге!

Левая створка ворот Чьифа со скрипом распахнулась, и на дорогу, похожую на вытопанную среди огромного пустыря тропу, выехали два всадника. Их никто не провожал. Младший на мгновение задержался у стены, кажется, поправлял стремя, догнал старшего, и вскоре оба они превратились в две маленькие точки на горизонте.

Снова скрипнули ворота...

Синий и красный свет Сестёр переплетался, перемешивался, окрашивая мир во все оттенки лилового. Если Дневной глаз Рийин ещё не давал затмить себя полностью, то Ночной уже почти не справлялся. Ночи стали светлее и ярче, цвета и тени — обманчивее и коварнее. Кому придёт в голову путешествовать в такую ночь? Однако ж нашлись и такие. Чьифские маги то ли из вредности, то ли от страха, похоже, таки, приложили остаток сил, чтобы восстановить ловушки, обманки и прочие охранные заклятья, коими славилась дорога в Чьиф. Надолго их не хватило, да и путники, жизнь которым предстояло усложнить, знали цену всем этим страшилкам. Но кое-чего маги все же добились: времени на дорогу ушло куда больше, и когда до Виникриси осталось несколько часов пути, на мир опустилась ночь.

Сольге была готова путешествовать и ночью: посланник Морсен должен вот-вот отбыть домой. Однако у лошадей на этот счёт было собственное мнение. Натерпевшись страху и жажды по дороге из Чьифа, несчастные животные собирались либо отдыхать этой ночью, либо пасть. Янкель был на стороне лошадей, и Сольге смирилась.

Не изменившее в ночном лиловом свете цвет пламя костра было единственным, что напоминало о мире до прихода Сестёр. Оно было таким же рыжим и весёлым, и все, что попадало в круг света, было привычным и понятным, даже лес за его пределами после мороков Чьифа казался почти домом.

Ужин из остатков того, чем поделился Чьиф. Скудненький. Завтра в Виникриси нужно будет пополнить припасы — и можно снова отправляться в путь. Ещё немного и здравствуй, Октльхейн. А уж в компании Морсена и его людей будет не только веселее, но и безопаснее.

Усталость, наконец, догнала и Сольге: хотелось чего-нибудь горячего и спать. Закутаться в плащ с головой, так, чтобы спрятаться от Сестёр и их всепроникающего света, и забыться до утра. Но тут заволновались, зафыркали лошади — кто-то пробирался напрямик через кусты.

— Ух-ты! А это кто тут у нас? Путнички! Доброго вам вечерочка!

Те, кто напугал лошадей, подошли к костру. Их было двое. На первый взгляд они были похожи как близнецы, на второй — казались абсолютно разными, а потом становилось понятно, что общего между пришедшими было куда больше, чем различного. И это общее было пугающим и опасным.

— Ужинаете, да? Это хорошо, это славненько. У вас мяско и хлебушек, у нас винцо — есть, чем поделиться. Ну так мы присядем к костерочку-то? — спросил тот, что был пониже, лысый, длинноносый, рябой, с неприятно рыскающими глазами.

Сольге уже было открыла рот, чтобы согласиться, но Янкель оказался быстрее. Он вскочил на ноги, загородив собой Сольге, выхватил из костра полено покрепче — плевать, что обжётся — и хмуро предложил гостям:

— Шли б вы подобру-поздорову. Нечем нам с вами делиться.

Второй, огромный, как бочка, в надвинутой на глаза шляпе, то ли заухал, то ли захохотал, громко и гулко, как в ту самую бочку. Первый вторил ему хехеканьем, похожим на кашель.

— Ты, паренёк, тут, стало быть, за главного. И девка твоя, и лошадки, и ужин. А говоришь, делиться нечем. Так мы с товарищем моим, Мелким Дугом, не привередливые, нам малости хватит. Давай-ка так: нам девку и ужин, а лошадок, так и быть, забирай.

Видишь, тебе большая часть даже остаётся. И, это, ты б не кобенился, а то ещё и лошадок заберём, и тебе достанется. Бросай, полешко, бросай.

Очень некстати Сольге вспомнилось предупреждение Толфреда, что он сделает, если она сунется в Чьиф. Угрозы короля казались куда заманчивее и приятнее нынешних перспектив. Даже работа на посылках у Байвин.

Из оружия у Сольге был только нож для бумаг, подарок короля, красивый, но сейчас бесполезный. Хватать по примеру Янкеля из костра полено она не решилась. Больше ничего под рукой не было, кроме сухой земли и сумки с книгами. Тяжёлыми книгами. И каким бы трепетным ни было отношение к ним Сольге — сейчас это представлялось не таким уж важным. Итак, в одной руке сумка, в другой — горсть земли вперемешку с золой, прошлогодней хвоей и полусгнившими листьями.

Тем временем, пока его рябой друг отвлекал разговорами Янкеля, Мелкий Дуг бочком, бочком, потихоньку приближался к Сольге. В этот момент она подумала, что стоило бы, наверное, достать нож для бумаг — убить не убила бы, но хотя бы поранила. Впрочем, земля пригодилась. Когда здоровяк попытался схватить Сольге за руку, она швырнула землю ему в лицо. Удачно. В глаза попала. Замахнулась сумкой, врезала, что есть силы, гул пошёл такой, словно Мелкий Дуг и впрямь был бочкой. Вепрю травинка. Даже не пошатнулся, вопил, ругался грязно, одной рукой тёр глаза, другой старался ударить Сольге. Тем временем Янкель отмахивался тлеющим поленом от Рябого. Пока успешно, но уж больно силён был напор, чувствовался опыт. Ох, далеко не первыми были Сольге и Янкель на пути этих двоих.

За спиной здоровяка мелькнула тень. Короткая вспышка света, и он свалился мешком. Схватился за горло, выпучил глаза, захрипел и затих. Тень метнулась к Янкелю, отшвырнула его в сторону. Очень вовремя, потому что спасительного полена у помощника Сольге уже не было, зато был длинный, глубокий порез на руке, пара мелких на лице — Рябой развлекался. Впрочем, уже нет: та же вспышка — и он валяется рядом с приятелем.

Пока Сольге и Янкель приходили в себя, человек-тень оттащил Рябого куда-то за деревья, вернулся, бросил Янкелю: "Помоги!" Вдвоём они кое-как отволокли Мелкого Дуга к его товарищу. Янкель вернулся первым. Бледный, почти белый, даже порезы перестали кровоточить, молча сел у костра и устался на огонь.

— Что там? — спросила Сольге и голос её был непривычно дрожащим. — Эти двое не вернуться?

— Не вернуться. Не беспокойтесь, госпожа, — незнакомец появился почти сразу после Янкеля. Спокойно, по-хозяйски, расположился у огня.

— Он их... — Янкель судорожно сглотнул. — Как свиней...

Незнакомец усмехнулся:

— А так они бы вас... Как свиней. Потом, не сразу. Ты бы может ещё и быстро отделался, а вот госпоже точно пришлось бы плохо. Так стоит ли жалеть тех, кто не пожалел бы вас?

Янкель не ответил. Прав был их нечаянный спаситель. Сейчас бы сидеть за стенами города, в книгах рыться, документы сортировать, а не в лесу у дороги с чужаками беседы вести. Охнула Сольге, вспомнила про пораненные руки своего помощника. Промыла, перевязала, виновато поглядывая — в конце концов, по ее капризу они поехали в Чьиф. Остались бы в Виникрисе, ничего бы не было.

— С ожогами не знаю, как быть, — Сольге вздохнула. Читать об этом она читала, но под рукой не было ничего, что бы могло помочь.

— Покажи, — приказал незнакомец. Осмотрел повязки, обожжённые ладони, усмехнулся и, как бы невзначай, легко прикоснулся, Янкелю показалось — или правда проскользнула искра, и руки слегка кольнуло.

— Не смертельно. Завтра будешь в полном порядке, — незнакомец достал из кармана фляжку и протянул Янкелю. — Глотни. И вы, госпожа, тоже.

Янкель принялся. Запах был подозрительный, какая-то жуткая смесь трав и того пошла, что подают в дешёвых придорожных трактирах.

— Пей, не бойся. Старый семейный рецепт. Как раз для таких случаев. Пей, пей. Не отравишься. Хотел бы убить — не стал бы спасать.

Язык, горло, желудок, казалось, вспыхнули. Ударило в голову, зашумело. Ноги стали ватными: стоял бы — упал бы точно. "Всё-таки отравил," — подумал Янкель. И вдруг все прошло. Голова стала ясной, ушла боль из рук, даже усталость почти прошла. Он протянул фляжку Сольге.

— Вот и хорошо, — сказал незнакомец, когда она отфыркалась и пришла в себя после глотка из фляжки, — а теперь ложитесь отдыхать, я посторожу.

— Кто ты? Как тебя зовут? — Сольге вдруг потянуло в сон, хотя мгновение назад она чувствовала себя вполне бодро. Встряхнула головой, боясь заснуть до того, как услышит ответ: отчего-то ей казалось, что если незнакомец назовёт своё имя, то ничего плохого сделать им двоим не сможет.

— Моё имя Шо-Рэй, я просто путник и тот, кого вам не нужно бояться. Спите, госпожа Сольге, последуйте примеру своего помощника.

Янкель уже крепко спал. Сольге тоже сдалась, но, засыпая, подумала о том, что не помнит, чтобы называла незнакомцу своё имя.

Ночь незаметно перетекла в утро. Сольге проснулась, но не торопилась вставать, вместо этого сквозь ресницы разглядывая Шо-Рэй. Он сидел там же, словно всю ночь не сдвигался с места. И непохоже было, что спал. Кутался от утренней сырости в свой то ли тёмно-синий, то ли чёрный плащ, свет Сестёр искажал цвета. Высокий, выше Хендрика, отметила про себя Сольвейг, как сложен — не видно из-за плаща, но похоже, что неплохо. Вчера двигался уверенно и плавно, силы не занимать, видимо, хоть и не воин. Точно не воин. Для юнлейна староват. Сколько ему? Примерно, как Толфреду или немного меньше. Смуглый, длинноносый, коротко стриженные волосы, но, кажется, выются немного. А глаза, интересно, карие или чёрные? Южанин? Наверное.

— Ты уже проснулась, госпожа Сольге? Удобнее разглядывать человека широко открытыми глазами. И завтрак уже готов.

Сольге не стала больше прикидываться спящей, под села к костру.

— Вот только я не помню, чтобы называла тебе своё имя.

— Да? Значит услышал, как вы обращались друг к другу.

— Не было такого с тех пор, как ты с нами.

— Тогда раньше слышал, — пожал плечами Шо-Рэй.

— Ты следил за нами?

— Ладно. Да, некоторое время следил. Думал, как лучше к вам подойти, чтобы не пугать, но меня опередили.

Сольге его ответ устроил. Почти. А вот проснувшийся Янкель что-то бурчал спросонья, недоверчиво поглядывая на нового знакомого. От завтрака отказался и занялся своими руками.

— Зажило! Смотрите, Сольге, у меня всё зажило!

Янкель показал руки: следы от ожогов были почти не видны, а порезы на руках закрылись, словно прошла не ночь, а несколько.

— Я же говорил — не смертельно, — хмыкнул Шо-Рэй.

Янкель подозрительно на него покосился: это что же, получается, что искра и покалывание ему померещились? А ещё Янкелю показалось, что где-то он этого человека уже видел, о чём и шепнул тихонько Сольге, пока Шо-Рэй седлал своего коня, а заодно и их лошадок.

До Виникриси решили ехать вместе.

— Мало ли, что ещё в дороге может случиться. Времена сейчас тревожные, — заявил Шо-Рэй.

Лошадей особенно не гнали, но ещё до обеда были у стен Виникриси. Увы, ворота оказались накрепко закрыты. Толстый стражник прокричал со стены, что посланник Морсен со свитой и охраной убыл ещё вчера после обеда, аккурат перед тем, как город закрыли. О чем уже давно предупреждали, поэтому, если кто-то забыл или не успел, то это их личные проблемы. А если будут буянить и в ворота ломиться, то он не посмотрит, что люди на вид приличные, окатит кипятком из котелка или каменюкой запустит здоровенной. А то и из арбалета пульнёт. С разных сторон его смешками и весёлыми выкриками поддерживали другие стражники.

— Нам бы только припасы пополнить! — взмолилась Сольге.

На это было заявлено, что самим мало, и вообще, может, она за кустами целую шайку разбойничью прячет, знает он таких. Попытка Янкеля вмешаться в разговор вызвала новый взрыв красноречия. Что-то, мол, паренёк у вас подозрительный. Вот таких хиленьких обычно впереди всей шайки и засылают, по причине внешней безобидности. И шли б вы, господа хорошие, подальше отсюда, а то терпение кончается, и вот сейчас уже за каменюку возьмётся бдительный стражник.

И вдруг словесный поток иссяк. Сидевший до поры до времени спокойно Шо-Рэй откинул капюшон плаща и внимательно посмотрел на стражника. Тот как онемел. Потом забегал, запричитал. "Тёмный! Тёмный!" — зашептались на стенах. Ворота так и не открыли, но уже вскоре со стены спустили корзину, доверху набитую снедью. И не абы какой, а лучшей. Шо-Рэй по обыкновению хмыкнул и снова накиннул капюшон.

Дальше ехали не торопясь. Морсена всё равно было уже не догнать, а лошадей надо было беречь: поменять их сейчас на свежих возможность вряд ли представится — кто не укрылся в стенах города, накрепко заперлись в своих домах и чужаков встречали палками, вилами и огнём, вопросов не задавали.

Гнедая лошадка Сольге вышагивала рядом с огромным вороным конём Шо-Рэя. Янкель на пегой кобылке плёлся сзади. В разговоры не встречал, всё какую-то бумажку рассматривал и что-то бормотал под нос.

— Почему стражники называли тебя Тёмным? — спросила Сольге у Шо-Рэя.

— Потому что я и есть Тёмный, госпожа Сольге.

— Значит ты маг и живёшь в Виникриси?

— Я маг, да. Маг-путешественник. И в Виникриси бываю только время от времени, но меня здесь хорошо знают и помнят.

— Почему ты не в Чьифе?

Шо-Рэй не успел ответить.

— Чьиф! Точно! Я видел тебя там, в библиотеке, — Янкель воскликнул так громко, что лошадка Сольге шарахнулась в испуге.

Янкель бросился на помощь, а маг даже с места не сдвинулся — что-то в небе показалось ему куда интереснее. Наконец, гнедую успокоили, можно было двигаться дальше.

— Так что заставило тебя покинуть цитадель? — спросила Сольге.

— Это долгая история, — Шо-Рэй нахмурился, по-прежнему разглядывая небо.

— Так и дорога длинная, а мы пока не особенно торопимся.

— Нет, — маг тронул своего вороного, — мы торопимся, мы сейчас очень торопимся. Скачите! Скачите быстрее.

В лиловом небе появилось тёмное пятно: небольшая тучка плыла, нет, неслась, хотя ветра не было и в помине. На неё-то и оглядывался Шо-Рэй, подгоняя спутников. Гнедая и пегая мчались так быстро, как могли, вороной рвался вперёд, недовольно косясь на хозяина, но Шо-Рэй придерживал его, прикрывая своих спутников со спины. Сольге всё порывалась спросить, что же такое происходит, от чего они бегут, но маг каждый раз кричал: "Быстрее! Скачите быстрее!" — не давая произнести ни слова.

А туча нагоняла, маленькая, злая, ощерившаяся молниями. Она как будто точно знала, кого ищет, или чья-то воля гнала ее вперёд, к цели.

— В лес! Сворачивайте в лес! — приказал Шо-Рэй.

— Но разве можно во время грозы? — попытался возразить Янкель.

— От этой нужно!

Лошади замедлили бег. По дороге было быстрее, но туча словно и правда потеряла свою цель из виду. Впрочем, ненадолго.

Бах! Дерево справа от Сольге разлетелось в щепки. Гнедая прижала уши и рванула, забыв о препятствиях.

Ба-бах! Пегая оттолкнулась всеми четырьмя ногами и перемахнула колючие заросли, едва ли их заметив.

Туча била молниями всё чаще, но раз за разом промахивалась. Шо-Рэй больше не подгонял спутников — в этом не было нужды. Пока. И всё же эта скачка не могла продолжаться вечно. Люди и лошади устали, лес становился гуще, а укрыться было негде. Бах! Бах! Ба-бах! Вспыхнула, но тут же потухла старая кривая сосна. Странно, лес давн должен был полыхать, но что-то гасило огонь, не давая ему набрать силу. Ба-бах! Бах! И вдруг всё стихло. Туча исчезла.

— Кажется, выбрались, — простонал Янкель, почти вываливаясь из седла. То же проделала Сольге, чуть более изящно. Но только очень чуть. А что до Шо-Рэя, то его вороной аккуратно опустил на землю, и маг просто упал, словно куль, даже не пытаясь спешиться как-то иначе. Сольге бросилась на помощь, но он уже встал сам, шатаясь добрел до ближайшего дерева, тяжело сполз по стволу да так и замер.

— Мне кажется, он снова нас спас, — кивнув в сторону Шо-Рэя сказал Янкель, когда Сольге вернулась к лошадям. — Иначе, мы бы уже поджарились.

— Может нас просто пугали?

— Нет. Я один раз обернулся — молния летела прямо в меня, но Шо-Рэй махнул рукой, словно отбил её, и она ударила в стороне. И лес не горит, а должен бы. Выходит, он постарался.

Сольге задумалась. Похоже, Янкель прав.

— Думаешь, это привет из Чьифа?

— Думаю, да. Из последних сил постарались. Интересно, на что ещё способны эти маги? При том, что Викейру так близко. Давайте расспросим Шо-Рэя.

Они оба повернулись к магу. Тот по-прежнему пребывал в забытии.

— Завтра. Когда отдохнёт.

Тем временем незаметно подкрался вечер. Дневной глаз Рийин устало сползал к горизонту. О продолжении пути не могло быть и речи: мало того что и люди, и лошади валились с ног, так ещё не понятно было, куда завело их бегство.

— Знаете что, Сольге? Здесь ночевать не очень удобно. Я поищу место получше, а вы тут за ними за всеми приглядите.

Янкель погладил пегую:

— Бедная моя, после такого путешествия ты не скоро согласишься покинуть свою конюшню, — и скрылся за деревьями.

Место, которое Янкель нашёл для ночлега у подножья поросшей лесом горы, казалось не особенно уютным. Впрочем, вряд ли хоть какое место в этом мире могло сейчас считаться таковым.

Исчезли куда-то птицы, охотники напрасно бродили по лесам в поисках дичи. Даже тараканы и крысы попрятались в щели и норы. В мире стало больше тишины.

Но это место было тихим даже по новым меркам. Ни шороха, ни шепотка, ни движения воздуха. Словно эту часть лесу вылепили из глины, раскрасили да так и оставили. Сольге с удовольствием бы искала другое место, но уже стемнело. Да и если не придирается, лучше было и не найти. Скала, нависающая козырьком, послужила бы укрытием от возможного дождя, всё ближайшее пространство просматривалось, никто бы не подошёл незамеченным. Правда, был шанс устроиться ещё лучше — выше по склону обнаружилась пещера. Но отчего-то никому и в голову не пришло предложить укрыться там. При одной мысли о ней передёргивало от жути.

Пока Янкель отводил лошадей, Сольге расталкивала Шо-Рэя. Потом, уже вдвоём, маг кое-как взгромоздили на вороного, перекинув через седло. При том, что он ещё сопротивлялся, ругался, порывался ехать верхом самостоятельно. Еле довели.

Шо-Рэй отказался от ужина. Да, собственно, никому кусок в горло не полез после произошедшего, а уж про сон и говорить нечего — не шёл и всё тут. Янкель беспокойно ворочался, маг, завернувшись в плащ, мрачно уставился на огонь, а Сольге никак не могла справиться с мыслями — их было так много и в таком беспорядке, что казалось, будто голова сейчас не выдержит и разлетится вдребезги.

— Всё-таки, что это такое было? Эта туча. И ещё, скажи, Шо-Рэй, что заставило тебя покинуть Чьиф, раз уж, как мы выяснили, ты там был?

— Вы вообще представляете, кто такие маги? Ах, да! Октльхейнцы! Викейру обходит ваши земли стороной. Вам можно позавидовать, — маг усмехнулся. Получилось горько и зло. — Знаете, что случается, когда Синяя звезда собирает свою дань? Маги становятся обычными людьми. Сила их покидает, а привычки и характер, очень дурной подчас, — нет. К тому же, расклады тоже меняются: одна сила уходит, другая остаётся, но не у тех же. И что тогда помешает избавиться от бессильного нынче мага, что затиранил своими капризами деревню или целое королевство? Или свести счёты со старым надоевшим мастером более молодому и сильному ученику? А кто будет возражать, если один из сильных исчезнет: Сёстры не ведут счёт своим посвящённым, и Викейру вернёт всё, что забрала, а значит оставшимся достанется больше. Но ведь тот, кто теперь слаб, глупее не становится. Тебе,

наверное, многое известно о придворных интригах, королевский архивариус Сольге? Забудь. Это детские игры по сравнению с тем, что творится в цитадели. Маги крепко держатся за свои секреты. Это там, за своими стенами, они грызутся и сжидают друг друга со свету, а против внешнего врага становятся все как один. Наше сегодняшнее приключение тому пример. То, что преследовало нас, было послано для тебя, госпожа Сольге, для тебя, помощник архивариуса Янкель, — Шо-Рэй замолчал, а потом тихо добавил, — и для меня.

— Как они узнали, где именно нас искать? — прошептал Янкель.

— Никак. Просто назвали имена и отправили по следу заклятье. Наивные октльейнцы. никогда не называйте ваших настоящих имён магам. Никогда!

Шо-Рэй улёгся спиной к костру.

Сон в этом странном месте никому не принёс отдыха. Сольге, хоть и выспалась, чувствовала себя разбитой. Шо-Рэй был по-вчерашнему бледен и хмур. Даже лошади и те выглядели уставшими, словно провели всю ночь под седлом и в галопе.

А вот Янкель был скорее озабочен. Он то и дело вскакивал с места и скрывался в кустарнике. На вопросы не отвечал или отвечал невпопад. Пора было собираться в дорогу, но он словно оттягивал этот момент.

Наконец Сольге не выдержала и рыкнула, что если кого-то одолела медвежья хворь, то надо искать корень медвежьей же приследки, а не просто по кустам шастать. Янкель покраснел, бегать перестал, но то и дело посматривал куда-то вглубь зарослей.

Была ещё одна причина, мешавшая пуститься в путь тотчас же. Шо-Рэй. Оставить его, лишившегося сил не только магических, но и жизненных, было нечестно и даже жестоко: долго ли протянет беспомощный Тёмный в эти дни. Да и путешествовать втроем безопаснее.

— Вы сошли с ума, Сольге, — Янкель встревожился так сильно, что забыл о вежливости и субординации. — Притащить мага в Октльхейн! Нас казнят или изгонят!

— Кто? Толфред? Ему не до этого. Байвин? Она тоже слишком занята, чтобы следить за тем, что происходит в моей части замка. А когда Сёстры уйдут, мы просто выведем Шо-Рэя за ворота, и никто ничего не узнает.

План был очень сомнительный, да и планом его назвать можно было только с очень большой натяжкой, но Сольге не представляла, как ещё можно было поступить. В конце концов маг дважды спас их жизни. Дважды!

Шо-Рэю не было слышно, о чем именно спорят его новые спутники, но по осторожным взглядам и испуганному лицу мальчишки, он догадался, что речь о нём и что...

Сольге, конечно, победила. Она решительным шагом подошла к магу.

— Где ты собираешься остановиться, пока Альез и Викеюру будут здесь?

Он пожал плечами:

— Что-нибудь найду. Мало ли нор и добрых и наивных людей в этом мире? Представляться тёмным магом на каждом шагу я не собираюсь.

— Мы предлагаем тебе поехать с нами.

— В Октльхейн? Ты безумна, госпожа Сольге, раз предлагаешь мне такое. Маг в Октльхейне! Как ты себе такое представляешь?

— Это не твоя забота. Я не считаю возможным оставить тебя одного без помощи.

Шо-Рэй долго разглядывал этих двоих. Они не шутили. Даже мальчишка, перепуганный не на шутку, был полон решимости тащить его в свой дом, или где они там живут. Конечно, замок. Королевский секретарь и её помощник, да.

— Прежде чем я что-то решу, ответьте мне на один вопрос. Только честно. Как вам удалось уговорить Хирагрота отвести вас в Чьиф?

Переглянулись.

— Мы не уговаривали.

— Хорошо. Как вы его выследили, что он не понял, что за ним кто-то следует?

Снова переглянулись.

— Да мы и не следили особо... Случайно вышло.

Отводят глаза, темнят.

— Вы предлагаете мне ехать с вами. Мне! Тёмному магу! В Октльхейн! Так может немного откровенности не помешает?

Опять переглянулись. Янкель достал из своей дорожной сумки тонкую книжицу и протянул Шо-Рэю:

— Вот наш проводник.

— Бендо Дамут. Мой путь в Чьиф и обратно, — прочитал маг. Несколько секунд он оторопело смотрел на книгу, словно не верил, что именно её он видит перед собой, потом уткнулся лицом в рукав и весь затрясся.

Сольге и Янкель уже в который раз за это утро обменялись взглядами.

— Что с ним? Он плачет? — шёпотом спросил Янкель. Сольге только покачала головой: кто их поймёт, этих магов.

Это было очень похоже на истерику. Но из-за чего? Из-за книги? Странно. Янкель подхватил меха и снова шепнул:

— Я за водой, попробуем привести мага в чувство. А вы не спускайте с него глаз и, если что, бегите.

Янкель скрылся за кустами.

Шо-Рэй смеялся. Когда мальчишка ушёл, он дал волю чувствам. Смеялся весело и зло, даже с каким-то облегчением. Дневник Бендо Дамута! Это было... Ох, если бы только эти проклятые Щиты узнали! Как жаль, что они никогда не узнают. Смех душил, вытрясал всю накопленную за годы злость, растирал в песок камень, которым обросло сердце. Остальное смыли слёзы, то ли от смеха, то ли... Это был странный смех, пугающий. От такого и самому помереть недолго.

— Обещай мне одну вещь, госпожа Сольге, — отсмеявшись, наконец, смог произнести Шо-Рэй, — если когда-нибудь король Октльхейна действительно решит вернуть магов в королевство, найди меня — вернее пса у вашего короля не будет никогда. А что до тебя и этого мальчика — я ваш должник отныне, даже если сегодня наши дороги разбегутся в разные стороны.

— А что с Хирагротом? — осторожно спросила Сольге и вздрогнула: от усмешки мага холодок пробежал по спине, такой жестокой и ледяной она была.

— О, его заточили в подземелье сразу, как вы произнесли его имя. Чьиф не любит, когда кто-то раскрывает его тайны или хотя бы покушается на них. Щиты ни на песчинку не поверили в ваши байки, но Хирагроту, даже под пытками, поверили ещё меньше. Я уже говорил: Викейру посвящённых не считает. Так что, скорее всего, старшего мага Виникриса больше нет. Вряд ли Щиты не воспользовались возможностью получить обратно чуть больше сил, чем отдавали... но ты не печалься, госпожа Сольге, не ищи своей вины. Хирагрот заслужил каждую каплю страданий, выпавших на его долю, и смерть — самый лёгкий исход для него.

За спиной Сольге затрещали кусты и показался Янкель. Не один. Он почти волок за собой девочку, чумазую и растрёпанную.

— Вот. Всё утро пытался её выследить. Бродила вокруг, хотела мешок с припасами стащить, только я её спугнул. Но жалко же... Маленькая, одна...

Строго говоря, маленькой девочку назвать было сложно. Она приближалась к тому возрасту, в котором девочка становится девушкой. Ещё месяц, два, полгода — и милое дитя превращается в слегка неуклюжее, но полное очарования и прелести создание. Маленькая зелёная почечка — в бутон готовой сорваться в буйный цвет яблони.

Это дитя милым назвать было нельзя. И дело было вовсе не в грязи и не в колючих шариках собачьего кусизуба, запутавшихся в светлых волосах. И не в лохмотьях, перепачканных грязью и птичьим помётом. У девчонки было словно два лица: детское и молодой девушки. Точнее так: в череде детских гримас, как рыбка из тёмной глубины пруда, вдруг появлялось лицо взрослой девушки, печальное и умоляющее, словно её заперли и держат в плену в этом маленьком девчоночьем теле. Впрочем, оно так же, испуганной рыбкой, быстро исчезало. Смотреть на это было странно и неприятно, как и вообще находиться рядом с этой девочкой. Но Янкель, казалось, этого не замечал. И, похоже, собирался взять её под свою опеку.

— Нет! — строго сказала Сольге, вздрогнув, когда в очередной раз лицо девчонки изменилось. — Не может быть и речи — ты не возьмёшь её с собой. Мало нам проблем, ещё и это...

— Но Сольге, — взгляду Янкеля мог бы позавидовать самый голодный попрошайка, — мы не можем оставить её здесь одну! Она же совсем ребёнок. Я клянусь, девочка вас не побеспокоит, я сам за ней буду присматривать.

Тащить с собой в Октльхейн девчонку, от которой оторопь брала, было отвратительной идеей. Сольге взглянула на мага — Шо-Рэй, похоже, придерживался того же мнения. Но Янкель... Такой мольбы в его глазах она ещё не видела. И ни в чьих других тоже... Ладно. В конце концов, чем странная девочка хуже тёмного мага? А Янкель, откажи она ему, мог и отказаться возвращаться домой. Он упрямый, с него бы стало.

— Как её хоть зовут? — недовольство Сольге не особенно скрывала, но Янкелю хватило и одного её согласия, чтобы не замечать всего остального.

— До... Доо...пти... — пробурчала девочка, не дожидаясь вопроса от своего защитника. Голос её был, как и лицо — двойственный, какой-то неровный, неприятный.

— Держи её при себе, иначе прогоню, — буркнула Сольге и велела собираться в путь. И так задержались. А Сёстры подошли ещё ближе.

Чтобы догнать Морсена, не стоило и надеяться. Зачарованная туча загнала путешественников туда... А куда, собственно? Этого не знали ни Сольге, ни Янкель. И спросить, как назло, было не у кого: первое же селение встретило их наглухо закрытыми домами и пустыми улицами. Что ж, во всяком случае теперь было понятно, что они вернулись в Октльхейн. Вот только куда дальше? В какую сторону?

Сольге в очередной раз поклялась себе никогда не покидать стены замка, если только удастся в него вернуться. Янкель ругал себя, что, понадеявшись на посольский караван, не взял с собой карту, а искать путь по звёздам он, во-первых, не очень-то и умел, а во-вторых — за светом Сестёр уже сложно было разглядеть хоть одну звезду, а в третьих — была середина дня, какие уж тут звёзды. Доопти смиренно сидела на лошади перед своим новым покровителем и сосредоточенно заплетала гриву в косички. И только Шо-Рэй внимательно разглядывал то улицу, то дорогу, плетущуюся с юго-востока на северо-запад, к лесу. У самого леса она разделялась на две части. Одна — та, что шире — резко поворачивала налево и вела вдоль леса, через поле, куда-то за горизонт. Вторая — не столько дорога, сколько широкая тропа — скрывалась в лесу.

— Нам сюда, — сказал Шо-Рэй и показал... на лесную дорогу.

Сольге с сомнением покачала головой:

— Не знаю... Это ведь даже не совсем дорога. Зачем всем селением лезть через лес,

если есть хорошая дорога?

— Чтобы сократить путь.

— Всё селение разом, с телегами и скотиной — и на узкой лесной дороге путь вдруг станет короче? — Сольге засмеялась, а Шо-Рэй нахмурился:

— Значит, всё селение хорошо знает, куда идёт. Взгляни на следы, госпожа Сольге — они ведут в лес, а не туда, куда зовёшь нас ты.

Сольге заявила, что следы могут быть старыми, а маг уже собирался применить весомый аргумент, что он-де путешествовал в своей жизни куда больше королевского секретаря и в следах разбирается лучше, но тут спор разрешился сам собой. С криком: «Доопти, стой!» — Янкель то ли спрыгнул, то ли вывалился из седла и помчался прямо в лесную чащу.

— Думаю, они скоро вернуться, — сказал Шо-Рэй, и в этот раз Сольге с ним согласилась.

Однако, «скоро» не случилось. Сольге и Шо-Рэй дважды успели обойти селение, но ни Янкель, ни девчонка так и не появились.

Маг спешился.

— Взгляну, куда эти двое могли деться, — но только нога его коснулась земли, как из глубины леса раздался истошный визг Доопти. Сольге пришпорила гнедую, та испуганно всхрапнула и рванула с места, на крик. Следом мчался вороной. Шо-Рэй сражался с поводьями пегой кобылки Янкеля, которые чудом успел подхватить, и ругался себе под нос, проклиная упрямых, вздорных девиц, глупых мальчишек и их упрямых кобыл, а также собственное мягкосердечие и все дороги этого мира разом.

Вскоре они встретили Янкеля. Весь растрёпанный, с расцарапанными руками и лицом, он тащил упирающуюся Доопти. Та рычала, взвизгивала, извивалась — так и норовила вырваться.

— Отпусти её! — рявкнула Сольге.

— Нет, — Янкель, пыхтя, попытался усадить Доопти на лошадь, — я её отпущу, и она опять убежит. А я не могу её бросить в лесу одну.

— Янкель... — угрожающе начала Сольге, но её прервали.

— Я был прав, госпожа Сольге, — Шо-Рэй внимательно рассматривал дорогу. — Вот посмотри: видишь, земля здесь влажнее, и следы чётче. Похоже, жители селения отправились именно по этой дороге. И эта девочка отчего-то хочет последовать за ними.

— Да что она знает! — Сольге досадливо фыркнула, но тем и ограничилась.

Шо-Рэй не ошибся. Пока путники ехали по следам, Доопти сидела спокойно, мурчала себе под нос, плела косички на гриве пегой кобылки. Но стоило хоть на самую малость отклониться в сторону, даже просто съехать на обочину, как девчонка снова начинала выть, поскуливать и рваться.

Такой и была дорога: или следы, или истерика Доопти.

— Зачем вообще всё бросать и куда-то переезжать? — спросил, наконец, Шо-Рей после очередной истерика Доопти. — Разве нельзя встретить Сестёр дома, никуда не трогаясь с места?

Сольге пожала плечами:

— Так сложилось... Ещё не так давно Октльхейн на время Альез оставался без защиты, только стража в городах и крупных поместьях следила за порядком, а всем прочим приходилось всё бросать и укрываться от банд мародёров и разбойников за стенами.

Нажитого жаль, но жизнь дороже. Это старый король, отец Толфреда, решил собрать из юнлейнов отдельное войско — и опыта наберутся в битвах с разбойниками, и порядок наведут. А раньше их берегли до посвящения, тренировали в стенах города...

— Глупо, — Шо-Рэй фыркнул так громко, что даже его вороной забеспокоился, — иметь под рукой силу и не использовать её.

— Знаешь, маг, в истории Октльхейна есть много тёмных пятен и смутных времён, и не все в ней имеет разумное объяснение. Но, кажется мне, что подобных странностей в любой стране довольно. А где-то их и побольше, чем в Октльхейне.

Дорога, устав пробираться через лес, резво увернулась от последних деревьев и весело запетляла через поля, наткнувшись в итоге на старшую свою сестру и влившись в неё, подобно речному притоку. А та понесла телеги, всадников, пеших путников, их следы, старые и новые, через всё те же поля и небольшую рощицу к стенам города.

Октльхейн! Старые следы, упрямство странной девчонки и непонятная уверенность Шо-Рэя сразу же вывели путников туда, куда было нужно. Разве это не удача? Не успела Сольге обрадоваться, как на этом везение и кончилось. Они были ещё на полпути, как ворота города закрылись за последней повозкой, замедлившись лишь на минуту, чтобы пропустить запоздалого всадника.

Бом! Бом!

Сольге нахмурилась.

— Что это? — спросил Янкель.

— Колокол. Два удара значат, что ворота второго круга закрылись. Теперь в город будут запускать только по одному и после допроса и осмотра. Я надеялась, что мы догоним Морсена или, на худой конец, сможем скрыть Шо-Рэя в толпе. Теперь этот путь для нас закрыт.

— Но ворота внешнего круга только что были открыты, — возразил Янкель, — почему же тогда так скоро закрыли вторые?

Ответа на это вопрос у Сольге не было.

Королевский замок Октльхейна окружало пять кругов стен. Или нет, не так. Королевский замок обнимал свой город пятью кругами стен. Первый — внешний — окружал весь город целиком. Ворота его закрывались в первую очередь, отрезая жителей города от внешних опасностей и передряг. Октльхейн продолжал жить обычной своей жизнью, разве что реже появлялись торговые караваны или неизвестные путники с новостями из дальних краёв. Однако же реже — не значит вообще не появлялись. Ворота могли и открыть, если, к примеру, приезжие готовы были поделиться припасами или чем ещё полезным. Доля эта отправлялась на общий склад, а щедрому гостю выдавали соответствующую бумагу, мол, внёс податель сего вклад в благополучие Октльхейна. В трудные времена эта бумага позволяла получить помощь от города, если таковая потребуется. Пока же по-прежнему гудел весёлым ульем рынок, лавки распахивали двери покупателям. В маленьких мастерских, в дешёвых кабаках и гостиницах, в домах бедняков — всё шло как обычно.

За воротами второго круга скрывались лавки и магазины побогаче, мастерские покрупнее, гостиницы и питейные заведения подороже. Дома здесь были посолиднее: не хибары-развалюхи, но, правда, не то чтоб роскошные. Хорошие крепкие дома. Сюда-то и открывала путь бумага о вкладе в благополучие города, если дела шли плохо, и приходилось закрывать и эти ворота. И не важно: был ли податель бумаги бедняком, отдавшим последний

грош и краюшку хлеба, или солидным господином, отсыпавшим мешок золота и пригнавшим целый караван товаров — помощь получал каждый и столько, сколько нужно. За этим строго следили особые люди. Обычно они подчинялись королеве или старшей из женщин королевской семьи. Строго следили они за тем, чтобы не оставалось обделённых кровом или голодных, чтобы хозяева гостиниц и постоялых дворов не наживались на несчастных, а постояльцы не вводили в разорение хозяев. Может, и оставались недовольные таким положением дел, но когда на кону благополучие города и всего королевства, кому какое дело до отдельных смутьянов? С такими разговор был короткий — вон из города и без возврата пожертвования.

Третий круг стен скрывал дома самых богатых, самых влиятельных жителей города: семьи военачальников, бывших и нынешних, советников, самых сильных воинов. Правда, и им приходилось потесниться, если дела у города шли совсем уж плохо.

Четвёртый круг не столько скрывал, сколько отгораживал казармы юнлейнов, тренировочные площадки, конюшни, оружейные от семейных домов. Толще, чем здесь, были только внешние стены самого замка — поговаривают, что если в ворота въезжал первый всадник, то прежде, чем он покажется с другой стороны, ещё пятеро успевали скрыться под стеной. А ещё четвёртый круг имел двое дополнительных ворот. Старшие ворота, или Врата Альез, — обычно накрепко запертые, они открывались только по особым случаям, вроде визитов правителей соседних государств или выездов короля самого Октльхейна с той же целью, ну или во время войны, чего, впрочем, уже очень давно не случалось. А вот Младшие ворота или ворота юнлейнов были открыты почти всегда. Через них уходили в учебные рейды сами юнлейны, ими пользовались гонцы со срочными вестями, а то и посланники, если того требовали обстоятельства.

Что же касается ворот пятого круга, то это были ворота, собственно, самого замка. История помнит всего два случая, когда они закрывались, и в обоих нарушалось Перемирие. Второй раз причиной был заговор королевы Оллим и мага, чьё имя ныне стёрто из истории. А про первый известно только, что некий древний король, из первых королев Октльхейна, однажды сошёл с ума, выстроил во дворе замка две сотни юнлейнов, приказал запереть ворота и устроил Посвящение, что на время прихода Альез было строжайше запрещено, а во время Викейру — просто очень не приветствовалось. Это, как раз, были последние дни Синей звезды. Так вот этот самый древний (в том числе, и по годам) король велел развести в центре двора огромный костёр, спалил на нём ещё беспомощного мага и двух его учеников, якобы во славу Альез, а под конец сиганул в этот костёр и сам, успев объявить своим преемником единственного сына. Наследник от содеянного отцом пришёл в ужас, тут же отрёкся от короны и собственного имени и в тот же день покинул Октльхейн навсегда. Так на трон взошла новая династия, которую, уже совсем по другим причинам, сменила та, к которой принадлежали Толфред, Байвин и немножко сама Сольге.

Итак, оставалась надежда на ворота юнлейнов. Сольге пока плохо представляла, как ей удастся провести через них Шо-Рэя. Был, конечно, самый простой способ — переодеть и представить случайным попутчиком и спасителем, о чем даже врать не надо. Вот только уж больно необычная для этих мест и запоминающаяся внешность была у мага. Лишнее внимание, всякие любопытные, слухи... А там, глядишь, кто-нибудь случайно вспомнит, что видел где-нибудь похожего типа в тёмно-синей мантии. И всё. Конец секрету. Чем меньше причастных, тем сохраннее тайна и собственная голова на плечах.

Сольге как раз обдумывала возможность привязать Шо-Рэя к животу его собственного коня, может быть, скрыть плащом или ехать на своих лошадях по бокам и поближе, благо ширина ворот это позволяла, как...

— Закрыты, — сказал Янкель.

— Что? — Сольге решила, что ей показалось, но он повторил:

— Ворота закрыты.

Этого не могло быть. Просто не могло. Да, обычно опускали внешнюю решётку ворот, но это больше чтобы любопытные да ленивые, кому до городских ворот доехать не вмогуту, не шастали. Но вот чтобы так, наглухо — такого никогда не было. Конечно была бы Сольге одна или только с Янкелем, церемониться бы не стала — не именем короля, так кулаками Хендрика путь бы себе проложила. Но в компании с безумной девчонкой и магом такой способ не годился.

В который уже раз промелькнула робкая гадкая мыслишка бросить здесь всех этих попутчиков и Янкеля вместе с ними, если заупрямится, и скорее домой. Но так мерзко становилось Сольге от самой себя, что гнала она эту мыслишку прочь, едва та только о себе напоминала. Вместе — значит, вместе.

Тем более что оставался ещё один путь. Хотя им-то как раз Сольге пользоваться и не хотела.

Вверх по крутому, поросшему густым, непролазным лесом, склону холма, на котором стоит королевский замок Октльхейна, таясь по кустам, пробираясь среди деревьев, то карабкаясь вверх, то бросаясь в стороны, крадётся тропка, такая узенькая, что два человека с трудом разойдутся, лошадь пройдёт, конечно, но всаднику хоть ноги подбирай — кусты цепляются, ветки хватают. Неудобная дорожка, что тут скажешь. Да и ведёт в никуда — в стену упирается. Зачем только вообще нужна такая? Вот только знание об этой тропке-дорожке передаётся от короля королю под строжайшим секретом. Потому что ведёт она вовсе не к глухой стене, а к тайному ходу. Если правильно нажать на два камня справа и два слева, бесшумно опустится участок стены, чуть шире самой тропки, то ход этот самый и откроется. А потом так же бесшумно закроется за спиной вошедших. Ни огонька, ни факела в нем нет, но и заблудиться не выйдет, потому как ведёт он только в одно место — в маленький закуток между Детским крылом замка и главной его частью.

Редко кому приходилось воспользоваться этим путём, иной король только знал, где ход тайный находится, а так, чтоб им воспользоваться — случая не представлялось. Редко-редко, а все колёсики, все механизмы работали все так же бесшумно и без сбоев, как в тот день, когда ход был готов. Есть в стене, на две головы выше человеческого роста, комнатка без окон. Было бы посветлее, можно было бы разглядеть, что есть в комнатке этой кровать, стол да пара стульев, умывальник, словом, все, что нужно для жизни одному единственному человеку — стражу тайного хода. А свет ему не нужен вовсе, потому что страж слеп от рождения. Таким был первый из стражей, такими же — все следующие до нынешнего дня, и будут такими те, кто займёт это место после. Хотя, возможно, строитель тайного хода и стал первым его стражем — чтобы никто посторонний никогда не узнал этой тайны.

Словно крот в своих подземных охотничьих угодьях, как жук-древоточец в стволе дерева, бесшумно передвигается слепой страж по сети узких коридоров в стенах замка: к механизмам дверей, на кухню и в покои того единственного, кому он подчиняется. Когда страж становится немощен и слаб, ему приводят ученика — мальчика, слепого от рождения, чтобы страж обучил его себе на смену. Никого и никогда не будет знать этот мальчик, кроме учителя, будущего ученика, своего господина и, может быть, кухарки, которая будет делать вид, что не удивляется пропаже еды, которую оставляет каждый вечер в одном и том же месте, у стены.

Старый страж едва слышно прошаркал по тёмному коридору, нащупал на стене небольшое окошко, закрытое такими плотными ставнями, что не было даже крохотной щёлочки, сквозь которую мог бы проскользнуть хотя бы малюсенький лучик света, и потянул за рычаг. Ставни не шелохнулись, но где-то на той стороне тихонько звякнул колокольчик.

Окошко открылось не сразу, словно тому, кто находился по ту его сторону, понадобилось время, чтобы до него добраться. Там, с той стороны, тоже было темно, но старому стражу эта — чужая — темнота показалась бы ослепительно яркой, не будь он слеп. — Их было четверо, господин, — прошелестел страж.

Окошко захлопнулось. Старик ещё какое-то время постоял, прислушиваясь, а потом так же, едва слышно, пошаркал обратно на свой пост.

В королевской голубятне шумно, пыльно, суетно. Воркотня, перья, помет, куда уж без

него, конечно. И голуби. Такие разные, что иной раз и усомнишься — голубь ли перед тобой или какая другая диковинная птица. Вот пёстрые, пухлые, на вид добродушные, но только сунь руку — милые розовые клювики не оставят на ней живого места — эти из Виникриса. Вот крупные, лохматые, словно в шапках и меховых штанах. Эти держатся поодаль от остальных, не суетятся. Глаза у них оранжевые, как у хищных птиц, и даже клюв как будто немного загнут вниз — они из северных княжеств. Или вот эти — белые, надутые, красноглазые — важно вышагивают меж остальных, тюкают клювами по головам неугодных или случайно попавшихся на пути — это голуби правителя Раймини. И ещё десятки других, всех и не опишешь. Одно у них общее — крылья. Сильные, быстрые, неутомимые. Несут они вести из страны в страну, из замка в замок. Только время Альез даёт им небольшую передышку.

Сольге аккуратно прошла мимо птиц, стараясь не спугнуть, не потревожить. Поднялась по узкой лесенке под самую крышу и маленьким ключом, что висит у неё на шее на серебряной цепочке, открыла едва заметную дверцу.

В крошечной комнате, такой, что вдвоём будет уже тесно, всего пара жёрдочек и одна большая поилка. Почти чисто и тихо. Птица — огромная, в полтора раза больше северных голубей — неспешно прохаживалась по полу. Ещё одна дремала на жёрдочке. Чёрные, гладкие, золотоглазые, черноклювые, они были больше похожи на драконов, а не на птиц. Их не пугала ни непогода, ни отсутствие корма, ни хищники. Быстрее этих голубей Сольге не знала. И принадлежали они посланнику Горто. Где он их взял, чем кормил, как тренировал — это была большая тайна. Никому и никогда, даже своему господину, правителю Тарандола, посланник Горто не открывал её. А может быть, особенно своему господину.

Два письма сняла Сольге из-под крыльев пернатых вестников. В первом Горто сетовал, что не нашёл в книгах ничего полезного, кроме того, что известно самой Сольге. Во втором сообщал, что наткнулся на кое-что интересное, что-то вроде нового культа. Сути он пока не понял, но постарается разобраться.

Сольге прикрепила под крыло одному из голубей своё собственное письмо и отпустила птицу в небо, а второго посадила в небольшую клетку — на случай срочных новостей от неё самой. Насыпала птице смеси из бархатного мешочка, что дал ей посланник Горто на такой вот как раз случай, и села на пол, обняв колени. Если её и растревожили письма друга, то сию минуту эта тревога меркла в сравнении с той, что уже поселилась в сердце Сольге.

— Кто приехал с тобой, девочка? — спросил король, когда Сольге явилась к нему с докладом. Она была готова к таким вопросам и рассказала правду — сильно урезанную, но правду. Пожаловалась на жадность Винни XLIII, на скверные дороги Виникриса и неотзывчивость его жителей. Посмеялась над собой и Янкелем, мол, какая нелепость — заблудились. И про Доопти, и про роскошного вороного, чьего хозяина она намеревалась найти, когда Сестры уйдут. Толфред молча слушал, но смотрел на Сольге так, что весь её задор постепенно сошёл на нет. Она замолчала.

— Кого ты привезла, Сольге?

— Мага.

Король ждал.

— Он тёмный, но...

Король закрыл глаза.

— Сольге, ты понимаешь, что натворила?

Самой Альез было не под силу вытянуть столько сил из Толфреда за один раз. Зря Сольге клялась, что никто не узнает, что Шо-Рэй вообще был в Октльхейне. Зря обещала, что выведет его сразу, как только Сестры начнут свой путь обратно в небеса. Даже путешествие в Чьиф, в котором Сольге тоже призналась, не расстроило короля так, как появление в его замке мага.

— Он спас нас с Янкелем, Толфред! Два раза спас. Зачем ему убивать нас самому, если можно было просто не вмешиваться?

— Ты так наивна, Сольге! Это маги, ты понимаешь? Маги! Он может рассказывать тебе все, что угодно, делать вид, что он твой друг, но Чьиф уже давно в его крови. Они все там зло, как бы сами себя ни называли, как бы ни разделялись на Свет и Тьму. И, что бы ты ни говорила, они уже достали тебя, потому что ты знаешь закон — смерть или изгнание. Что же ты натворила, Сольге? Что же ты наделала?

— Я не могла иначе, — прошептала Сольге у самого выхода. Король лишь махнул рукой: «Иди».

— Где ты была так долго, мой Весенний цветок? Я скучал по тебе, — спросил Хендрик. Сольге вздохнула: этот вопрос он задавал уже, кажется, в четвёртый раз. Или в пятый? Или даже в шестой? Она не стала отвечать. Вместо этого запустила руку в рыжие кудри Хендрика и, как и в прошлый раз, и в позапрошлый, и все разы до этого, поцелуем заставила его замолчать.

Может быть когда-нибудь ты и услышишь ответ на свой вопрос, милый, но не сегодня. Не сейчас. Сейчас обнимай и целуй, раз соскучился. Обнимай и целуй. Обнимай и целуй...

Где-то в отдалении слышались голоса, ругань и смех, а здесь, в конюшне, в пустом деннике было почти тихо. Только перебирали копытами кони, недовольно фыркали вороной Шо-Рэя да мерно жужжали мухи. Пахло навозом, сеном и лошадиным потом. И все эти запахи и звуки казались Сольге невозможно родными, домашними. Все так же ворчал и чихал от пыли мастер Сатрен. И голос кухарки, распекающей мальчишек-кухарят за провинности, был таким же пронзительным и визгливым — от него хотелось заткнуть уши, спрятаться под подушкой или даже закопаться куда-нибудь поглубже. Так же гоготали и играли мышцами юнлейны, а молоденькие служанки то хихикали, то томно вздыхали. Лениво брехал старый сторожевой пёс, и ему оглушающим хором откликались гончие и борзые из королевской псарни, бухтели здоровенные волкодавы, визжали собачонки, принадлежащие дамам из свиты Байвин. Крики, звуки, запахи — все знакомое, вьевшееся в память, обиденное, раздражающее и... своё. Сольге скучала по всему этому так, словно отсутствовала дома не несколько недель, а много месяцев или даже лет.

Дни тянулись один похожий на другой. Дело шло к осени, но погода стояла по-летнему жаркой, а ночи не только не становились длиннее, напротив — они все чаще напоминали затянувшиеся сумерки. Однажды племянник одного из северных князей, отправленный в Октльхейн посланником, рассказывал Сольге о времени света на своей родине. Это когда Рийин смотрит на мир сразу двумя глазами, а темнота отступает, чтобы вернуться с зимними холодами. Когда-то Сольге хотела увидеть такое чудо собственными глазами, только страшилась долгого путешествия. Теперь же не нужно было никуда ехать — вот оно, пусть и не совсем такое, как в рассказах посланника, но все же время Света, стоит у порога и, похоже, не собирается уходить.

Каждое утро Сольге отправлялась в покои короля, но каждый раз уходила ни с чем.

Только Ийрим с неизменным вздохом выходила ей навстречу и качала головой: не простил, сердится, не велел пускать.

Дальше путь лежал на голубятню. Сначала на общую. Нет-нет, да и черкнёт пару строк кто-нибудь из друзей Октльхейна: все в порядке, ничего нового или, наоборот, предупредит о переменах в настроениях своего повелителя или другом важном. Вот только новые птицы прилетали все реже, а некоторые из тех, что отправляла сама Сольге, возвращались налегке или вовсе не возвращались. Её это беспокоило, но пока не так сильно, чтобы бить тревогу. Просто странное это было молчание. Впрочем, в нынешних условиях...

Тайная голубятня тоже ничем не радовала. Горто молчал, и вот это Сольге постепенно начинало тревожить. Что такое обнаружил посланник?

Поговорить о тревогах, да и вообще поговорить Сольге было почти не с кем. Янкель все время проводил за изучением найденной в Чьифе страницы. Сначала он целыми днями пропадал в старом архиве, слоняясь между стеллажами и пугая своим бормотанием мастера Сатрена и его новых помощников. Потом засел в Детском крыле, обложившись книгами, которые притащил из архива, стопками писчей бумаги, перьями, новыми и сломанными, и снова что-то разглядывал, бубнил под нос, то и дело вскрикивал горестно и швырял в угол скомканный лист, исчёрканный вариантами слов, скрывающихся под чернилами на загадочной странице.

Иной раз Сольге казалось, что Янкель и спит, и ест, не выпуская из рук сокровище. Отрывался он от своего занятия, только чтобы успокоить Доопти, которой страшно не нравилось сидеть взаперти. Выпускать же ее было нельзя: она тут же сбегала и пряталась в самых неподходящих для этого местах — в казармах юнлейнов, у Врат Альез или, что самое скверное, в крыле замка, где царила Байвин. И хуже всего то, что последнее случалось все чаще и чаще. Потому и сидела Доопти за закрытыми дверями, слоняясь по коридорам и завывая диким зверем. Но уж лучше так.

Из Шо-Рэя собеседник тоже был никакой. Выбрав из всех возможных комнат крыла самую маленькую, без окна — скорее кладовку, чем комнату — он уселся в кресло, закутавшись в плащ, несмотря на летнюю жару, развёл огонь в камине да так и сидел целыми днями. Молчал, нахохлившись, как огромная тёмно-синяя птица, и смотрел на огонь. Сольге иногда думала, что Шо-Рэй мог бы, по крайней мере, выслушать её, но ей и самой было как-то неловко находиться рядом с ним. Что-то мешало, что-то стояло между ними двоими, не давая завести разговор даже о чем-то простом и незамысловатом.

Впрочем, почему «что-то»? Тогда, после неудачного разговора с Толфредом, Сольге поделилась своим возмущением с Шо-Рэем. Он внимательно посмотрел на неё и пожал плечами:

— Король прав, госпожа Сольге. Я должен был убить вас.

— Но...

— Что? Неужели ты поверила, что вас так просто отпустят? Почему ты думаешь, сохранился только один экземпляр дневника Бендо Дамута? И куда, как ты полагаешь, пропал, в итоге он сам? Чьиф, госпожа Сольге, никогда не прощает другим своей слабости.

— Но...

— Почему не убил? Зачем? Чтобы сделать приятное Щитам? Или чтобы стать фигуркой в их очередной игре с миром? Исполни я приказ, в живых все равно бы не остался — тучу ты, думаю, помнишь. Взбесившийся тёмный убил личного секретаря короля Октльхейна и был наказан справедливыми Щитами. Король Толфред признателен и в качестве

благодарности за возмездие открывает свои ворота Чьфу... И все поверили бы. Что ещё ожидать от тёмного: тьма — она и есть зло... Помни об этом, госпожа Сольге, когда в следующий раз решишь довериться первому встречному.

Разговор был окончен. А новые не возникали уже много дней.

Итак, оставался только Хендрик. Впрочем, с разговорами у него тоже было не очень — с поцелуями выходило куда лучше. И, признаться честно, Сольге была этим очень довольна. Главное, чтобы у замкового целителя не закончились запасы «кошачьей спинки» — никакие ягодки в планы Весеннего цветка, по прежнему, не входили.

Но она закончилась. «Кошачья спинка». Замковый целитель разводил руками, вздыхал, но ничего поделать не мог: время нового сбора ещё не пришло, а средство-то ходовое и в нынешних условиях пользуется огромным успехом. Нет, он, конечно, для Сольге припрятал немного...

Это «немного» и впрямь было таким. Раза на четыре хватило бы и все. Был ещё, конечно, лист водорясника, вот только связываться с ним опасно было: а ну как в момент сбора ветер с севера подул или капля пота со лба сборщика в воду рядом с кустом или того хуже, на сам куст, попала, или ещё чего внезапного случилось — всё. От шести напастей, как и прежде, поможет а что с седьмой — как повезёт. Или как надо сработает, или излечит случайную болячку, а то, от чего сберечь должен был, через девять месяцев будет в колыбели агукать да грудь просить.

Нет уж. «Кошачья спинка» — травка недешевая, может в городских лавках за третьим кругом ворот ещё и осталась.

Сольге была редкой гостьей за пределами замка — разве что на бродячих артистов посмотреть сбегала в детстве да позже, с Хендриком, на ярмарки иногда. Но вот где находится лавка травника, запомнила сразу, хоть домишко был и не очень приметный, особенно, рядом с домами, пусть и не самых богатых, но далеко не бедных горожан. В самый свой первый побег Сольге простояла под окнами лавки так долго, что чуть было не пропустила все представление. Не спугни её тогда хозяин, так бы и стояла. Да и потом, нет-нет, а и подойдёт поближе, вдохнёт травяного буйства до головокружения и бежит прочь, пока опять не прогнали. Владели лавкой тогда невысокий сухонький старичок и его жена, такая же маленькая, только кругленькая, щекастенькая, похожая на хомячка. Были они вовсе не злые, решишь тогда Сольге зайти, может, и не прогнали бы, может... Да что теперь! Потом появились в её жизни архив, книги, мастер Сатрен, королевские письма и господа посланники. Травы были забыты.

В первое мгновение Сольге показалось, что хозяин все тот же. Но нет, этот был моложе и чуть плотнее, хотя такой же невысокий, сухощавый. Его жена, пышная, необъятная, похожая на черёмуховый куст в цвету, разбирала сухие травы: обрывала листочки и бутоны, мелко растирала в ступке и рассовывала по маленьким мешочкам. Её пухлые, ужасно неуклюжие на вид, пальцы так ловко плясали, что Сольге засмотрелась и едва не забыла, зачем пришла.

В мир её вернул шелестящий голос травника:

— Что угодно госпоже?

— Мне нужна «кошачья спинка». Я заберу все.

Если заказ его и удивил, то вида травник не подал, а вот его жена одобрительно хмыкнула:

— Мудро, госпожа. У самого сладкого в нашей жизни горькие плоды. Бастард одинаково несчастлив и в замке, и в бедняцкой хижине.

Пока Сольге решала оскорбиться ей или принять слова жены травника за сочувствие, хозяин лавки вынес требуемое — целую гору маленьких пузырьков, наполненных бледно-зелёным порошком:

— Здесь должно хватить до середины следующей весны, если будете принимать раз в три дня. И не беспокойтесь, последствий не будет. Мы используем не только листья, но и нераспустившиеся соцветия, так средство становится действеннее, а пить его можно реже.

Надо сказать, что заваренная «кошачья спинка» была редкой гадостью: и на весь свой сладко-горький вкус, и на запах, отдающий мокрой кошкой, отчего эти мелкие кустики и получили своё имя. Так что Сольге отбросила мысли о возможной обиде и горячо поблагодарила травника.

Она уже уходила, когда жена травника опять подала голос.

— Вы ведь из замка, госпожа? Скажите принцессе Байвин, что в городе неладно — пришли чужаки с юга. Никто не знает, откуда они взялись, но ведут себя как хозяева, никого не слушают и не боятся.

Сольге кивнула и уже открыла дверь, чтобы выйти, но травница заговорила снова:

— Скажите ещё принцессе, госпожа: Сестры в этот раз загостились и вряд ли скоро уйдут. Люди волнуются — впереди зима. Сейчас можно собрать урожай, но ворота заперты. Пусть их откроют, иначе нас ждет голод.

«Какие ещё чужаки? — думала Сольге, закрывая дверь лавки. — Откуда здесь взяться южанам? Глупая старуха». Она была раздражена из-за слов жены травника о бастардах. Что это было? Намек на саму Сольге? Или не намёк, а всё-таки оскорбление?

Тут взгляд упёрся в её собственное отражение в корыте с водой. Ох ты ж! Со всеми этими событиями Сольге совершенно забыла о собственных волосах. Не было никаких намёков, не было оскорблений. Травница даже не поняла, что Сольге и есть тот самый несчастливый бастард. Отросли волосы, надо бы обрезать, чтобы никого не вводить в заблуждение... Но как же не хочется! Подождать, пока Сестры уйдут, тогда и обрезать. А пока просто не попадаться на глаза Байвин...

Это было лишь мгновение слабости, но мечты, такие заманчивые, такие невозможные, вырвались на свободу и понеслись табуном необъезженных лошадей. Если бы Толфред только признал её при всех сестрой... Если бы заткнул рты всем ненавистникам, если бы приструнил Байвин... Если бы, если бы, если бы... Как бы хороша была Сольге в красном платье принцессы! Какие бы причёски могла она носить! Ей думалось о глупостях и сущих мелочах, которые, если вдуматься, не такие уж и мелочи, если на пути к ним стоит непреодолимое препятствие. Потому что чьи-то мелочи для кого-то — дверь в другую жизнь.

Грубый удар в плечо привёл Сольге в чувство. Она обернулась и поняла, о чем говорила жена травника: смуглый почти до черноты, южанин задел её — Сольге была почти уверена, что нарочно — не извинился, только зло ослабил и продолжил свой путь, стянув по дороге яблоко у торговки и так же грубо, как и с Сольге, обходясь с другими прохожими. И был он такой не один. По площади сновали такие же смуглые дети, задирая местных мальчишек и воруя любую мелочёвку, попавшуюся на глаза. Женщины в пышных, разрисованных голубыми и зелёными полосами юбках сидели кружком едва ли не по центру площади и то и дело принимались хохотать, в полный голос обсуждая проходящих мимо

людей. Что именно они говорили, было не разобрать — уж очень не похож был ни на что их странный язык, но откровенные тычки пальцами по сторонам не оставляли никаких сомнений о предмете разговора.

Вот из-за этих женщин Сольге и поторопилась убраться из третьего круга поскорее — уж больно внимательно начала на неё поглядывать самая старшая.

Первым, на кого она наткнулась во дворе замка, был Янкель. Он, пыхтя и отдуваясь, волок за собой упирающуюся Доопти.

— Вот, — пожаловался он, — забралась в механизм Врат Альез. Еле вытащил. Стражники говорят, что она сначала пыталась повернуть рычаг, потом стала грызть канат, который идёт от него к воротам. Укусила меня... А вчера еле успел поймать у самых дверей принцессы Байвин. И не первый раз, между прочим!

От вернувшегося было благодушного настроения не осталось и следа. Проклятая девчонка! Не хватало ещё из-за неё выслушивать претензии Байвин. Сольге покачала головой:

— Я говорила тебе оставить ее там, у пещеры. Теперь уже не выгонишь. Подождём, пока уйдут Сестры, и, раз уж Доопти так хочется в то крыло, попробуем её туда пристроить. А пока запри её, что ли? Пока она ещё что-нибудь не натворила.

Янкель утащил ноющую подопечную в сторону Детского крыла. Сольге не спеша отправилась следом. Сумка приятной тяжестью давила на плечо, бутылочки с порошком «кошачьей спинки» тихонько позвякивали, обещая радость, наслаждение и покой.

Ещё бы как-то передать слова жены травника Байвин... Даже странно, что принцесса-благодетельница, пытающаяся сунуть свой прекрасный нос во все дела Октльхейна, не знает о непорядке, творящемся в городе. Очень странно...

В королевской голубятне жарко, душно. Ни сквознячка, ни даже малейшего колебания воздуха, только пыль танцует в бледно-пурпурном свете Сестёр. Несчастные птицы больше не расхаживают важно туда-сюда, не курлычут о своём. Забились в углы подальше от вездесущего света, распластали крылья. Хуже всего приходится голубям из северных княжеств — они вообще не отходят далеко от поилки. Один так и вовсе из последних сил разогнал братьев и плюхнулся в воду.

Всё те же птицы, все столько же — ни одной новой. Нет вестей от соседей, ни от ближних, ни от дальних.

Совсем другое дело в тайной голубятне. Чёрный голубь посланника Горто словно и в пути не был. Сидит на жёрдочке, голову держит высоко, гордо, косит золотым драконьим глазом.

Письмо от посланника короткое и тревожное: «Никому не верьте». В левом нижнем углу крохотная красная точка — «Не отвечайте» означает она. Всё. Больше ни слова, ни намёка. Ничего.

Странно, всё очень странно.

Сольге присела на ступеньки, чтобы немного поразмыслить в тишине, но её отвлекло тихое шуршание в кустах — может, кошка, а может, и хорь подбирался к запертым птицам. Сольге подобрала случайный камушек и швырнула, не прицельно — просто на звук. Тот, кто шуршал, метнулся прочь, а Сольге подумала, что как-то крупноваты стали кошки. Или хори.

Окончательно сбил с мысли Хендрик. Налетел, облапил, потащил в укромное место между голубятней и стеной, не очень, между прочим, удобное для уединения — крапива и голубиный помёт не самые лучшие спутники любовников.

Хендрик боролся с завязками на платье, с юбками, перемежая это всё поцелуями. Получалось плохо, потому что Сольге сопротивлялась.

— Уймись, Хендрик! Мне сейчас нужно подумать. Я сама найду тебя позже.

Он не сдавался:

— Нет, мой прекрасный весенний цветок, и сейчас, и ещё много раз позже. Нам нельзя терять времени.

— Да почему?! — Сольге взглянула на небо через его плечо — Сёстры уходить не собирались, напротив, стали немного ближе — и, как могла сильно, оттолкнула любовника.

Хендрик отступил на полшага Оба они замерли, тяжело дыша.

— Милая, говорят, что в городе много недовольных. Люди устали сидеть взаперти. Принцесса Байвин считает, что нужно устроить праздник для поднятия духа.

«Значит, получилось», — подумала Сольге. Не зря она уже который день пыталась донести слова жены травника через всех, кого только можно: через Ййрим, через мастера Сатрена, даже через кухонных мальчишек и помощницу швеи.

Она на мгновение утратила бдительность, и Хендрик снова пошёл в атаку, едва не разрывая завязки, сминая юбки.

— Так что за праздник решила устроить Байвин? — хлопая его по рукам, спросила Сольге.

— Как? — губы Хендрика замерли в полширины травинки от её плеча. — Мой весенний цветок, что поднимет дух народа лучше, чем Посвящение? О, Сольге, только

представь, какой силой может одарить нас Альез сейчас, когда она так близка!

Сольге обмерла. А Хендрик, вернувшись к начатому, как-то ещё ухитрился говорить. Всё больше о том, что у них осталось совсем немного времени — после Посвящения его, наверняка, сразу женят. Хотя, конечно, вряд ли сразу. Подождут, пока поднимутся старшие мужчины. А он, Хендрик, поговорит с матерью — может, она позволит ему пока оставаться с Сольге, до ухода Альез. Да и потом, что мешает им видеться после? У него, конечно, красивая невеста, но Сольге он любит. И что плохого, если время от времени они будут видеться?

Платье почти пало под натиском Хендрика. Может быть это, а может быть стебель крапивы, задевший руку Сольге, привёл её в чувство.

— Ты идиот?! О, Сёстры! Какой же идиот! — она отшвырнула от себя любовника и, на ходу натягивая сползающее платье, приводя в порядок завязки, бегом бросилась в покои короля. Хендрик что-то кричал ей вслед, но Сольге не слушала.

Ийрим снова пыталась её не пустить.

— Уйди! — прыгчала Сольге, не остановившись даже на секунду.

Король был слишком слаб, чтобы рассердиться, но едва заметное движение бровей, лёгкий намёк на нахмуренность, немного охладили ярость Сольге.

— После ты можешь изгнать меня навсегда, мой король. Но сначала выслушай. Байвин сошла с ума и через несколько дней собирается провести Посвящение.

Можно ли стать бледнее бледного? Толфреду это удалось. Чем напугать того, кто и так близок к звёздам? Разве что тем, что может его с этими звёздами рассорить.

Правила Посвящения были установлены так давно, что нигде и не упоминалось уже, кто именно впервые услышал и записал волю Сестёр. Были они неизменны и строго исполнялись, ибо невозможно было предсказать, чем ответят Альез и Викейру на неповиновение. Запрет на проведение ритуала в присутствии любой из Сестёр был непреложен, и мало кому вообще могло прийти в голову его нарушить. История не сохранила не только имён нечестивцев, но даже и упоминаний о них — одни только смутные намёки, неясные отсылки на что-то ужасное и неотвратимое. За нарушение Перемирия карали люди, за пренебрежение запретом — сами Сёстры. Именно так с древнейших времён толковались эти правила. Об этом, похоже, и подумал король Толфред.

Сама Сольге рассуждала немного иначе: если Альез забирает силу всех своих посвящённых, то кто запретит ей сотворить то же с теми, кто придёт под её лучи сейчас? Юнлейны на время Сестёр оставались единственной защитой Октльхейна, если не считать городской и замковой стражи. Что будет, если и они останутся без сил? Разбойникам и мародёрам плевать на Перемирие. Да и мало ли, что ещё могло случиться...

Весть о том, что Посвящения не будет, разнеслась быстро. Байвин отомстила: её свита в красках рассказывала, кто виноват в том, что народ лишился праздника.

За спиной у Сольге зло перешёптывались, мрачно отводили взгляд, если доводилось встретиться с её. В спину не плевали. Даже те, кто знал о королевской немилости, понимали — это дело такое, временное. Да и с воспитанницей своей король всегда разбирался сам — всем другим, даже принцессе Байвин, настрого было запрещено вмешиваться или присваивать себе право на королевское правосудие. И всё же, даже на привыкшую к пренебрежению многих, Сольге нынешнее всеобщее неодобрение давило, мешало дышать, засыпалось песком в глаза, не давая их поднять.

«Пусть так, — думала она, — пусть так. Зато Октльхейн не останется без защиты. И гнев Альез, если её прогневит нарушение правил, не падёт на головы посвящённых, к проступку не причастных. Разве станет Красная Сестра разбираться со своих высот, кто виновен, а кто нет?»

Думала, крепилась, но старалась держаться в стороне. Легко потерять самообладание, когда даже те кого, считаешь друзьями, осуждающе качают головами.

— Сольге! — из размышлений её выдернул голос Хендрика.

Сам он, отделившись от компании юнлейнов, решительно шагал к ней. Где-то в глубине сердца Сольге дрогнула надежда, что Хендрик, если не поблагодарит, то хотя бы поймёт её. Дрогнула и погасла.

— Довольна?! — царапал льдинками синих глаз, хлестал колючим голосом, сапогами втапывал в землю. — Ты довольна, Сольге? Чужая радость не даёт тебе покоя? Сама пылишься в своём архиве и считаешь, что другие должны вечно сидеть в пыли и грязи? Или ты решила, что я навсегда должен остаться у твоей юбки? Не можешь вынести мысли, что однажды я женюсь на другой?

Сольге... Нет, не окаменела. Чем громче кричал Хендрик, тем прямее становилась её спина, тем выше поднимался подбородок и жёстче становился взгляд — куда там хрупким льдинкам до грозových туч. Отступили на шаг юнлейны, стих привычный дворовый гомон вокруг, но Хендрик ничего не замечал.

— Думаешь, ты единственная женщина во всем Октльхейне? Да кому ты нужна!.. Шавка!..

То ли понял, что именно ляпнул, то ли дыхания просто не хватило, но Хендрик замолчал, яростно сопя.

Усмешка, которой ему ответила Сольге, заставила юнлейнов отступить ещё на три шага и прочь разогнала остальных невольных зрителей. Говорят, с такой усмешкой старый король отправил трёх своих военачальников в их последний поход — не прощал он ни неуважения, ни даже намёка на неповиновение. И какая разница, признал он незаконнорождённую дочь или нет — его кровь всё равно громко в ней заговорила.

Глупый мальчишка! Молчание Сольге и прямую её спину, удаляющуюся в направлении голубятни, он истолковал как свою победу. Он так и не понял, отчего перестали перешучиваться его товарищи, отчего они отводили глаза и не спешили поздравлять с тем, как здорово он поставил на место нахальную любовницу. Глупый, глупый мальчишка!

Как она дошла до голубятни, Сольге не помнила. Кровь шумела в ушах, словно каждый, кто остался там, за дверью, смеялся ей в след. Сердце металось, как муха в кувшине — бестолково и больно. Ох, Хендрик, как же ты мог?

Стоило ей чуть успокоиться и осмотреться, как оказалось, что это было ещё не всё. Она не увидела ни одной птицы, а вся голубятня была засыпана разноцветными перьями. Сольге сделала шаг и вскрикнула — пол был залит кровью и... Ой! Сдерживая тошноту, она бросилась к тайной двери. Заперто. Уже хорошо. Дрожащими руками достала ключ. Слава Сёстрам! Всё было в порядке. Неведомый убийца то ли не знал о существовании этой комнаты, то ли не нашёл способ сюда проникнуть. Чёрные голуби-драконы спокойно сидели на своих насестах, словно и не было за стеной безжалостной бойни.

Отдышаться не получилось. Как ни радовала сохранность голубей посланника Горто, но связь с другими странами сейчас была потеряна и, кажется, надолго.

Два удара подряд... Сольге на подгибающихся ногах вышла на улицу и застыла: по двору радостно хохоча и размахивая чем-то похожим на шар из перьев, носилась Доопти. Все её платье было залито кровью и облеплено перьями, а шаром оказался голубь из северных княжеств, самый крупный, самый пушистый...

Доопти всё бегала, всё смеялась, подкидывая вверх свою добычу. А вокруг стояла густая и вязкая, как застывающая смола, тишина. Прислуга, конюхи, юнлейны, дворовые дети — все обитатели замка влипли в неё, не в силах ни двинуться, ни вымолвить ни слова.

— Дрянь! — взревела Сольге и бросилась к девчонке. Ухватив ту за шиворот, она прямо-таки вытрясла несчастную птицу. Поздно. Головка в перьевой шапочке бессильно свесилась на сломанное крыло.

Силы оставили Сольге. Она опустилась на землю и просто гладила пёстрые пёрышки, не замечая ничего и никого вокруг. Она не видела, как Доопти, обретя свободу, снова вернулась к своему веселью. Не слышала, как Янкелю, возвращающемуся из архива и подошедшему посмотреть, что случилось, на плечо положил руку старший конюх и сказал:

— Ты лучше уведи свою девчонку, парень. Уведи...

Старания Сольге оказались напрасными. Посвящение состоялось. Чем задурила голову королю Толфреду Байвин, и знал ли он вообще о случившемся, было неизвестно. Но праздник, столь ожидаемый и столь несвоевременный, народ получил. Место короля на нём заняла принцесса и, говорят, была она столь прекрасна и величественна, что незнающий решил бы, что Байвин находится на своём месте и всегда находилась. Впервые вместо отцов к алтарю Альез за благословением Звезды правителей и воинов сыновей отправляли их гордые матери. Ни одна из них не возмутилась, не отказалась от участия в этом безумии, и это было тем более странно, что каждая из матерей в обычное время истово ратовала за соблюдение древних правил даже в мелочах.

Если и были в Октльхейне те, кого так же, как Сольге, пугали последствия этого Посвящения, то они сидели себе тихонько по углам, ибо даже если воспитанница самого короля испытала на себе гнев одного глупого рыжего юнлейна, то кто же станет церемониться с теми, кто не был так близок к Толфреду.

А в то время, пока бывшие юнлейны мерились силой на радость зрителям и во славу Альез, пока будущие юнлейны по традиции дрались за отброшенные старшими товарищами ритуальные мечи, пока народ, ради радости которого все затевалось, давился у ворот и стен Четвёртого круга, потому что Большая городская площадь, на которой проводились празднества подобного размаха, осталась за закрытыми воротами, Сольге пряталась от всего этого в комнате Шо-Рэя. Второго кресла здесь не было, и она сидела, опершись спиной на то, в котором, наверное, уже жил маг. Постель его, во всяком случае, казалась нетронутой.

— Я давно хочу спросить тебя, принцесса...

— Я не принцесса, маг, — буркнула Сольге. Видеть она не могла, но почти услышала, как Шо-Рэй ухмыльнулся. Или почувствовала.

— Твой отец король?

— Да.

— Значит, ты принцесса. Признанная или нет, но принцесса. Или кровь ваших королев настолько слаба, что её может перебить кровь простой наложницы? Важно не то, кем тебя считают другие, а то, кем ты являешься на самом деле. В моей стране ты была бы третьей в очереди к короне после сестры и брата. Даже если бы в тебе была только десятая часть

королевской крови или даже сотая, тебя почитали бы наравне с ними.

— У тебя очень хорошая страна, Шо-Рэй, — сама не зная почему, Сольге улыбнулась его словам. — Где она находится?

— Далеко, принцесса. Южнее Раймини, далеко в море, где не видно большого берега, но есть много-много мелких островов. Они соединены между собой мостами, а ещё между ними снуют маленькие юркие лодки с белыми парусами. На островах покрупнее мы строим свои дома. На самом большом стоит королевский дом, у нас нет замков. И тот, чья очередь сейчас править, переселяется со всей своей семьёй на него.

— Очередь из королей? — засмеялась Сольге. — Если твоя страна и правда существует, я хочу её увидеть. Обещай мне, что возьмёшь меня с собой, когда решишь отправиться туда.

Ответить Шо-Рэй не успел. Вопль Доопти раскрошил тишину и разогнал настроение.

— Так скажи, принцесса, — вернулся к начатому разговору маг, — что держит тебя в этом замке? Почему ты, несмотря на всё скверное к тебе отношение, ещё остаёшься здесь? За что ты цепляешься? За верность королю, который не признает тебя сестрой и не может заткнуть рты своим подданным?

— Потому что кроме Толфреда я никому не нужна. Мне просто нечего делать за этими стенами.

Впервые Сольге решила покинуть Октльхейн в том возрасте, когда девочки покидают детское крыло дома. В иных странах таких считают уже невестами и выдают замуж, но в Октльхейне только начинают готовить в жены. Сольге же ждала иная судьба. Король Толфред решил определить её на обучение к мастеру Сатрену. Какой юной деве понравится рыться в старых бумагах, чихать от книжной пыли и носить серые и коричневые платья, на которых эту самую пыль не так сильно видно? И уж точно куда приятнее проводить время с подружками, а не слушать ворчание старого архивариуса. Но воля короля есть воля короля, если только... Если только воле этой не противостоит почти столь же королевское упрямство.

Сольге сделала вид, что смирилась, а сама тем временем разузнала, куда отправили по воле старого короля и капризу Байвин её мать. И сбежала.

— Я легко нашла её дом. Король хорошо устроил судьбу своей любимой наложницы — выдал её замуж за достойного и богатого человека. Я долго бродила вокруг их дома, прячась за забором и не решаясь постучаться. А потом увидела её. Мою мать. Она гуляла в саду со своими детьми: сыном — красивым мальчиком чуть моложе меня самой, девочкой на несколько лет младше и совсем крошкой. Она была так ласкова с ними. Смеялась, пела им песни, играла в игры, в которые никто и никогда не играл со мной. Я словно превратилась там в камень, Шо-Рэй. Я страшно боялась даже пошевелиться — вдруг они меня заметят — и не меньше желала, чтобы заметили.

Потом они ушли. А я решилась. Я постучала в ворота. Мне открыла служанка, и я попросила сообщить её госпоже, что к ней пришла Сольге.

Ждать пришлось недолго. Вот только навстречу мне вышла вовсе не ласковая мать, которую я видела в саду и к которой так стремилась. Женщина, которую я увидела, была бледнее первого снега и испуганнее лани, за которой гонится волчья стая. Она умоляла меня уйти и не ломать её жизнь. Она говорила, что давно смирилась с тем, что меня у неё отобрали, что она давно забыла обо мне и даже благодарна старому королю, что все сложилось так, как сложилось...

И я ушла. Вернулась в замок и поклялась себе, что больше никогда не покину его стен.

Толфред не сказал мне ни слова в упрёк тогда и никогда не вспоминал о моём побеге позже. А я сама только спустя несколько лет поняла, почему мне так легко удалось добраться до нужного места, без препятствий, без приключений и опасностей — он догадывался, что я сбегу, и просто ждал, отпустил, чтобы я сама всё поняла и увидела. Сама. Потому что его словам я бы не поверила.

А ещё Сольге рассказала о второй своей попытке покинуть Октльхейн, о неудавшемся замужестве. О том, как снова зареклась покидать стены замка.

— Так что никому я не нужна, кроме моего короля, Шо-Рэй. И идти мне некуда и незачем, разве что Толфред, всё-таки, изгонит меня.

Маг, нет, не хмыкнул, как он это обыкновенно делал. Он молчал, и от молчания его веяло сочувствием и пониманием.

— Женщина, когда-то считавшаяся твоей матерью, и два недоумка на троне — ещё не весь мир, принцесса. Как и твой коронованный брат. Подумай об этом. И, может быть, ты решишься отправиться в новое путешествие, не дожидаясь изгнания. На мою компанию можешь рассчитывать. И да, я обещаю тебе, принцесса Сольге, что если однажды я решусь вернуться в свою страну, то обязательно позову тебя с собой. Если, конечно, тебя не укачивает на волнах.

Сольге засмеялась — впервые за последние дни ей стало легко. В мерцающем свете свечи было не видно, но она была готова поклясться, что маг тоже улыбался.

Начавшееся с таким шумом и вопреки традициям Посвящение постепенно комкалось, теряло торжественность и скатывалось в площадной фарс.

Как бы ни любили принцессу Байвин подданные, видеть благодетельницу на месте, ею не заслуженном, было странно. Гордость матерей была понятна и радовала сердца, но отсутствие отцов и старших братьев, принимающих юных воинов в свои ряды, создавало ощущение, будто дети пробрались в оружейную и решили поиграть в главный праздник Октльхейна.

Народ, чей дух должно было поднять Посвящение, теснился у стен, толпился в воротах — зрителей в этот раз было куда больше, чем обычно. Чужаки-южане, затесавшиеся в толпе, гортанно перекрикивались, тыкали пальцами, глумливо обсмеивали происходящее. Кое-где вспыхивали потасовки между ними и октльхейнцами, быстро гаснущие, впрочем, в этой тесноте.

То тут, то там прокатывался ропот — мол, не стоило торопиться с Посвящением, мол, не к добру это. Но был он слабый — выскажется кто, да и хватит. Мало ли чего. Да и вон — праздник-то он и есть праздник. Угощение же ещё обещали, по обычаю, по правилам.

Но и угощение не порадовало. Время-то какое? Вот. Пара пирожков да стакан разбавленной медовухи — и вся щедрость. Не такой радости ждали, ох, не такой.

Сама церемония закончилась тоже куда быстрее, чем следовало и... Да просто закончилась и все. Нет чтобы выехать за стены города через Ворота юнлейнов, объехать весь его по кругу, оставляя за стенами мальчишество во всём его легкомыслии, юнлейнские забавы и шутки, и вернуться обновлёнными, принявшими Посвящение не только сердцем, но и умом, торжественным строем проследовать через Врата Альез уже воинами, а не юнцами. Вместо этого новопосвящённые несколько раз объехали площадь под радостные крики народа, да на том всё и закончилось.

Отчего Ворота юнлейнов оказались вдруг запертыми, так никто и не понял. Сама

Байвин делала вид, будто всё так и надо, будто Посвящение так и задумывалось, а то и проводилось всегда. Ей верили и славили наравне с отсутствующим королём. Несмотря на нарушенные традиции, на скудное угощение, тесноту, люди расходились с площади довольные и радостные. Своей цели Байвин достигла. Вот только нет-нет, а встречалось в толпе задумчивое лицо.

Когда площадь опустела окончательно, трижды пробил колокол. Ворота Третьего круга скрипнули и тяжело захлопнулись. А спустя половину часа колокол пробил снова: открывались ворота Второго и Первого кругов. И кто бы знал, что это всё значило.

Сперва люди на площади, конечно, оторопели. Замолчал колокол, и над площадью повисла тишина. Только редкие шепотки нарушали её сперва, но постепенно их становилось всё больше, а сами они — громче. И вскоре запертое в Третьем круге стен пространство Октльхейна загудело подобно пчелиному улью.

И Байвин снова заговорила. О том, что она слышит голоса добрых подданных Октльхейна, что ей близка их тревога за пропадающий за стенами урожай, их страхи перед голодной зимой. О том, что люди, которых не коснулось бремя Сестёр (она так и сказала — бремя), не должны закрываться от мира и жертвовать своей повседневной жизнью из-за иллюзорных опасностей.

Слушали её внимательно. Кое-кто, кто помоложе, поддерживал одобрительными криками. Другие, из тех, кто постарше, качали головами и хмурились — негоже нарушать традиции, сложившиеся так давно, что праправнуки праправнуков сыновей внуков тех, при ком всё началось, приходится нынешним старикам прадедами. Но вот чего у принцессы было не отнять, так это дара убеждать. Да и на кого опереться, когда сильнейшие лежат за запертыми дверями и неизвестно, когда встанут. Вот уже и разгладились нахмуренные лбы, расслабились насупленные брови, улыбки заиграли на лицах — ай да Байвин! Благодетельница, хранительница — нет её заботливее и участливее. С такой и в запертом городе не страшно и надёжно.

Вот о запертых Воротах юнлейнов кто-то вопрос и задал. Ещё светлее улыбнулась Байвин, ещё ласковее заговорила, только так никто ничего и не понял, о чем была её речь и что там, всё-таки, с воротами. Да и, наверное, не так это важно, когда рядом бывшие юнлейны мышцами играют, как застоявшиеся жеребцы — удаль свою хотят показать, испробовать новую силу. Праздник, как-никак. Посвящение.

Отшумели короткие празднества — в трудное время не стоит разбазаривать запасы даже и на поднятие духа подданных. Дни потянулись прежние — долгие, светлые, жаркие. И сначала почти не отличались один от другого — обычные тихие дни. Но видимо, всё-таки, стоит строго следовать традициям. Хотя бы некоторым.

Альез не поскупилась. Новопосвящённые воины получили столько силы, сколько не было ни у их братьев, ни у их отцов. Силы огромной, необузданной, рвущейся наружу. Так было заведено — после окончания празднования молодые воины под присмотром старших уходили в поход. Объезжали дозором границы Октльхейна, разбирались с разбойничьими бандами — укрощали новую силу, учились ей владеть и управлять. Долгие переходы забирали лишнюю, и обратно возвращались не буйные мальчишки, а почти зрелые воины, наполненные такой силой, с какой сами могли совладать.

Теперь же всё было иначе. Несмотря на все восторги, на ласковые речи принцессы Байвин, обращённые отчего-то к «своему драгоценному войску», запертые в стенах Октльхейна новопосвящённые воины в конце концов заскучали и как сдурели. Начались беспорядки, переходящие в драки, а то и в кровавые побоища. Вскоре к казармам добровольно не подходил никто из обитателей замка, даже вездесущие дворовые мальчишки старались не попадаться на глаза бывшим юнлейнам — получить крепкий подзатыльник, а то и пинок повыше колен, пониже спины никому не хотелось. А уж женщины, от девчонок

до старух, так и вовсе избегали показываться хотя бы близко — и без того любящие сальные шутки, молодые мужчины сейчас и вовсе распоясались. Даже матери, не выдержав, приходившие их пристыдить, иной раз нарывались на грубость.

Однажды едва не попал в историю Янкель. Некому воину по имени Ангир показалось, что помощник архивариуса недостаточно почтительно на него посмотрел. Болтавшегося на половине высоты собственного роста Янкеля, спас, как ни странно, Хендрик. И вовсе не из хорошего отношения или бывлой привязанности к Сольге. Даже наоборот. Хендрик ухватил Ангир за кулак и потребовал отдать ему мальчишку-архивариуса, давно выпрашивающего хороших тумачков. Он не сказал, за что именно, но глядя на злую ухмылку Хендрика, Янкель и сам догадался, что сейчас на нем отыграются за Сольге.

Завязалась драка, потому как уступать никто не собирался, и Янкель просто сбежал. С того дня Сольге настрого запретила ему выходить за пределы Детского крыла. Пусть вон лучше с найденной страницей разбирается и за Доопти приглядывает — целее будет.

Вопрос «Что с Ворота юнлейнов?» звучал все чаще. Но ответа на него, по-прежнему, не было ни от принцессы-благодетельницы, ни от её свиты. В конце концов, кое-кто из молодых воинов, ещё не до конца ослепленный благословением Альез, решил сломать ворота, чтобы вырваться из города. И, может быть, в один прекрасный день пали бы или Ворота Юнлейнов, или не такие укрепленные ворота Третьего круга, о которых пока не вспоминали, но случилось то, что так страшило Сольге. Альез потребовала свой дар обратно.

Он был так велик, этот дар, что ни один из воинов сначала и не понял, что сила убавляется. Но звезда была так близко, а силы так много. И потому того, что отцы и старшие братья отдавали на протяжении долгих-долгих недель, младшие лишись чуть больше, чем за месяц. Не веря в происходящее, глупые мальчишки боролись до последнего. Некоторым повезло — женщины их семей, разобравшись, что происходит, забирали ослабевших сыновей и братьев по домам. Тех же, чьи родственники остались за пределами Третьего круга, или вовсе были бессемейными, слуги волоком оттаскивали в казармы с улицы, ибо остаток силы выходил сразу и внезапно. Последним сдался Ангир. Его, еле живого, еле оттянули от Ворот Юнлейнов, которые он пытался сломать до самого конца.

Сольге оказалась права. Альез забрала своё, как делала это всегда.

Старая Улла уже долгое время стояла у дверей Детского крыла и всё не решалась постучать. Очень не хотелось ей связываться с этой наглой девицей, шавкой архивной, хоть и королевской. Ой, как не хотелось! Но Хендрик, сыночек любимый, младшенький, поздний... Столько лет встречала Улла Альез вместе с мужем, в должное время передала старших сыновей в руки хорошим жёнам и не волновалась о них сильно. А младший вот... Ох, Хендрик! Ради него, все ради него!

Кто бы мог подумать, что так выйдет? Отгуляли, отпраздновали своё Посвящение. Ну пошумели чуток от избытка силы. Так кому и когда такая доставалась? Разве была ещё с кем-нибудь так щедра благословенная Альез? И так вовремя.

Улла преклонялась перед Байвин. Вся пошла в мать, покойную королеву. И статью, и умом, и хозяйственностью. Толфред, конечно, король. Может быть даже лучше отца своего — спокойнее при нём стало. Старый король вопросы всё больше мечом решал, а Толфред с посланниками разговаривает, не только меч его оружие, но и слово веское. Не зря же девицу эту при себе держит, Сольге, что по архиву для него рыщет, с посланниками пашни крутит — мирно живёт Октльхейн при короле Толфреде, но воины всегда начеку.

И всё же, как бы было хорошо, если бы закон позволял посадить на трон Байвин. С тех пор, как она взяла на себя обязанности королевы, и во дворце порядок, и в городе. И голодных накормит, и за обиженных заступится. А как придёт благословенная Альез, так отсутствия короля и не заметно даже — весь королевский груз на себя берёт умница Байвин. Любят её подданные, не меньше короля любят и чтят.

А то, что нарушила принцесса обычай, так это ради Октльхейна и его благополучия. Тревожные слухи ходят. Говорят, все чаще вокруг города чужаки стали попадаться, всё больше южане, из тех, бродячих. Разве справились бы юнлейны одни? Кто ж мог знать, что Альез свой дар сразу обратно потребует?

Что теперь делать? Байвин молчит, уже который день не выходит к людям. Винит себя, наверное, за случившееся, хоть и нет вины принцессы в происходящем. Ох, Хендрик, ох, сыночек...

Сольге молча выслушала предложение Уллы, а красноречия та не жалела, так же молча покачала головой, отказывая, и только когда за матерью Хендрика закрылась дверь, дала волю чувствам. Янкель отступил к своей комнате — проверить, надёжно ли заперта Доопти. Попадись она сейчас под руку Сольге, беды было бы не избежать. А Шо-Рэй, покинув своё кресло, с любопытством наблюдал за происходящим.

— Что так разозлило тебя, принцесса?

— Не называй меня принцессой! Это была мать Хендрика. Приходила меня благодетельствовать — подложить под своего сына...

— Подложить? — перебил маг. Сольге вздохнула и терпеливо объяснила:

— У нас считается, что женщина рядом с воином может помешать Альез, и сила будет уходить не так быстро.

— Любая женщина?

— Нет. Возлюбленная или жена.

— Какие интересные в вашем Октльхейне обычаи... — задумчиво сказал Шо-Рэй. — И? Насколько я помню, ты говорила, что у Хендрика есть невеста.

— Он не подпускает её к себе. Зовёт меня. И его мать пришла забрать меня в свой дом, где я буду беречь его от Альез, пока она не уйдёт, пока не встанет его отец. И тогда они выкинут меня, как... Как...

— Шавку?

— Да, как ненужную шавку! — последние слова Сольге уже кричала.

Шо-Рэй задумчиво потёр подбородок и вдруг согласился:

— Выкинут. Ты права, принцесса.

— Я не...

— Да, ты не она. Но ты можешь поступить как принцесса. Если не ты пойдёшь в дом Хендрика, а позволишь привести его сюда, осчастливить, а когда всё закончится, не тебя будут выкидывать из дома, а ты. Или ты можешь проявить королевское благородство и просто милостиво отпустить уже ненужного тебе воина к невесте.

Что-то такое было в тоне его голоса, что Сольге задумалась. Что там за мысли возникли в её голове — неизвестно, но вскоре она улыбнулась, развернулась на каблуках и помчалась догонять ушедшую.

С самой высокой башни внимательный взгляд наблюдал, как старая Улла, обречённо сгорбившись, брела через двор. Девка отказала, это ясно. Наблюдатель довольно усмехнулся. Вот и хорошо. Но уже в следующем миг ухмылка исчезла: Уллу, очень стараясь не

торопиться, похожая на вот-вот взлетающую птицу, догоняла Сольге. Обе остановились. Сольге что-то сказала, что-то такое, что мать Хендрика часто закивала головой, схватила её за руки, а после сорвалась с места, словно сбросила пару десятков лет. Сольге же напротив, пошла медленно-медленно, то ли подобрав годы, сброшенные Уллой, то ли это её собственные мысли не давали ей больше бежать.

Наблюдатель не стал дожидаться, пока Сольге скроется с глаз и, буркнув: «Посмотрим ещё...» — покинул башню.

Вечером того же дня Хендрик появился на пороге Детского крыла. Его поддерживали под руки два крепких слуги. Такие были в каждом хорошем доме — воины воинами, а в их отсутствие кто-то должен охранять дом, горные барсы за домовыми мышами не гоняются.

Сам он с виноватой улыбкой шагнул к Сольге. Обнял, едва не придавив её:

— Прости меня, мой весенний цветок.

Сольге сдавленно пискнула что-то согласное, и слуги снова подхватили Хендрика. Ещё трое, тем временем, заносили сундуки с вещами, корзины с фруктами, хлебом и вином.

— Я не хочу, чтобы мой сын в чём-то нуждался, — строго сказала Улла, — и ты, конечно, тоже, архивариус Сольге.

Сольге хотелось ответить чем-то колким и язвительным, но она лишь сдержанно кивнула.

В этот момент откуда-то из глубины коридора, со стороны комнаты Янкеля, раздался восторженный визг. Доопти пронеслась через весь коридор, с размаху повисла на шее у Хендрика и забормотала что-то ласковое. Её оттащили, но девчонка рвалась, выкручивалась и кусалась. Кое-как Янкелю с помощью тех самых крепких слуг удалось затащить Доопти обратно в комнату и запереть. Но и оттуда был слышен её визг и вой.

Сольге с Янкелем переглянулись: до сих пор Доопти Хендриком вообще не интересовалась. Сколько раз она проходила мимо, глядя сквозь него, хотя бы тогда, после разорения голубятни. А сейчас, смотри-ка... Чудные дела стали твориться с людьми после Посвящения.

Просыпаясь, Сольге боялась открыть глаза. Боялась, что пробуждение унесёт с собой тот сладкий сон, в котором она жила последние дни. И только тепло Хендрика, его ровное, тихое дыхание вновь убеждало её, что волшебство не рассеялось, что вовсе не было его, волшебства. Но зато была жизнь. Обычная повседневная жизнь. Любая другая на месте Сольге даже не задумалась бы, а то и досадливо сморщилась — опять всё то же самое. А Сольге была счастлива, хоть и была это жизнь не её — случайная, ворованная, незаконная.

Однажды, было ей тогда лет семь или около того, прячась от очередной своей няньки Сольге случайно забежала в тронный зал и наткнулась там на старого короля. Тогда он был уже нездоров, а в тот день ещё и пьян, отчего характер его, и в обычное время нелёгкий, особенно портился. Иначе кто бы дал королю возможность воссесть в тёмном зале на троне в полном одиночестве? Таких смельчаков не нашлось.

Сольге замерла в испуге и хотела было тихонечко улизнуть, но не успела.

— Подойди, девочка.

На дрожащих ногах подошла она к ступеням и остановилась, готовая к наказанию или крикам.

— Ближе.

Поднялась к трону.

На лице старого короля не было злости, только бесконечная усталость.

— Ты так похожа на свою мать, — сказал он, разглядывая Сольге, — а глаза мои... Бедное дитя. Мой глупый сын обрёл тебя на страдания, оставив при себе. Здесь ты не будешь счастлива, здесь ты навсегда останешься королевским бастардом. Следовало бы тогда отослать тебя подальше... Но я никогда не мог отказать своим детям, а он даже не просил — требовал...

Он задумался, нахмурился.

— И Байвин... Она тоже потребовала. Поэтому, дитя, рождённое от моего семени, я никогда не признаю тебя. Никогда... Хоть и не найдётся в этом замке никого, кто бы не знал, что ты моя дочь.

Для Сольге это тоже не было секретом — Толфред никогда не скрывал от неё её происхождение. Да и остальные не особенно церемонились. «Шавка, игрушка, девкино отродье» — чего только не слышала за свою маленькую жизнь Сольге. Знал ли об этом старый король? Может быть и знал. Может быть потому она и увидела в его глазах что-то вроде жалости. Может, поэтому в какой-то момент дрогнула его рука, словно хотел король погладить по голове ту, кого он не хотел назвать своей дочерью. Нет, удержался.

— А сейчас ступай, девочка, и постарайся не попадаться мне больше. Ты слишком похожа на свою мать...

Король хлопнул в ладоши. Из-за двери показался слуга, кивнул и снова исчез. Вернулся он уже вместе с нянькой.

Видел король или нет, как вздрогнула и сжалась при её появлении Сольге, ибо эта нянька была немногим лучше Греды, но на следующий же день вместо этой была другая нянька, а замковые слуги стали куда вежливее и добрее с Сольге.

Наверное, только сейчас в полной мере Сольге осознала, что тогда имел ввиду старый король. Не следить за длиной волос, встать между Альез и своим возлюбленным, наряжаться для него, просыпаться рядом, быть дочерью и сестрой — вот, что отнял у неё Толфред. Впрочем, сестрой она была. Пусть наедине, пусть редко, но была.

Далеко не сразу Сольге простила Хендрику его злые слова. Да и, наверное, до конца так и не простила. Только то чувство, что она испытала, выйдя из лавки травника, оказалось сильнее обиды.

Снова были распечатаны сундуки с красивыми платьями, оставшимися со времён неудавшегося замужества Сольге. Здесь, за закрытыми дверями, только для одного Хендрика она наряжалась, плела косы, пела ему песни. Да и «кошачья спинка» пригодилась. Хендрик потом бодрился, веселел. Вставал с постели, пытался выйти из комнаты, хотя Сольге его не пускала — сил хватало не надолго, а крепких слуг, как у Уллы, у неё под рукой не было.

Здесь, в этих стенах, Сольге была счастлива. И даже вой и скулёрж пытающейся пробраться к Хендрику Доопти не особенно ей мешал.

Каждые три-четыре дня Улла приходила навестить сына. Сначала заходили слуги с припасами, аккуратно расставляли принесённое вдоль стены, оглядывались и застывали у входа в комнату Хендрика. Сольге подозревала, что вовсе не просто это были слуги, а охрана. Чего только было бояться в Детском-то крыле? Янкеля? Саму Сольге? Или, может безумную девчонку? Как бы то ни было, но порядок раз от раза не менялся. Следом шла сама Улла. Сухо здоровалась и сразу проходила в комнату к Хендрику. Каждый раз её сопровождала молоденькая девушка, очень красивая: коса тёмной, почти чёрной, змейй

сползающая чуть ли не до колен, ещё свободная от причёсок замужних женщин, едва заметный румянец на нежных щёчках, кроткая улыбка на алеющих диким маком губах и неожиданно по-кошачьи жёлтые, злые глаза. Сольге даже вздрогнула первый раз, когда Аниса, так звали девушку, при встрече полоснула её взглядом. И понять её, конечно, можно было: жених-то вот он — в постели соперницы, шавки архивной, да ещё при полном согласии его собственной матери. Будешь тут милой и доброй...

Сольге отступала. Но полупустой кувшин с «кошачьей спинкой» неизменно оставляла в изголовье кровати.

Потом Улла выходила, давая возможность Хендрику побыть наедине с невестой. А через короткое время появлялась и Аниса, смущённая, зарумянившаяся и очень довольная. Она тайком бросала торжествующий взгляд на Сольге, казалось, так, чтобы Улла не заметила. Обе они, пропуская вперёд одного из слуг, скрывались за дверью. И уже после уходил второй слуга.

Сольге возвращалась в растревоженное своё гнездо и выстраивала его заново. Платьями, песнями, поцелуями... До следующего раза.

Вскоре всё это, в том числе и «кошачья спинка», стали не нужны. Сёстры всегда забирают своё, как ни старайся. Хендрик больше не вставал, почти не говорил и большую часть времени просто спал или лежал, глядя в потолок. Сольге ложилась рядом, обнимала, не давая слабости окончательно его утопить, и мир за стенами снова отступал.

Визиты Анисы после этого продлились недолго.

Разговоры между Уллой и Сольге никак не клеились. Одной не нравилось быть в должниках у той, кого она до сих пор презирала. Другая слишком хорошо помнила сказанное и сделанное. Поэтому, когда Улла оставляла сына наедине с невестой, ожидание Анисы проходило в молчании. Сама Сольге от двери своей комнаты далеко не отходила. И вовсе не потому, что хотела подслушать или подсмотреть. Доопти. Хитрая девчонка всеми правдами и неправдами сбегала от и без того занятого Янкеля и рвалась к Хендрику.

«Да что ж её туда так тянет?» — размышляла Сольге, в очередной раз заталкивая Доопти обратно в её комнату — девчонке выделили собственную каморочку после того, как она едва не изодрала в клочья все книги Янкеля.

Этот же вопрос задала ей Улла, до сих пор молча наблюдавшая за этим действием.

— Не знаю, — устало вздохнула Сольге. — Но волноваться тебе не о чем, госпожа Улла. Я не пушу её к Хендрику.

Улла хотела было сказать, что в Сольге она не сомневается, но её слова перебил грохот и последовавший за ним слабый крик. И раздавался он вовсе не из каморки Доопти. Кричал Хендрик.

Сольге рывком распахнула дверь в комнату и замерла: в нос ей ударил запах «кошачьей спинки». Пол был усеян осколками кувшина, залит остатками отвара, а возле кровати с расшнурованным корсажем, растрёпанная, похожая на рассвирепевшую кошку, стояла Аниса.

— Он мой! Почему ты?! Почему не я?.. — прорычала она, явно намереваясь вцепиться в волосы, а то и в лицо Сольге. Остановил её только взгляд Уллы. Он без труда мог бы заморозить весь Октльхейн разом и прихватить ещё пару-тройку соседних стран. Мать Хендрика взяла незадачливую невесту за руку и вывела прочь из комнаты. Молча.

Постель была пуста. Почти потерявшего последние силы возлюбленного Сольге нашла в углу комнаты. Аниса расцарапала ему лицо, разорвала рубаху...

— Бедный мальчик, — прошептала Сольге, садясь рядом и обнимая его, — бедный глупый мальчик...

— Мне никто не нужен кроме тебя, мой весенний цветок, — прошептал он в ответ и обмяк.

Улла вскоре вернулась. Не одна, со слугами. Пока Сольге собирала осколки кувшина, они подняли Хендрика обратно на кровать. Мать сама передела его. Не из недоверия, скорее, чтобы убедиться, что с её мальчиком всё в порядке.

— Нога Анисы больше не ступит на твой порог, архивариус Сольге. Похоже, я поторопилась с выбором невесты для моего сына, — сказала Улла на прощание.

— Не суди её строго, госпожа Улла. Аниса ещё молода и... — начала было Сольге, хотя, по правде, ей самой очень хотелось расцарапать Анисе лицо и оттащить за косу.

Мать Хендрика фыркнула, но промолчала.

С тех пор Улла приходила проведать сына только в сопровождении слуг. Да и они, оставив припасы, выходили за двери и ждали свою госпожу на улице.

Когда совершенно некуда спешить, не из-за чего спорить, когда страсти не застилают глаза, не отвлекают от важного, видится, наконец, то, ради чего стоило остановить время и присмотреться.

Оказалось, что у Хендрика пушистые светлые ресницы, а глаза голубые, как смешливое небо ранней весной, когда только-только сходит снег. А веснушки? Много-много золотистых крапинок резво разбегались от кончика носа по щекам, спрятались в мягкой рыжей щетине, и не было им покоя даже сейчас. И губы, не те жаркие и жадные, не поджатые от злости — нежные, розовые, совсем мальчишеские. Почему Сольге раньше никогда этого всего не замечала? На сердце становилось сладко и больно. Так больно, что Сольге не выдерживала и сбегала. Сбегала туда, где всё было привычным и понятным. К зарывшемуся в книги в поисках разгадки страницы Янкелю, к хмурому и язвительному Шо-Рэю, даже к ноющей и скулящей под её дверями Доопти... Куда угодно, лишь бы не эта боль. А потом возвращалась и не только потому, что была должна, а потому, что без этой боли жить было уже невозможно.

— Что со мной, Шо-Рэй?

— Ты влюбляешься, принцесса, — сказал маг, и Сольге уловила печаль в его голосе, а во взгляде... Неужто сочувствие? С чего бы?

— Я не всегда был тёмным и не всегда посвящённым, — ответил Шо-Рэй на незаданный вопрос.

— А если я не хочу этого? Влюбляться? Мне не нужно это, Шо-Рэй, я не хочу...

— Ты сама хозяйка своему сердцу, тебе и выбирать, — маг, казалось, совсем сник и, да, ему сейчас было бесконечно жаль Сольге. — Прости, принцесса, но итог всё равно будет один. Боль.

Она не хотела верить. Может быть потому, что сладости и нежности в этой боли было пока ещё больше, чем самой боли? И Сольге снова возвращалась к себе.

Хмурая Улла пришла раньше обычного, слуг с ней было вдвое больше, и каждый был вооружён короткой увесистой палкой. Скверные новости принесла Улла.

Сложно сказать, что за час был — свет Сестёр не давал более различить, какой из Глаз Рийин был в это время в небе, — но в этот час распахнулись Врата Альез, и в замок хлынул

народ — те самые бродячие южане, что встретила Сольге, когда ходила к травнику. Священные ритуальные Врата, стоявшие запертыми во время Посвящения, открылись для чужаков.

Улицы наполнились людским многоголосьем: криками, хохотом, перебранками. Октльхейн, привыкший за последнее время к тишине, тревожно замер. Кто посмел открыть Врата, по чьему приказу?

И почему принцесса Байвин лично вышла навстречу предводителям чужаков? Почему приветствовала их, как равных?

Улла ненадолго заглянула к сыну и торопливо ушла — лучше бы было сейчас не оставлять дом без присмотра надолго. А Сольге задумалась. Похоже, пришла пора выбирать: Хендрик или Октльхейн, сладкие мечты или долг.

Первым делом Сольге отправилась к Вратам Альез.

Стражники, как ни в чём не бывало, бросали кости в караульном помещении Врат.

— Кто приказал открыть Врата?

Один, тот, что покрепче, невнятно дёрнул плечом. Второй, тот, что пониже, только покосился и даже на такое не расщедрился. Расслабились.

Сольге глубоко вдохнула, чтобы успокоиться — ярость накатила мгновенно и очень некстати: поговорить бы, прежде, чем рвать в клочья.

— Кто. Приказал. Открыть. Ворота?

Второй потряс кружку с костями. Первый лениво почесал свой не помещавшийся на стуле крепкий задок. В него-то и пришёлся первый удар Сольге. Стражник взвыл, отскочил в сторону, ошалело вращая глазами. Пока второй пытался понять, что произошло, Сольге вырвала кружку из его рук и со всего маху швырнула её об пол. Осколки, кости — всё разлетелось по комнате.

— Я задала вопрос!

— Архивариус Сольге, ох, госпожа Сольге... — забормотали несчастные. — А мы-то чего? Мы ничего. Это вон они всё...

Сольге повернулась туда, куда показывали стражники. Недалеко от Врат беспечно расхаживали трое южан. Как будто гуляли. Но если присмотреться, то можно было заметить, что эти трое ходили не просто так. Тут шуточку на своём языке отпустят, явно грубую, так что молоденькая служанка не по тени пойдёт через двор, а выберет самую короткую дорогу по жаре — лишь бы подальше от этих троих. Там загогочут так, что конюх шарахнетя почище пугливой лошади. Или начнут корчить страшные рожи — теперь и мальчишки дворовые не рискнут любопытничать.

— Вы зачем здесь поставлены? — зашипела Сольге на стражников. — В караулке отсиживаться? Быстро по местам!

Она уже почти ушла, как за спиной раздался робкий голос:

— Так это... Жарко же. И эти... А?

Сольге остановилась и медленно повернулась. Стражники уже стояли по обе стороны Врат, испуганно косясь на южан. Её они пока что боялись больше.

Отойдя подальше Сольге снова посмотрела на Врата. Нет, похоже, уже не её: одному из южан стоило сделать лишь пару шагов в сторону Врат, как оба стражника снова скрылись в караульном помещении. Да что же такое творится, а?

Прятаться от мира в постели с Хендриком Сольге больше не могла. Нужно было разобраться, что происходит.

— Ты что-нибудь знаешь об этом народе? — спросила она мага.

Шо-Рэй задумался:

— Только то, что они кочуют от Раймини до Гарсарота. Избегают моря, не любят леса и горы. Их земли — степи и пустыни. Пожалуй, что больше ничего.

Мало и ни о чём. Янкелю было велено спрятать загадочную страницу подальше и отправиться в архив — его талант ищейки был сейчас как нельзя кстати. Увы, но всё, что нашёл Янкель, вполне укладывалось в слова Шо-Рэя. Только в одном месте — в черновике письма некоего В. Баголе тому самому Бендо Дамуту — упоминался народ, именующий себя «пти-хаш». Этот странный народ жил в пустыне, носил белые одежды и поклонялся Зелёной искре. Вот, собственно, и всё. Были южане тем самым народом или нет, сказать было сложно. Да если и были, толку от этого знания было ни на грош. И уж точно оно не объясняло, что понадобилось чужакам в Октльхейне, и кто позволил их сюда пустить.

Байвин. Её имя первым приходило в голову. Но Сольге никак не могла понять, как сестра короля могла так быстро измениться. Прежняя Байвин, та, которая заставила отца выдать замуж и отослать подальше любимую наложницу после того, как та родила ребёнка, и взяла с него слово, что он никогда не признает незаконнорождённую дочь, потому что так не было принято ни в одном из королевских родов Октльхейна, та, что следила за соблюдением традиций даже в мелочах, которая велела сжечь всю выкрашенную в красный цвет шерсть, потому что ей показалось, что цвет отдаёт рыжиной и недостаточно глубокий, а там хватило бы на всех юнлейнов с запасом, так вот та Байвин не позволила бы ничего из того, что произошло в последнее время. Нет, что-то здесь было не так, и Сольге очень хотела в этом разобраться. А Сёстрами пусть пока занимается Янкель.

Альез и Викейру уже вовсе не собирались уходить. Хотя казалось, что ближе подойти уже некуда, они упрямо спускались ниже и ниже. Глаза Рийин теперь не то что отличить Дневной от Ночного — даже просто разглядеть было сложно. Свет всех оттенков фиолетового, сиреневого, пурпурного бил в глаза, проникал в каждую щёлочку, неся с собой обжигающий жар. Окна занавешивались всем, что попало под руку — только бы получить хотя бы маленький клочок тени, а ещё лучше темноты.

Впрочем, и к такому люди смогли приспособиться. Постепенно в замке установился похожий на привычный распорядок дня. Поднимались все примерно в одно и то же время, так же, почти одновременно, разбредались по своим комнатам, каморкам и кроватям. Даже чужаки, хоть и пытались сначала жить по-своему, приспособились и подстроились под местных. Так было проще и спокойнее.

По «утрам» Сольге, понежничав с Хендриком и получив от него хотя бы слабую улыбку, уходила в королевскую канцелярию. Делать там было нечего, но посмотреть, чтобы всё было в порядке — надо. Заглядывала к королю, проведать и переброситься парой слов с Ийрим. Потом шла куда-нибудь ещё, куда, как ей казалось, нужно было обязательно заглянуть именно сегодня. Одно только место упрямо обходила Сольге. Голубятню. Конечно же, там уже было убрано, но...

Да, вычистили всё на славу. Ни пёрышка, ни капли крови... Сольге разглядывала ещё недавно шумную и пыльную комнату и никак не могла понять, зачем она сюда пришла. Разве что проверить голубей Горто? За мешками с кормом послышался шорох. «Мыши, наверное», — подумала Сольге, но, на всякий случай, заглянула туда.

В самом углу, забившись в почти единственную тёмную щель во всей голубятне, сидели два изрядно измученных голубя: пушистый, словно в мехах, голубь из северных княжеств и какой-то маленький, серый, совершенно неказистый голубок, похожий на тех, что облюбовали крыши почти каждого города или деревни. Охнув, Сольге бросилась за водой — в зерне недостатка не было, а поилки давно были пусты.

Оба голубя были с вестями. Два крошечных письмеца. Одно было от Хаккива — секретаря посланника Севера. Он писал, что в княжествах беспокойно — готовится большой поход на юг, не сегодня — завтра князья выступят со всем своим войском. «Что за чушь? — подумала Сольге. — Какой поход? Или Альез лишила Север своего благословения? Ещё большая чушь». Имя второго отправителя она вспомнила не сразу. Амув, бродячий торговец всякой всячиной. Сольге когда-то давно купила у него безделушку, единственная за целый день торговли, а потом заставила стражу выпустить его из города без пошлины, потому что платить ему было нечем. Амув писал, что встретил по пути войско Светлейшего наместника Аглифанани, направляющееся на север, и он не уверен, но люди говорят, что в Раймини тоже трубил боевой рог. «Ничего не понимаю...»

Была весть и от посланника Горто. «Нашёл. Приеду, как смогу». И всё. Сольге подумала, что, наверное, их изыскания по поводу странностей Небесных Сестёр — самое неважное из того, что сейчас происходит. Но раз уж начали...

Поразмыслив, перед уходом она заперла двух новых голубей в тайной голубятне — мало ли что. Целее будут.

— Что это? — Шо-Рэй вертел письма Хаккива и Амува, словно хотел найти в них ещё что-нибудь помимо написанного.

— Я хотела спросить тебя. Что ты думаешь?

— Такого не может быть. Разве что... — маг посмурнел и внимательно посмотрел на Сольге. — Не кажется ли тебе, принцесса, что мир сошёл с ума? Не держись мы так крепко за Перемирие, я бы решил, что некоторые правители всё-таки собрали свои армии из непосвящённых. Правда, не ясно, почему они идут куда-то, а не захватывают, к примеру, земли соседей.

Сольге показалось, что в комнате наступила зима. Или это был её собственный страх?

— Нет. Это невозможно... Кто посмеет? Перемирие...

— Что Перемирие? — зло перебил её Шо-Рэй. — Пока посвящённые Альез играют в благородство, мы прячемся в Чьифе. Думаешь, это спасает? Я уже говорил тебе, архивариус Сольге: Викейру возвращает ровно столько, сколько забирает, а, к примеру, Щиты каждый раз становятся сильнее. Как ты думаешь, почему? В Чьифе нет крестьян с дубьём или горожан с факелами. Но отдают силу пятеро, а получают обратно — только трое. Ну? Скажи мне, почему? Не потому ли, что кто-то из тех, кто прячется вместе с тобой в цитадели, уже задумался над тем, как бы поделить твою силу? Так чем лучше те, кого благословила Красная Сестра? Твоя сестрица уже пошла против старых традиций. Что мешает сделать то же другим?

— Это невозможно... — прошептала Сольге и выбежала прочь. Она не видела, как Шо-Рэй, укутавшись в свой тёмно-синий, почти чёрный, плащ, бессильно опустился в кресло,

как поблелел зашедший на крики и поднявший разлетевшиеся листочки Янкель.

К Хендрику в таком настроении она не пошла. Как доложить о новостях королю, тоже не знала. Нужно было спрятаться, успокоиться и немного подумать. Найти бы тихое место...

Небольшой кусочек крыши с самого детства служил Сольге убежищем от проблем. Здесь она пряталась от нянек, от учителей, от сверстников, которые могли бы стать ей друзьями, если бы, по примеру своих родителей, не считали её чудовищем и недоразумением, стоящим не дружбы и внимания, а хорошеньких тумачков.

Скат крыши Детского крыла, стена и край крыши главной части замка надёжно скрывали от любопытных глаз из любых окон, давали тень и, если хорошенько поджать ноги, прятали от дождя.

Сольге опёрлась спиной на стену, обняла колени и закрыла глаза. Как жаль, что нельзя просто зажмуриться, чтобы проблемы пропали вместе со светом. Впрочем, сейчас свет Сестёр был так ярок, что даже опущенные веки от него не очень-то спасали.

От мага, похоже, тоже было не укрыться. Как он нашёл это место, Сольге не знала, да и не особенно хотела знать. Может и по следам — пыли в нехоженных коридорах накопилось столько, что, казалось, будто они припорошены серым снегом. А может... Нет, не интересно. Нашёл и нашёл.

— Я думала, ты уже совсем не можешь встать.

Она не смотрела, но почти слышала, или почувствовала, как Шо-Рэй ухмыльнулся:

— Не хочу — не значит не могу. Берегу силы.

— Думаешь, придётся спасаться бегством?

— Не исключено. В вашем милом королевстве, кажется, принято сжигать таких, как я? Вот только я — тёмный, не дело Тьме — светить и греть.

— Шутишь...

— Только отчасти, принцесса, только отчасти.

Молчание затянулось.

— Я не знаю, что мне сейчас делать, Шо-Рэй, — призналась, наконец, Сольге.

— Как ты поступала обычно?

— Шла к королю... Да, я понимаю, что сейчас его лучше не тревожить, но надо что-то делать...

Она вздрогнула, почувствовав руку мага на своём плече.

— Прости меня, Сольге, я уже расстроил тебя и сейчас расстрою опять. Мне кажется, наступило такое время, когда никто и ничего не может сделать. Нам остаётся только ждать, чем всё это закончится. И надеяться, что закончится побыстрее.

Но Сольге сидеть и ждать не хотела. Оставив Шо-Рэя на крыше, она отправилась к единственному человеку, который имел сейчас хоть какую-то власть. К Байвину.

Принцесса с прекрасным и благостным лицом расхаживала среди палаток южан. По правую руку от неё шёл Питс, мальчишка с конюшни, по левую — Мийви, внучка кухарки. Не сказать, что они оба были довольны происходящим — дети южан щедро, как идущие следом служанки хлеб и сладости, раздавали этим двоим щипки и пинки исподтишка. Но бежать было некуда — Байвин крепко держала обоих за руки. К тому же, за слишком громкий писк или чересчур кислую мину каждый удостоивался быстрого злого взгляда всеобщей благодетельницы.

Сольге собрала всё своё самообладание и окликнула Байвина. Та, если даже и слышала,

вида не подала. На второй оклик Бавин улыбнулась ещё шире подошедшей старухе с младенцем на руках и повернулась к Сольге спиной.

— Знай своё место, шавка. Не докучай госпоже, — прошипела ей на ухо долговязая девица из свиты принцессы и тут же состроила такую же как Байвин благостную мину — под ноги ей бросились дети, вырывая из рук блюдо с угощением, дёргая за рукава и подол платья. Благостность быстро слетела, сменившись оскалом, но девица старательно держала лицо — оскал достался Сольге:

— Убирайся! Ты здесь лишняя.

Можно, конечно, было попытаться снова. Добиться, чтобы Байвин выслушала. Хотя бы выслушала... Но для чего? И без того не особенно уверенная в правильности своего решения, Сольге осознала: принцессу ныне не интересовала ни судьба Октльхейна в целом, ни даже хотя бы замка со всеми его обитателями.

— Наш дом — ваш дом! — раздался на площади сладкий и приветливый голос Байвин. — Войдите же, украсьте от беспощадного света, разделите с нами кров!

«Что она такое несёт?» — подумала Сольге, замешкавшись на пороге детского крыла на долю секунды. Обернулась, охнула и едва успела захлопнуть двери перед рвущимися внутрь чужаками. Да что ж за напасть!

Не первой была эта напасть, но далеко не последней.

Впервые это случилось вскоре после Посвящения. Сольге разбудило истошное птичье пение. Неведомая пичуга голосила так, словно из неё по одному выдёргивали все перья. Откуда взялась эта шальная птица, если все другие, каких всегда и повсюду было великое множество, попропадали — то ли попрятались, то ли жару не пережили? И с чего бы ей так вопить в то время, которое измученные светом люди считали ночью?

Птица голосила недолго. И исчезла так же внезапно, как появилась. А то, что октльхейнцы проснулись не так чтоб отдохнувшими и в скверном настроении, так это никого не удивило и не насторожило — почти каждый день одно и то же. Про пичугу никто и не вспомнил.

А она появилась снова. Хендрик, а он в то время уже поселился в Детском крыле, даже не поморщился во сне, а Сольге от этих воплей пряталась под подушкой. Всё повторилось: птица вскоре исчезла, почти каждый проснулся утомлённым и злым. Почти. С Хендриком же было все иначе — бодрее, чем тем утром, он давно себя не чувствовал. Только какая-то смутная тревога мешала ему радоваться вернувшимся силам, все ему хотелось куда-то идти, только куда именно — неизвестно.

К исходу дня всё вернулось, как было. И опять о птице никто не вспоминал. Пока не открылись Врата Альез.

Небольшая зелёная птичка, поменьше дрозда, но покрупнее воробья, сидела на окне и пела. Это были не истошные вопли, а нежная трель, зовущая, щемящая. От звуков её пурпурный свет Сестёр словно распадался на отдельные лучи: алые — Альез — острыми стрелами пронзали клубящиеся ярко-синие — Викейру — не смешиваясь, а словно наоборот, отталкиваясь друг от друга. Не мирил их даже спокойный серебристый взгляд Ночного глаза Рийин, как будто сам радовался освобождению.

Вот только откуда свет? Сольге помнила, что наглухо занавешивала окно. Она швырнула в птицу подушкой — спугнула. Кое-как вернула завесу на место и попыталась уснуть.

Тщетно. Стоило раздаться трели, как свет опять хлынул в комнату. И как бы Сольге ни

старалась, избавиться от назойливой пичуги не выходило. Что ж, нельзя прогнать — можно попробовать поймать и, если не свернуть шею сразу, то посадить в клетку и спрятать подальше, в подвал, к примеру — пусть в темноте поголосит.

Сольге затаилась. Птица ждать себя не заставила. Стоило отойти от окна, как она уже прыгала по подоконнику. Красивая. Зелёные перья, яркие, как молодая трава в поле после дождя, а лапки и пёстрый узор на крыльях — голубые, как небо в самый ясный из осенних дней. И такой же, только тоньше и нежнее, узор на шейке, а клюв... Сольге опешила и выронила тряпку, которой собиралась ловить птицу. Клюва не было. На его месте было женское лицо, крохотное — разглядеть его было сложно, — но голова ночной певуньи точно была не совсем птичьей. В этом Сольге была готова поклясться.

Песня оборвалась, не начавшись: птица-нептица её заметила, злобно оскалилась и упорхнула. А Сольге без сил упала на кровать.

Проснулась она позже обычного. Хендрик сидел в изножье кровати и пытался одеться. Выходило у него плохо. Пальцы не слушались, упрямые шнурки не желали завязываться, ремень так и норовил выпасть из рук.

— Куда ты собрался?

— Мне надо идти, — на голос Сольге он даже не повернулся.

— Куда?

Хендрик нахмурился:

— Не знаю. Но надо идти... Ждут...

В этот миг силы его оставили.

Сольге никак не могла придумать, как отогнать птицу. Её не останавливали ни тяжёлые шторы, ни прибитый со всех сторон гобелен, ни придвинутый шкаф, ни даже попытка забить окно досками или заложить камнями. Стоило этой твари запеть, как все преграды между ней и комнатой исчезали. Сольге не высыпалась, ходила мрачная, с тенями под глазами. А птица не унималась. На все попытки отогнать — скалилась и пела громче и противнее. Иногда Сольге уставала бороться и просто разглядывала её, может быть, в поисках слабых мест, может быть, пыталась понять, кого ей напоминает это лицо. Разглядеть было почти невозможно, но Сольге готова была поклясться, что где-то её видела. Где?

Хендрик под эти ночные трели мирно спал. А утром все порывался куда-то идти.

— Меня ждёт моя Госпожа, — сказал он однажды.

— Разве не я твоя госпожа, Хендрик? Разве не я твой весенний цветок? — спросила Сольге.

Хендрик растерянно молчал. Потом просветлел лицом:

— Сольге! Мой весенний цветок! Конечно же! Это ты моя госпожа, куда же тогда я должен идти?

Он вернулся в постель, к ласкам и поцелуям Сольге, и до следующего утра не вспоминал ни о ком, кроме неё. К этому времени, если не считать утренних вспышек, силы совсем его оставили. Что же нужно было этой птице?

Оказалось, что Сольге не единственная, кто страдал по ночам. Человеколицая птица не посещала Янкеля, не пыталась пробить стену в комнате Шо-Рэя. Не обсуждали птиц на кухне, за исключением кур и уток, которых становилось всё меньше. Мирным сном спали конюхи и стражники, особенно последние. Сольге не знала, что думать: показаться ей не могло, но почему птицу слышала только она одна?

А потом пришла Улла. После изгнания Анисы отношения с матерью Хендрика у Сольге потеплели, но бесед они по-прежнему не вели. До сегодняшнего дня.

Улла вошла, прихрамывая, а на скуле у неё красовался огромный, налитый синяк.

— Уже которую ночь гоняю какую-то проклятую птицу. Ничего её не берёт, — то ли пожаловалась, то сообщила она. И замолчала, увидев, как изменилось лицо Сольге.

— Не смей говорить мне, архивариус Сольге, что эта тварь мешает спать моему сыну.

— Сыну — нет. Мне мешает.

В доме Уллы всё было так же: нежные трели, исчезающие преграды, злые вопли, когда она пыталась прогнать птицу. Вот только лицо Улла не разглядела — глаза уже не те. Но присмотреться пообещала.

Человеколицые птицы прилетали только в дома посвящённых. Улла поговорила с соседками, с подругами, со старшими невестками — все как одна жаловались на одно и то же. Даже в казармах юнлейнов, где пока разместили новопосвящённых воинов, у кого не было семей, под присмотр добрых девушек из замка и города, и там голосили всю ночь напролёт пернатые твари. И отчего-то совершенно не тревожили южан, захвативших свободные койки.

Затаив дыхание, Сольге остановилась у дверей королевских покоев. Главный из посвящённых Октльheyна, жрец Альез, неужели и его не миновала эта новая напасть? Она не успела даже постучать, дверь открылась, и из неё почти выпала Ийрим, бледная, с запавшими глазами.

— Я так устала, Сольге... Сёстры не уходят, Толфред не встаёт, ещё эта проклятая птица... Я больше не могу...

Впрочем, известие, что ночи беспокойные не только у неё, Ийрим немного взбодрило. Она даже позволила Сольге заглянуть к королю.

— Мой король, мой бедный брат, — прошептала Сольге, целуя руку Толфреда, — однажды Небесные Сёстры вернутся в свою обитель, и ты встанешь, сильнее и мудрее, чем прежде. Только, пожалуйста, не сдавайся.

И всё-таки, кто эта неведомая Госпожа, что пением своих отвратительных птиц поднимает из постели тех, у кого не хватает сил даже для того, чтобы открыть глаза? А о том, что каждый из посвящённых поутру рвётся к этой самой Госпоже, подтвердили все женщины, оберегающие их. И интересно, как обстоят дела у посвящённых других государств? Что же такое вообще происходит?

Тайная голубятня встретила Сольге тишиной. Голуби-драконы Горто вообще были молчаливыми, а северный и голубь торговца совсем разомлели от жары.

Изначально Сольге собиралась написать посланнику Горто, в том числе и про птиц. Но новостей было много, мыслей — ещё больше, и она решила сперва отправить голубя в Северные княжества: не ошибся ли посланник Хаккив насчёт похода их армии. Да и про птиц тоже спросить не помешало бы.

Мохнатый голубь лениво поднялся в небо, покружил над голубятней и полетел к лесу. Сольге наблюдала за ним и обдумывала письмо к торговцу Амуву, как вдруг голубь исчез. На какое-то мгновение Сольге показалось, что лес протянул к нему свою ветвь и прихлопнул несчастную птицу. Не везло в последнее время северным голубям в Октльheyне. И это только добавляло тревоги.

А ещё, пожалуй, придётся обойтись без писем. Разве что будет что-то очень срочное.

Сольге, злая и взъерошенная, захлопнула дверь, повернула ключ и с грохотом задвинула засов. Пронеслась по коридору, почти взлетела по лестнице, пнула баррикаду из мебели возле двери, что вела в центральную часть замка: теперь, когда замок был полон чужаков, Детское крыло перешло на осадное положение — все двери, кроме входной и той, что вела на крышу, были не просто заперты на ключ и засов, а ещё подпирались ненужной мебелью. Уж больно настырны были чужаки в своём стремлении разделить кров с хозяевами замка.

— Пусти странника в свой дом, и будет тебе мир и спасение! — пробормотала она, выходя на крышу. Так сильно было раздражение Сольге, что сидеть в четырёх стенах она не могла совершенно. — Чтоб вы все провалились разом! Откуда только взялись, странники?

Она не удержалась и плюнула вниз, туда, где были сложены пожитки чужаков. Глупо, но стало немного легче.

— Всё так ужасно?

Сольге была настолько рассержена, что не заметила прислонившегося к стене Шо-Рэя. В пурпурном свете его тёмно-синий плащ казался чёрным, под глазами залегли тени. Здесь, на крыше, в присутствии Сестёр, стало куда заметнее, насколько жадна Викейру — ей было мало магии, она брала куда больше.

— Свалиться не боишься? Или что тебя заметят? — буркнула Сольге.

— Не боюсь. Я же не хожу по краю и не плюю вниз, — маг улыбнулся как-то по-человечески просто, без ухмылок, без намёков.

— Я бы кинула туда чем-нибудь тяжёлым, если бы это чем-то помогло. Но увы, — Сольге улыбнулась в ответ, но совсем невесело. — Что ты тут делаешь?

— Смотрю. Мне надоело прятаться — скучно. А тебе, я думаю, не мешает ещё одна пара глаз.

— Так...

С одной стороны, Сольге, конечно же, была признательна магу за помощь, с другой... Шо-Рэя могли заметить, он мог обессилеть и свалиться вниз, да мало ли, что ещё могло случиться сейчас, когда понятный и привычный порядок вещей рушился на глазах. Но, опять же, много ли было людей вокруг Сольге, кто мог и хотел бы ей помочь, неважно, в чём именно?

— И что увидела твоя пара глаз?

— Ну, например, что вон те ворота, что со знаком Альез, неплотно закрыты, и туда-сюда ходят южане.

— Невозможно! Я сама их каждый день проверяю — они заперты, там стража...

— Значит, их кто-то закрывает, а потом снова открывает. Пойдём, покажу.

Шо-Рэй повёл её по скату крыши туда, откуда были видны Врата Альез. Шёл он мягко, почти бесшумно, но Сольге видела, что каждый шаг даётся ему непросто. Что там! Она сама с трудом удерживалась на горячей крыше, а ведь Сестры на неё даже не смотрели.

— Вот, смотри, — сказал маг и показал в сторону Врат, — видишь вон того толстяка? Если он ходит возле ворот, значит, они открыты.

— А стража где?

Со стражей было всё ясно — если приглядеться, можно было увидеть, что дверь караульного помещения подпирало небольшое такое брёвнышко, как раз по силам тому самому толстяку.

Раскалённая крыша даже через платье обжигала живот, ноги, локти, но ещё сильнее

жгло осознание собственного бессилия — никакого влияния Сольге, никаких её сил не хватило бы, чтобы остановить все те немислимые безобразия, что творились сейчас в Октльхейне. Что сделают полсотни стражников против такого количества чужаков, а их, как казалось Сольге, было не меньше двух сотен? И будет ли что-нибудь значить слово самой Сольге против слова благодетельницы Байвин?

Сольге попыталась встать и зашипела от боли — обожглась.

— Идём отсюда, пока не запеклись.

— Постой, — маг внимательно разглядывал флагшток с бессильно обвисшим замковым флагом. — Я хочу тебе показать ещё кое-что. И это важнее открытых ворот.

Они снова пошли по крыше. Нет, скорее, покрались. Шо-Рэй скинул плащ, чтобы тот не мешал ему и почти пополз в сторону... крыла Байвин? Маг сошел с ума? Путаясь в юбках, грохоча, как ей казалось, на весь Октльхейн, Сольге ползла следом, проклиная Шо-Рэя, жару, все крыши разом и саму себя за то, что послушала мага. А тот, будто ему и этого безумия мало, направлялся к самому краю. Остановился, махнул Сольге — мол, давай ближе, но тихо — и показал вниз.

Это был маленький внутренний дворик. Когда-то королева, мать Толфреда и Байвин, развела в нём сад. Её дочь цветы и деревья не очень интересовали, но и Байвин когда-то заботилась об этом месте, хотя бы в память о матери. Ещё девочкой Сольге не раз пыталась сюда забраться, потому что таких причудливых цветов, таких ярких птиц, таких огромных бабочек не было больше нигде. За что и была бита то самой принцессой, то старой её нянькой, то девицами из свиты. Сейчас же от былой пышности и яркости не осталось и следа. Мёртвые деревья, похожие на руки, взывающие к небу, заросшие одичавшие клумбы, пересохший пруд. И, похоже, запустение пришло в это место задолго до прихода Сестёр.

Дно пересохшего пруда было расчерчено странными знаками, а в его середине сложен костёр. На берегу — кругом — стояли женщины в одеждах южан, только юбки их были расписаны узорами — зелёными и голубыми, как у тех женщин, что Сольге видела на площади, у лавки травника. Женщины затянули заунывную песню, тоскливую, словно зовущую. То, что среди них была и Байвин, Сольге поняла не сразу. Принцесса сняла красное королевское платье, распустила волосы — если сейчас она чем и отличалась от своих спутниц, то только цветом волос и статью. А песня тянулась, тянулась, тянулась... от неё хотелось бежать и прятаться, чтобы больше не слышать. Сольге прислушалась: некоторые слова показались ей знакомыми. Это были, кажется... Имена? Имена! Это были имена! В тоскливых завываниях она разобрала имя Ангыра, Хендрика, ещё нескольких знакомых юнлейнов, потом пошли имена старших воинов, военачальников и... Короля. Имя Толфреда прозвучало последним.

Чем дальше пели женщины, тем ярче разгорался костёр. Пламя росло, крепло, меняло цвет. Оранжевый цвет светлел, бледнел, переходил в жёлтый, а потом стал зелёным с голубыми всполохами, как те ночные птицы. Имена закончились, а песня ещё нет. Но дальше слов было уже не разобрать: то ли это щебет был, то ли вой. А пламя все росло, пухло, пока не взорвалось неисчислимой стаей тех самых человеколицых птиц. Они взмыли в небо и закружились над двором. Сольге и Шо-Рэй вжались в крышу, но стая их не заметила — рассыпалась, расселась на деревьях и кустах. Сад на короткое время словно ожил. На короткое. Стихла песня, и вся стая в то же мгновение снялась и исчезла в вышине. Двор опустел.

Возвращались так же тихо и осторожно. Шо-Рэй подобрал оставленный плащ, закутался

в него снова. На Сольге он не смотрел.

Первыми словами они обменялись уже в комнате мага.

— Давно ты знаешь?

— Несколько дней. Пока разглядывал этих... Пти-хаш, кажется, называл их Янкель.

— А как ты узнал, когда они собираются? — не то, чтоб Сольге в чём-то подозревала Шо-Рэя, но привести её на место так вовремя...

Маг устало вздохнул:

— По тени. За светом Сестёр почти не видно, но Глаза Рийин ещё пробиваются. Тень едва заметна, но если приглядеться — можно увидеть. Я увидел и запомнил, где она была. Ритуал каждый день начинался в это самое время. Или ты думаешь?..

— Не думаю. Просто... Ты расслышал, что именно пели эти женщины? И Байвин с ними?

— Не сразу. Но имена твоих брата и возлюбленного расслышал.

Птица явилась как обычно и снова вдребезги разбила ночной покой. Не сказать, что Сольге смирилась, скорее, привыкла. Проснувшись, Хендрик снова рвался к какой-то Госпоже, и Сольге задумалась: а не отпустить ли его? И даже почти открыла дверь, но восторженный вопль Доопти привёл её в чувство. Сольге вздрогнула, захлопнула дверь обратно, и в тот же миг Хендрик снова лишился сил.

Посланник Горто пропал. Со времени последнего письма прошло довольно много времени. Было оно, кажется, ещё в конце лета, а сейчас должна была бы начинаться зима.

Время тянулось медленно-медленно. Глаза Рийин окончательно скрылись в безжалостном свете её Сестёр. Октльхейн: улицы, дороги, двор и стены замка — опустел, даже южане закутались с головой в свои белые накидки, забились в щели поглубже, только бы найти хоть немного тени, дать отдохнуть глазам, укрыться от жары, что уж говорить о коренных октльхейнцах. Огороды и сады, не так давно щедрые и плодоносные, дававшие надежду на второй урожай, увяли, погорели. Поговаривали, что молоко у коз и коров скисало, ещё не покинув вымени. Пока ещё держались колодцы, но река, питающая город, заметно обмелела. Впереди ждали голод и жажда. Конечно, сейчас мало кто об этом думал, разве что такие рачительные хозяйки, как Улла — она да ещё несколько женщин первые стали запасать всё, что могло храниться долго, нещадно гоняли слуг, заставляя копать новые погреба и колодцы. Со стороны могло показаться, что дома готовятся к осаде, но кто знает, может так оно и было.

Всеми хозяйственными делами замка отныне ведала кухарка, и надо сказать, получалось у неё неплохо. Она быстро сообразила, начала запасать провизию и вела строгий учёт. Где крепким словом, где скалкой и пинками, где угрозами пожаловаться королю, но заставила обитателей замка шевелиться.

А вот Байвин... Никто не знал, чем занимается принцесса за закрытыми дверями своего крыла — кроме как во внутренний двор, о чём знали только Сольге и Шо-Рэй, она больше никуда не выходила.

Не выдержав напора Сестёр, жары и постоянного света, слёг мастер Сатрен. А старая нянька Греда и вовсе не пережила осени — старикам и малым детям приходилось особенно тяжело. Их, даже стариков и детей южан, прятали в подвалах — там, хоть и в темноте, духоте, но было прохладнее. Помощники мастера, те самые, что проходили отбор вместе с Янкелем, совершенно растерялись и забросили дела архива и вообще болтались неизвестно где. В их отсутствие Сольге и Янкель перетасили в Детское крыло все архивные журналы и документы, не получившие внимания и учёта, и работали теперь у себя, навещаясь в архив только изредка и по самым важным надобностям.

Всё больше времени проводила Сольге с помощником и магом и всё меньше с Хендриком. Кроме как удержать от утреннего побега к Госпоже, она больше ничем не могла ему помочь. Понимали это и остальные женщины. Поэтому Улла не удивлялась, застав Сольге не рядом с сыном, а Сольге не задавала вопросов, столкнувшись с Уллой где-нибудь на улице. Октльхейн продолжал жить, хоть и не привычной для себя жизнью.

— Так я не понял, получается, что вы в Чьифе с помощью заклинания создаёте подобие Вিকেйру только для того, чтобы провести Посвящение? — пытал Янкель Шо-Рэя, пока Сольге тщетно пыталась разобрать почерк третьей жены владыки Савви-Хайзи, которая взяла на себя обязанности секретаря: в Савви-Хайзи все люди владыки, кроме жён и прислуги, — посвящённые Альез. Сёстры Сёстрами, а повседневные дела остаются множатся и копятся. Это было, судя по дате, самое последнее пришедшее в Октльхейн письмо — то ли до, то ли во время Посвящения.

— Да, — ответил маг, — и создают его те, кого посвящают. Заклинание сложное,

требует всех сил без остатка. Это такое подношение Синей звезде, жертва. Потом новопосвящённые ещё несколько дней не в состоянии сотворить даже простенького заклятья.

— Так, а в чем смысл?

— А смысл, мой юный друг, в том, что маленькая Викейру висит над залом около недели, вбирая остатки магии от заклинаний, что творят в эти дни в Чьифе, а потом взрывается, и вся отданная и накопленная магия возвращается новопосвящённым приумноженной. Чем больше отдано, тем сильнее подобие Викейру, тем больше оно накапливает и, как следствие, больше отдаёт обратно. И это единственное время, когда Синяя звезда отдаёт больше, чем берёт. Как видишь, всё просто.

Янкель делал пометки, что-то записывал — похоже, собственного чутья ему было мало, требовались знания. Сольге же, отложив письмо, задумалась: возможно ли, что праздничный турнир с его сражениями на мечах, кулачными боями и соревнованиями в стрельбе из лука — это такое же подношение Альез. Не зря же после Посвящения замок словно вымирает, хотя, конечно, виной тому могут быть и сами гуляния. И всё же...

Восточное витиеватое приветствие в письме с перечислением всех титулов жены правителя, всех добрых и щедрых пожеланий Сольге и королю, наконец, закончилось. Можно было перейти к сути.

Бах! Стул грохнулся на пол, разлетелись бумаги, Шо-Рэй едва успел поймать чернильницу. Сольге держала в руках письмо, снова и снова перечитывая строчки, и её трясло.

Маг осторожно обнял её за плечи, а Янкель вынул из рук письмо и погрузился в него сам. Вскоре заколотило и его.

В письме сообщалось, что владыка Савви-Хайзи наточил свой меч, расправил знамёна и приказал трубить сбор. Войска отправлялись в поход на запад. Его жена считала, что владыка заколдован, что рассудок его помутился, и виноваты в том некие демоны сна и некая Пери — сквозь словесные изыски сложно было пробиться.

— Вы понимаете?! Эти идиоты письмо даже не открыли! Прошло столько времени, что вся армия Савви-Хайзи должна уже стоять под нашими стенами! А скоро придут северяне и войско Раймини. Мы тогда ещё могли подготовиться! — Сольге не знала, рыдать ей, кричать или сломать что-нибудь.

— Или не могли, — Шо-Рэй оставался единственным, кто ещё сохранил хладнокровие. — С чего ты взяла, принцесса, что у них у всех одна цель — Октльхейн? Не исключено, что они пройдут мимо, раз до сих пор никаких армий под стенами не наблюдается — мы только вчера с тобой были на крыше и никого не видели.

— Не пройдут. Все основные дороги через Октльхейн и Тарандол, — голос Янкеля был такой тихий, что его можно было бы назвать бледным, если бы у голоса был цвет.

— Тогда почему сюда, а не в Тарандол должны идти все эти армии?

Возразить было нечему. Действительно, почему не Тарандол? Сольге подумала, что польза от того, что она нарушила закон и привела мага в Октльхейн, несомненно, есть — он, во всяком случае, мог её успокоить.

Не в этот раз.

— На твоём месте, принцесса Сольге, я бы лучше задумался, чего ради твоя дражайшая сестрица, ярая поборница традиций, презрела Перемирие и законы вашего королевства. Кто эта Госпожа, к кому зовут посланные ей птицы? Уж не она ли сама?

Нет, надо было бросить его там, в лесу, возле пещеры. У Сольге не осталось сил даже злиться. Ещё две новые тревоги в и без того полную копилку тревог.

Ноги сами понесли Сольге в голубятню. Если это не тот самый случай, на который стоило приберечь птиц, то какой? Ей уже было совсем не интересно, что нашёл посланник Горто о Сёстрах и новом культе, просто Сольге необходимо было знать, что с ним было всё хорошо. Писать ли Амуву, она ещё не решила. Надо бы, конечно, но участь северного голубя заставляла быть осмотрительнее.

Сначала Сольге решила, что Доопти добралась и сюда. Пухом и перьями был усыпан весь пол и подоконник. В клетке бился голубь-дракон, оставленный Сольге для срочных новостей, а другой, весь истерзанный, наполовину ощипанный, лежал у поилки. Птицы торговца нигде не было.

Сольге взяла несчастного голубя в руки:

— Кто же с тобой так жестоко?

Под крылом она нащупала письмо. Оно было заляпано кровью, словно тот, кто напал на птицу, сделал это снизу, из-под крыльев.

Письмо было коротким. «Никому не верьте. Еду.» — писал посланник.

Голубь-дракон был уже мёртв, уж слишком серьёзны были раны. Его брат все так же бился в клетке, почти рыча, если такое вообще можно сказать про птицу. Два прута уже почти поддались — ещё немного и голубь оказался бы на свободе. Сольге и рада была бы его выпустить или отправить к хозяину, но то, что убило уже вторую птицу было где-то рядом, поэтому она просто развернула клетку слабым местом к стене — совсем немного, но надёжнее.

Маленький голубь Амува нашёлся за голубятней, рядом с ямой, в которую Сольге собиралась закопать останки голубя-дракона. От него мало что осталось: клюв разбит, переломаны крылья, пробита голова. Похоже, что отважная птичка дорого отдала свою жизнь. Только кому? Голубю-дракону или...

Что-то яркое заметила Сольге в остатках клюва — крошечное зелёное перо, цвета молодой травы после весеннего дождя. Дрожащими руками она бросилась перебирать перья, собранные в голубятне. Есть! Ещё несколько пёрышек, одно голубое. И ещё два она нашла под истерзанным крылом голубя Горто, там, где крепилось письмо.

Сольге вернулась в голубятню, завернула единственного оставшегося голубя в первую попавшуюся тряпку, кажется, мешок из-под корма, и бегом вернулась к себе.

Похоже, что новостей извне в Октльхейне в ближайшее время больше не будет. Оставалось разобраться с тем, что происходит в нём самом.

Поделиться опасениями было не с кем. Не идти же к Ийрим или к кухарке, например. Хотя к Ийрим лучше бы зайти. Она сейчас ближе всех к королю. Просто пусть будет внимательнее.

Размышления Сольге прервала Улла. Дюжие слуги снова заносили корзины с припасами. Мать щедро делилась с сыном, хотя Хендрик уже почти ничего не ел.

— Сама тоже ешь, — строго сказала Улла уже на пороге. — И мальчишку своего покорми, совсем бледный. И кто у тебя ещё там...

— Никого, — поспешно ответила Сольге.

— Никого так никого. Никого тоже корми. Времена тяжёлые наступают. О тебе

позаботиться некому. Так что бери.

Сольге словно увидела Уллу впервые. И не такая уж она и старая. Всего на несколько лет старше Байвин и уж точно намного добрее. И она решилась. Лучше уж предупредить и ошибиться, чем промолчать и оказаться неблагодарной.

— Скажи, Улла, тебе не кажется, что Байвин ведёт себя странно?

— Раньше, архивариус Сольге, я бы заставила тебя проглотить свои слова. Но и в этот раз я с тобой не соглашусь. Это называется не странно, это называется безответственно. Запереться от всех сейчас! Я ходила к ней, Сольге. Да, ходила. Но меня не пустили даже на порог. О чём она думает, наша Байвин? Променять свой народ на вот это, — она брезгливо махнула рукой в сторону улицы. — Наши дома пока ещё есть кому защитить от этого сброда. Но то, что она отдала под ночлежку королевский замок, понять невозможно. Что бы сказала её мать?

Сольге, аккуратно выбирая слова и умалчивая об участии Шо-Рэя, рассказала об увиденном ей ритуале, в котором участвовала принцесса.

— Я не знаю, что думать, Улла, я не понимаю...

— Нечего тут думать, — разом помрачневшая мать Хендрика оборвала её на полуслове. — Оставлю-ка я возле сына двоих парней покрепче. Ты сделала, что было возможно, как любая из нас. Оставь его Альез. А эти двое покарауют. И поставь у покоев короля людей понадёжнее и девчонке этой, Ийрим, скажи: пусть повнимательнее будет. А я с невестками и с соседями поговорю...

— Улла! Ты, что, думаешь?..

— Думаю, архивариус Сольге, думаю. Не одна ты книги читаешь. Не хочу я верить, что Байвин на такое способна, но лучше уж так, чем потом мужа и сыновей оплакивать да по королю траур справлять. Гляди в оба, Сольге, и сына моего береги.

— Пожалуй, что мать твоего возлюбленного права, — задумчиво сказал Шо-Рэй, когда Сольге вернулась из королевских покоев. — Когда садиться на трон, как не сейчас?

— Но Сёстры однажды уйдут! Толфред встанет, и остальные тоже!

— Они и сейчас каждое утро встают и, как ты помнишь, рвутся к какой-то Госпоже. Может это, всё-таки, твоя сестрица? К тому же может быть гораздо проще: воин без сил сопротивляться не сможет. И Улла это поняла раньше тебя, принцесса.

С этого дня в детском крыле даже дверь на крышу закрывалась на засов и подпиралась чем-нибудь тяжёлым. Так надёжнее.

Дверь сотрясалась от крепких ударов.

— Архивариус Сольге! Архивариус Сольге! Вас срочно требуют в тронный зал!

"Что там могло случиться? — размышляла Сольге, собираясь. — Неужели Толфред..."

Она посмотрела на Хендрика — что бы ни говорила Улла, но на ночь Сольге возвращалась к нему. Нет, всё такой же утомлённый и измученный, даже сон не давал ему отдыха. Вряд ли и для короля что-то изменилось.

Сольге подождала, пока повернётся ключ в замке и стукнет засов. Южане, расположившиеся рядом с Детским крылом, проводили её злыми взглядами. Эта свора с молчаливого согласия Байвин заняла все свободные комнаты, за исключением тех, ключи от которых хранились у Сольге или Ийрим. Если в королевские покои чужаки лезть ещё побаивались, то вокруг Детского крыла уже ходили и облизывались.

Тронный зал был полон народа. Сольге, хмурясь, пробилась ближе к своему обычному

месту и замерла. Её стол убрали, оставили только кресло, но оно оказалось занятым: в нём, ухмыляясь, развалилась южанка, та, что встретила Сольге у лавки травника.

А на троне... увы, Шо-Рэй и Улла не ошиблись. Байвин ещё не осмелилась надеть корону, но на троне чувствовала себя вполне вольготно. Советники короля, такие же недоумевающие, как и Сольге, кучкой сгрудились у стены. С обеих сторон их теснили "люди Байвин", как велено было их теперь называть. Кем? А ими самими и велено. Так-то. Были здесь и привычные обитатели замка. Складывалось ощущение, будто всех их сюда загнали насильно. Что-то будет. Ох, скверно, ох, как скверно!

Сольге попыталась укрыться за спинами, но, похоже, ждали только её.

— Подойди ближе, архивариус Сольге, — медовым голосом позвала Байвин.

Как так получилось, что она оказалась одна перед всеми этими людьми? Сольге глянула по сторонам — ни одного знакомого лица, всех оттёрли "люди Байвин". Из-за плеча низкорослого южанина она поймала сочувствующий взгляд одного из советников, это немного подбодрило, но мало утешило. Сладость в голосе Байвин не могла обмануть. Уж больно злыми были её глаза, уж слишком откровенно ухмылялась окружающая её свора. Только бы не заметили, как дрожат колени Сольге. И руки. И надо молчать, потому что голос тоже дрогнет. Как же ей хотелось исчезнуть!

— Давай, расскажи нам, чем ты занималась в последнее время. Где была, что прячешь в своих покоях ("Ох, Шо-Рэй, неужели заметили?")?

Сольге молчала, глядя на туфли Байвин.

— Ну же, смелее!

По толпе прокатились глумливые смешки.

— Молчишь? Я задала тебе вопрос. Отвечай! — Байвин старалась держаться величественно и спокойно, но медовость покидала голос, и левый каблук, нет-нет, а нервно выстукивал по доскам пола. Тук-тук-тук... Вместо слов Байвин, вместо перешёптываний по сторонам Сольге слушала этот стук и... успокаивалась.

— Отвечай!

— Я служу королю Толфреда, Байвин. И отчитываюсь только перед ним.

Тук-тук-тук. Бах! Каблук едва не сломался.

— Отвечай! Я приказываю!

— Приказывать мне может только король.

У южанки оказался резкий, гортанный голос:

— Как смеешь ты так говорить со своей королевой! Встань на колени и отвечай!

Сольге не удостоила её даже взглядом.

— Ты не королева, Байвин. Уйди с трона, король Толфред будет недоволен.

— Короля нет! Здесь только я!

А вот это зря. По залу прошёл глухой ропот. Она дала маху. Байвин. И сама это поняла. Но разве можно было сдержаться, когда эта... О, как же она ненавидела эту девчонку! За всё сразу, но особенно — за глаза. Такие же, как у самой Байвин, как у Толфреда. Как у отца. Он мог сколько угодно повторять, что никогда не признает Сольге дочерью, это было неважно. Всякий, кто взглянет на неё, сразу поймёт, чья она: от её проклятой мамы только фигура и рост, остальное — их порода.

— Король есть всегда, — тихо сказала Сольге. — И он обо всём узнает, поверь мне.

На секунду Байвин ослепла от ярости.

— Выпороть! Десять, нет, двадцать ударов кнутом! Увести!

Она проиграла сегодня. Да. Но эта дрянь сама подставилась под удар. Спустить такое? Нет, сегодня Байвин отыграется за всё.

Из тронного зала всех выгнали на площадь. Дрожащими руками конюх Мавель привязал Сольге к столбу ("Интересно, когда его успели тут поставить?"). Лучше него никто с кнутом не управлялся.

— Простите меня, архивариус Сольге, — бормотал он, — простите. Госпожа Байвин заставила меня. Я постараюсь бить послабже.

— Не надо, Мавель, иначе тебя самого накажут.

Похоже, что на площадь согнали почти всех. Прислуга, мастеровые, королевские советники, их секретари и писари, ученики и дворовые дети. Так много знакомых лиц, только дружеских нет. И всё же ни одной злорадной ухмылки, нет радостных перешёптываний. Тишина. Такая плотная и тяжёлая.

Свист кнута. Удар. Спину обожгло болью. Сольге вскрикнула. Кто-то в задних рядах было засмеялся, но быстро утих.

— Сильнее! Не надо её жалеть, иначе будешь жалеть себя, — голос Байвин был спокоен и холоден, вспышка ярости прошла так же внезапно, как и началась.

Мавель закусил губу и снова занёс кнут. Свист. Удар. Вскрик. С каждым ударом тишина на площади становилась всё тяжелее и гуще. Сольге не любили, это правда. Держалась всегда особняком, огрызалась, насмешничала. То ли дело госпожа Байвин: всегда выслушает, поможет, если надо, настоящая хозяйка. Но сейчас что-то изменилось. Сольге жалели, а Байвин стали бояться.

— Да кто так бьёт! Эй! — грубый насмешливый голос прервал экзекуцию. Снова знакомый южанин — тот, с площади.

Конюх с облегчением выпустил кнут из рук и хотел уже уйти.

— Э, нет, паренёк, стой и учись. Пригодится, — южанин загоготал. — Только подправим сейчас немного.

Он ухватил Сольге за волосы и стал кромсать их ножом, что-то довольно приговаривая на своём языке. Было больно, очень больно. Потом снова взвизгнул кнут. Сил на крик у Сольге уже не осталось.

На каком ударе она лишилась чувств, Сольге не знала. Не видела, как южанин опустил кнут, не слышала приказа Байвин продолжать, во что бы то ни стало, не знала, кто осторожно отвязал её от столба и перенёс в Детское крыло.

Иногда темнота отступала, и она слышала голоса.

— Сольге! — звал дрожащий шёпот Янкеля.

— Согге не-е-е-ет! — довольно хихикала Доопти.

Их сменяли причитания Уллы:

— Как же так, девочка? Очнись, открой глаза, милая!

А потом приходила боль. Она разрывала, выворачивала спину, дёргала за волосы, кромсала тупым, ржавым ножом и смеялась, смеялась, смеялась злым гортанным смехом. «Эй! — хохотала боль — Эй!» И Сольге звала спасительную темноту.

— Сделай что-нибудь!

— Сделай!

Голоса звенели тревогой и мольбой.

— Сделай! Сделай! Сделай!

— Я не целитель, — голос, который им отвечал, был полон вины и боли, другой боли, своей собственной.

Остальные голоса стихали, терялись в темноте, а этот, Сольге это чувствовала, всегда был рядом, даже когда молчал. С ним приходило тепло. Оно убаюкивало боль, отбирало ржавый нож и потихоньку, почти незаметно, вытесняло её прочь.

— Возвращайся, Сольге, — звал голос, приносящий тепло. — Возвращайся, ты нужна здесь.

Сольге хваталась за него, как за спасительную руку, и постепенно выбиралась из темноты. Боль ещё скалилась, ещё пыталась ухватить, но зубы её стёрлись, а когти затупились. Да и сама она расквасилась, ослабела и больше никого не пугала.

Сначала она решила — ослепла: темнота вокруг так и не рассеялась. И только потом скорее почувствовала, чем увидела, маленький огонёк.

Комната мага. Наверное. Лежать было неудобно, всё тело затекло. Сольге было хотела поменять положение, но стоило ей только шевельнуться, как боль радостно оживилась и вцепилась ей в спину. Сольге тихонько застонала.

Шорох, тихие шаги.

— Не двигайся. Кожица на ранах ещё слишком тонкая, не нужно её тревожить. Потерпи.

— Шо-Рэй...

— Вот ты и вернулась, принцесса, — маг улыбался в темноте, она это слышала.

— Я не...

— Да, ты не она. Ты гораздо больше, во всяком случае, если мы говорим о принцессах Октльхейна, — в голосе мага громыхнул металл, замороженный ветрами Дальнего Севера.

— Долго я так лежу?

— Кто считал эти дни, Сольге? Долго. Гораздо дольше, чем хотелось бы.

Его прервали. Дверь распахнулась и в глаза ударил яркий свет. Сольге зажмурилась, но успела увидеть как скривился Шо-Рэй. Нет, конечно, на самом деле фонарь еле светил, но после крошечного огонька свечи он бил по глазам, как все три Сестры разом.

— Сольге вернулась, госпожа, — сказал маг. Улла — а это была она — охнула и прикрутила свет в фонаре. Глазам стало легче.

Лёгкий шорох. Это Шо-Рэй вышел, оставив их обеих наедине.

Спине Сольге стало прохладнее — это Улла сняла с неё лёгкую накидку. Осмотрела раны.

— Вот и хорошо, милая, вот и славно. Ты вернулась, а мы так за тебя испугались.

— Улла, Шо-Рэй...

В нос Сольге ударил резкий запах — мать Хендрика умела готовить лечебные мази не хуже любого травника.

— Какой ещё Шо-Рэй? Нет здесь никакого Шо-Рэя. Мы с твоим архивным мальчишкой тебя тут уже который день выхаживаем. Девчонка тут ещё эта, головой скорбная, мешается. А больше никого, — Улла, едва касаясь кожи, втирала снадобье в раны Сольге.

— Спасибо, я... А как же твой муж, а Хендрик?

— Да что с ними сделается? Лежат. Им сейчас хорошая охрана у дверей нужна куда больше, чем женское тело.

— А Байвин?

Улла скрипнула зубами, Сольге ойкнула — дрогнула рука, втирающая мазь.

— Кто её знает? Заперлась с этой своей сворой и не показывается. Её мать второй раз умерла бы, глядя на неё, в этот раз от позора. А отец самолично сжёт бы на площади. Принцесса-благодетельница... — сказала, как плюнула.

Лёгкое движение воздуха — это Улла снова укрыла Сольге.

— Вот так. Лежи девочка. Потерпи, раны заживают быстро. Не иначе тот, кого здесь нет, колдует потихоньку, хоть и клянётся, что не целитель. И не переживай: теперь к твоей двери никакой чужак даже на сто шагов не подойдёт. Люди всё видели. Всё запомнили.

Снова опустилась тьма. Это Улла ушла и унесла фонарь.

Потом приходил Янкель.

Сольге безжизненно обмякла у столба, и её палач заскучал. Если жертва ничего не чувствует, то какой толк в силе удара? По знаку южанина из толпы выбежали две женщины. Они тормозили Сольге, хлопали её по щекам, поливали водой — лишь бы только она пришла в себя. Тщетно.

Южанин грубо выругался — приказа прекратить порку от Байвин не поступало. Просто бить — не интересно. И тогда он решил показать другое своё мастерство: кнут извивался, плясал, то щёлкал, то пел. У него была своя собственная мелодия, свой собственный танец с человеком. В иные мгновения казалось, что это не человек играет кнутом, а кнут ведёт за собой человека. И каждое па этого страшного танца заканчивалось одинаково — на спине Сольге.

Сначала его поддерживали. То и дело из толпы раздавались восторженные крики и улюлюкание — это южане выражали своё восхищение мастерством палача. А тот уже будто и забыл, что окружён толпой, но на каждый новый выкрик выдавал новое коленце, новую ноту, новый удар. Южанин не сразу заметил, что восторгов становится всё меньше и меньше, пока они не стихли совсем. Кнут ещё пел и плясал по камням площади, но эта его песня звучала теперь в полной тишине.

Байвин чувствовала себя... неудобно. Она всё просчитала, обо всем подумала. Нет, конечно, то, что недовольные будут, принцесса ожидала — Октльхейн никогда не любил перемены, даже если они во благо...

Проклятая Сольге! Эта дрянь была рождена, чтобы портить всё, к чему прикасается. Отец, Толфред... Главное, Толфред. Байвин оглянуться не успела, как мнение этой пигалицы стало для брата важнее, чем её, Байвин, мнение. Всё! Всё через неё: приказы, письма, даже самые мелкие бумажки из канцелярии или архива. Посланники, сначала везущие самые ценные дары старшей сестре короля, дабы завоевать её расположение, вскоре лишь почтительно раскланивались, вели вежливые и милые беседы, делились дурацкими секретами и подробностями из жизни своих правителей и тут же переводили тему, если Байвин заводила разговор о политике. Это они оставляли для Сольге. Для шавки Сольге сующей всюду свой нос.

Проклятые посланники, проклятый правитель Тарандола, не сумевший нормально избавиться от этой проклятой девицы, проклятый Толфред, проклятый отец... Все, все, все прокляты!

Она, Байвин, всего лишь хотела получить своё по праву. Октльхейн. И получила. Почти. И снова споткнулась о Сольге, что может быть уже и не жива даже. А те, кто должен был смотреть на Байвин, не отводя взгляда, ловя каждое её мудрое слово, действительно, смотрят. Но не так. Не так! Не так! Ни восторженных криков, ни гула, ни шёпота, ни даже

недовольного ропота. Они все, там, смотрели на неё, на Байвин, и молчали. Все. Даже те кто клялся ей в верности, кто благоговел перед ней — благодетельницей и хранительницей Октльхейна. Все они сейчас были не с ней, а с мерзавкой Сольге. Ну ничего, ничего. Ничего...

Байвин ушла с площади гордо, по-королевски. За ней потянулась свита — её люди, новые и немного старых, то ли самых верных, то ли самых привычных. Она не видела, как южанин-палач разочарованно сплюнул и бросил кнут, так и не нанеся последнего удара. Как медленно и молча расходились с площади люди, стараясь не смотреть друг на друга, словно всем им разом стало стыдно. Не видела, как Янкель, смертельно бледный, с искусанной в кровь губой, трясущимися руками попытался отвязать Сольге. Верёвки пропитались кровью, тугие узлы не поддавались неслушающимся пальцам. Он плакал от бессилия и был готов уже зубами грызть эти путы, когда чья-то рука легла Янкелю на плечо. Пожилой пти-хаш покачал головой, подал ему знак держать Сольге и огромным острым ножом просто перерубил верёвки. Янкель едва устоял на ногах, когда бесчувственное тело Сольге обрушилось на него. Удержался. Непонятно как, может быть, даже южанин снова помог, но поднял на спину и понёс. Тяжело. Маленькими шагами, ничего не замечая вокруг, только прислушивался, даже не к дыханию — к биению сердца: хотя бы один стук, чтобы знать, что жива...

То ли пот, то ли слёзы слепили, но это было неважно. Сердце Сольге билось. Еле слышно и редко, но билось. Янкель чуть не закричал, когда даже не услышал, а почувствовал его удар. Жалко только сил у него самого было немного. Камни площади становились всё ближе и ближе. И вдруг стало легче. Конюх Мавель, такой же бледный, как сам Янкель, подхватил и его, и Сольге. Потом подошёл ещё кто-то, и ещё, и ещё...

И этого Байвин тоже не видела.

Никогда раньше Сольге не чувствовала себя такой счастливой и защищённой. А главное, это счастье было по-настоящему её. Не ворованным, не придуманным — живым, тёплым счастьем. Глядя, как Янкель выпытывает у Шо-Рэя подробности жизни Чьифа и магов вообще, ощущая заживающей спиной ласковые прикосновения рук Уллы, Сольге думала о том, что Байвин в своей злобе и ненависти, сама того не желая, подарила ей так много, как не могла бы дать, хотя бы просто оставив Сольге в покое.

Доопти больше не слонялась по коридору, пытаясь влезть в комнату к Хендрику, не ныла под дверь. Улла приставила к ней двух няnek, и девчонка проводила дни за вышиванием — присмотр теперь за ней был куда строже и бдительнее.

Янкель перетащил к дверям Шо-Рэя рабочий стол из своей комнаты вместе со всеми бумагами, документами и книгами, маг занялся изучением истории Октльхейна, и теперь Сольге слушала то диковинные истории, то споры, то тихий шорох страниц, скрип пера и скептическое хмыканье. Раз в день приходила Улла, разгоняла всю эту читальню, чтобы обработать раны Сольге. Новости не рассказывала — не было их, новостей. С тех пор, как закрылась дверь в покои Байвин, жизнь потекла ставшим уже привычным чередом. Во всяком случае, сама Улла никаких перемен не замечала. Впрочем, одной из них стала она сама.

— Вот что, девочка, — сказала Улла, когда спина Сольге почти зажила, — в этот раз Время Сестёр затронуло каждого и, думаю, Октльхейн не останется прежним. Не знаю, как наш король будет разбираться с принцессой Байвин и тем, что она натворила, не знаю, что будет думать мой муж и сыновья, когда сила вернётся к ним, как мы вообще будем жить дальше, когда Сёстры уйдут, но за тебя и твоё счастье с Хендриком я собираюсь побороться. Ты заслужила это.

— Но Хендик... — попыталась, было, возразить Сольге.

— Хендик ещё будет вымаливать твоё прощение, когда сможет подняться. Он такой глупый и горячий, мой сын, но он любит тебя, Сольге. Он зовёт тебя каждый день, — голос Уллы дрогнул.

— Но...

— А что до моего упрямого мужа, в которого пошли все мои сыновья, то только дурак откажется женить сына на девушке королевской крови, пусть даже только наполовину. Он всегда считался с моим мнением, посчитается и в этот, — Улла сказала это так, словно уже спорила с мужем, и, кажется, он начинал уступать.

— Так получается, что вы утаиваете от Викеюру немного силы? — услышала Сольге сквозь дрему голос Янкеля. — Только я не понимаю, как.

Шо-Рэй вздохнул:

— Я не смогу объяснить тому, кто магией не обладает, прости. Взамен мы отдаём немного жизненной силы, подобно тому, как это делают воины и правители. Самое сложное — удержаться и не пустить в ход эту каплю, пока Викеюру не уйдёт. Это как не пользоваться руками, к примеру.

— А что будет с тем, кто не удержался? — не унимался Янкель.

— Он выгорает... Становится обычным человеком, невидимым для Викеюру, — в голосе

мага прозвучала странная, едва заметная отрешённость. Или Сольге это только показалось.

С тех пор, как Янкель со своим столом переселился в коридор, дверь в комнату Шо-Рэя не закрывалась. Сам он то беседовал с Янкелем, то читал, сидя на самой границе тени и света. Или уходил вглубь комнаты, туда, куда свет Сестёр не доставал, и молча замирал нахохлившейся синей птицей, размышляя о чём-то своём. Иногда, когда был в настроении, маг рассказывал Сольге о своей стране.

— Южнее Раймини, в далёком море есть архипелаг Ста островов, Мир-Махем. Когда-то давно, в то время, которое осталось только в сказках и легендах, Мир-Махем был одним большим островом и королевством мореходов, но однажды вздрогнуло морское дно и пришла большая волна. Она раскрошила Мир-Махем на множество островков, островов и отдельно стоящих скал, унесла с собой всё, что было создано жителями королевства и их самих. Но были и те, кому удалось спастись. А вскоре из дальнего плавания вернулись корабли, всего лишь два из нескольких десятков — их волна тоже не пощадила.

Погоревали, поплакали и стали отстраивать Мир-Махем заново. Сто новых семей родилось в те дни, на сто частей разделили они то, что осталось от острова. Самый большой взял себе двоюродный племянник погибшего короля, он и стал править новым Мир-Махемом со всеобщего согласия — королевская кровь ценилась высоко, да и сам по себе человек он был достойный. Только наследников не оставил. Его сменила внебрачная дочь его собственного погибшего брата. А уж сыновья новой королевы оставили после себя великое множество потомков, боялись, что род прервётся. С тех пор и повелось, что любой, в ком есть хоть капля крови старых королей Мир-Махема, имеют право на трон.

— А ты?

Шо-Рэй хмыкнул:

— Может быть и я. Моя семья принадлежит к тем самым ста семьям Старой крови. Наверняка, в каком-нибудь родстве да состоим. Состояли...

— Ныне я единственный, кто остался, — добавил маг после долгого молчания, и, сколько потом не пыталась разговорить его Сольге, за этот день не произнёс больше ни слова.

— Шло время, — начал Шо-Рэй на следующий день без всякого предупреждения, — в Мир-Махеме становилось теснее. Иногда новых людей приносило море, иногда те, кто ещё владел кораблями и мастерством мореплавания, а таких становилось все меньше, привозили жён с дальних берегов или новых слуг. Одно из семейств Старой крови настолько выросло, что им было уже мало своих островов. Они не стали ссориться с соседями, а снарядили корабли и отправились к дальним берегам. Оказалось, что если плыть на восток, то берег покажется довольно скоро. Уж не знаю, как они решали вопрос с местными жителями, но семейство это заполучило узкую полосу земли у самого моря. Там они построили свой новый дом. Но и старый не забывали. С течением времени только они одни и сохранили знания об искусстве управления кораблями, о том, как их строить... Только делиться этими секретами ни с кем не собирались. Впрочем, как и другие семьи. Одни умели наводить мосты между островами, другие — строить лёгкие лодки для путешествий между ними же, третьи умели читать путь по звёздам, а кто-то просто утратил знания старого Мир-Махема и овладел новыми искусстваами и умениями.

Моя семья владела двумя островами — большим и поменьше. На маленьком стоял наш дом.

Маг рассказывал, и Сольге казалось, что она видит далёкий Мир-Махем его глазами:

юркие лодки, снующие по бирюзовым волнам между островами, лёгкие, ажурные мосты, соединяющие берега, такие прочные, что даже самые сильные шторма не способны справиться с ними, флаги, танцующие на крыше королевского замка, занимающего целый остров. Слышала шорох волн, плеск воды, потревоженной вёслами, крики чаек, смех и песни. Прекрасный Мир-Махем, волшебный Мир-Махем! Никогда раньше Сольге не слышала и даже не читала о нём. Может быть, что Шо-Рэй придумал его. Нет, в это она верить не хотела. Разве можно настолько любить что-то несуществующее, придуманное? Даже если можно... Как бы Сольге хотела там побывать! В чудесном королевстве, на которое редко обращали внимание Небесные Сёстры. Только Альез посещала своего единственного посвящённого. Сложно заметить отсутствие одного человека с соседнего острова, пусть даже и короля. А воины... Погодите-ка...

— А воины, Шо-Рэй?

— У нас их нет, Сольге. Тех, что были когда-то, унесла большая волна. А сейчас... Нападать на нас некому, защищаться не от кого. Зачем они нужны?

— А маги?

— Маги... — Шо-Рэй вздохнул. — Предок моего отца, один из Ста, был, говорили, корабельным магом. Правда, несколько поколений спустя, наша семья лишилась дара Викеяру. Остались только напоминания из книг и дневников. Потом мой прапрапрадед женился на дочери Строителя мостов, завоевал доверие тестя... Знаешь, Сольге, мой дед строил лучшие мосты во всем Мир-Махеме. Мой отец унаследовал его звание Мастера-творца. А потом появился я...

Сестры умеют шутить — я родился в красном свете Альез. Мои родители увидели в этом добрый знак — родившиеся в Королевские дни, так называли в Мир-Махеме Время Альез, считались баловнями удачи.

— А если бы это было время Викеяру? — прищурилась Сольге.

— Тоже, — как-то по-мальчишески рассмеялся Шо-Рэй. — У нас вообще хороших примет гораздо больше, чем плохих. М-да...

Он задумался.

— Так вот, мне прочили судьбу нового Мастера-творца. Скажу тебе, игрушечные мосты получались у меня очень даже неплохо. Но в восемь лет, обидевшись на отца, который не взял меня с собой на соседний остров, я опрокинул его лодку, просто махнув рукой. С берега. Сначала ликующему — как же, вернулся утраченный семейный дар — отцу никто не поверил. Говорили, мол, сам он не удержался, вот и перевернулся. Но ещё через какое-то время один из моих учителей нашёл все свои вещи завязанными узлами, а однажды рыба на сковороде у кухарки оказалась живой, как только что выловленной. И опять всё это списали на мои проказы и дурной характер. Только один единственный человек — моя мать — сразу поверила и старалась помочь мне обуздать мою магию. Она заметила, что все эти случаи происходили тогда, когда я был зол, расстроен или обижен. Тогда она стала учить меня терпению и пониманию. Получалось не очень хорошо, и первоначальные восторги отца и тех, кто поверил позже, сменялись раздражением и даже страхом. Сначала меня пытались отвлечь, занять чем-нибудь другим, чем угодно, лишь бы я забыл о магии. Позже, когда я стал старше, отец смирился и открыл мне ту часть библиотеки, где хранились книги и дневники тех, кто владел этой силой до меня. Но когда в руках моего младшего брата полыхнул игрушечный мост, который он взял без спроса, стало понятно, что сам я не справляюсь, и без наставника мне не обойтись...

Его прервали. Дикая вопль, похожий больше на звериный вой, полетел по коридорам детского крыла и забился в их ловушке, отражаясь от стен и потолка. Затем послышались глухие удары. Один, второй. Третий... И снова вопль:

— Хе-е-е-ени-и-и-ик!

Доопти вырвалась на свободу.

Упал стул, шлёпнулись на пол книги — это сорвался с места Янкель. Его уговоры, причитания нянек, суета и новые вопли наполнили коридоры с пола и до самого потолка.

Шо-Рэй отодвинулся подальше в тень: глупо было надеяться, что о его присутствии не известно, но попадаться лишней раз на глаза посторонним всё-таки не стоило.

— Хе-е-е-ени-и-и-ик!

Девчонку оттащили от двери, она вырвалась и пошла крушить всё, что попадалось ей под руку. Больше всего досталось книгам и бумагам Янкеля.

— Вот, — сказал он, чуть не плача, и показал свои истерзанные записи, — как нарочно, самое важное порвала. И так почти ничего не нашли, а теперь и вовсе... Надо было послушать вас, Сольге, и оставить Доопти там, где я её нашёл.

Его было очень жаль. И без того бледный, Янкель сейчас был похож на тень самого себя, кудри его уныло обвисли, плечи поникли.

— Ты уже наизусть знаешь все, что было в бумагах, — Сольге очень хотелось его утешить.

— Я помогу, а ты отдохни, прин... Сольге. Мои рассказы могут утомить любого, — Шо-Рэй, не слушая возражений слушательницы, вышел вслед за Янкелем.

Сольге осталась одна.

Спалось ей плохо. И не только из-за жары и чешущейся, заживающей спины. Всю «ночь» она размышляла, как родившийся в таком чудесном и мирном месте, как Мир-Махем, в такой любящей семье, Шо-Рэй мог стать тёмным магом.

Этим вопросом она и встретила его, когда Шо-Рэй вернулся после ухода Уллы, разбора клочков бумаг Янкеля и долгого отсутствия по каким-то ещё, неизвестным ей, причинам.

— Так решили Щиты, — сухо ответил он.

— Почему?

Маг молчал, и Сольге вдруг подумала, что уходил он не просто так, а потому, что говорить на эту тему ему очень не хотелось. На какой-то миг она пожалела, что задала свой вопрос.

— Ладно, — после долгих размышлений сказал Шо-Рэй, — я живу в твоём доме и под защитой твоего слова... Ты имеешь право знать обо мне больше. И, наверное, я хочу тебе всё рассказать.

В Чьиф я попал не сразу. Пока отец через мореходов разузнал о его существовании — в Мир-Махеме мало знали о землях, что лежат за морем, только то, что слышали от мореходов, торговцев и чужеземцев, случайно занесённых волнами. Пока он писал письмо, пока пришёл ответ из Чьифа, я стал уже почти взрослым и даже был помолвлен с дочерью соседей. У магов редко бывают семьи, но я и не собирался быть им и уж тем более оставаться в Чьифе. Мне нужно было только научиться владеть силой, а потом я хотел вернуться и обратно и продолжить нынешнее дело моей семьи.

Ответ Чьифа привёз довольно молодой маг. Он без устали восторгался Мир-Махемом, нашим островом, мостами, лодками — да всем сразу. Он совершенно очаровал отца, моих

братьев и сестёр. Даже моя мать, принявшая его сперва очень осторожно, вскоре вела с ним долгие беседы. Да я сам видел в нём друга. Он научил меня многому, как мне тогда казалось. Помог разобраться с непонятными местами в книгах моих предков. О, наша библиотека привела его в такой восторг, что он на какое-то время просто онемел. Я познакомил его со своей невестой. Ей он не понравился, но зато был хорошо принят её отцом и стал вхож в их дом. Он интересовался всем и был всем интересен.

В Чьиф мы отбыли вместе. Думаю, ты уже поняла, что дружба и наставничество там не особо приветствуется, цитадель — это огромная банка с пауками и змеями. Кто кого сожрёт — лишь вопрос времени. Но тогда я этого ещё не знал. Я был глуп и наивен, Сольге. И, боюсь, вина за то, что произошло вскоре, лежит только на мне.

Учился я с радостью и всем возможным старанием. Сначала — чтобы побыстрее вернуться домой, потом — потому что мне понравилось быть магом, и мосты потеряли для меня былую прелесть. Я был сильнее многих, это признавали даже Щиты, а мой друг предрекал, что однажды мы вместе совершим что-нибудь невероятное. И я верил.

Единственное, чего я не мог понять, это как получается, что маги делятся на светлых и тёмных. Те, у кого я спрашивал, чаще всего пожимали плечами и кивали на Щитов, мол, это известно только им. Мой друг был занят в то время какими-то своими изысканиями, часто отсутствовал. На мои вопросы он отшучивался, что строит свою башню в одном из королевств. Среди остальных ходили разговоры, будто бы моего друга в очередной раз не взяли в придворные маги. Я им не верил, мне тогда казалось, что это слишком мелко для него.

Перед его очередным возвращением я поймал в библиотеке одного из Щитов и не давал ему уйти, пока он, наконец, не дал ответ на мой вопрос. Это было большой наглостью, но мне тогда позволялось чуть больше, чем остальным — Щиты не теряли надежды познать магию Мир-Махема, доселе от них скрываю.

«Светлые берут силу у светлой стороны Синей звезды, — сказал мне он, — а тёмные, соответственно, у тёмной».

Это было так просто и глупо, что я растерялся. Щит ускользнул и больше никто не соглашался отвечать на этот мой вопрос и ничего не уточнял.

Понимаешь, Сольге, у Викеяру, как у любой другой звезды, нет тёмной и светлой стороны. Они плавают там, далеко в небе и поворачиваются вокруг своей оси. Каждая сторона может стать светлой и тёмной.

— Откуда ты это знаешь? — тихо спросила Сольге. Такого доселе она никогда не слышала, а о звёздах знала не больше, чем любой октльхейнец или, к примеру, виникрисец, или житель северных княжеств.

— Этот же вопрос задал мне мой друг. В нашем доме была обсерватория...

— Что это? Обсерва... как ты сказал? — Сольге впервые услышала это слово. Янкель едва заметно шуршавший до сих пор страницами, вдруг затих, словно тоже слушал.

— Обсерватория. Это... Оттуда мы наблюдали за звёздами. Долгие годы в наше семье жил Джар-Соз, какой-то дальний родственник матери. Он был звездочётом. Он...

— Считал звезды? — Сольге решила, что маг шутит, но ничего ни в его словах, ни в голосе на шутки не намекало.

— Можно и так сказать. У него была такая огромная труба, со множеством приближающих стёкол — дальногляд. Очень древняя. Джар-Соз говорил, что это наследие старого Мир-Махема. Через неё мы смотрели на небо, на Сестёр. Я видел их почти так же

близко, как сейчас, только не такими обжигающими и не ослепляющими. Я видел Глаза Рийин и другие звёзды, которые не видны без этого дальногляда... Для меня это было просто забавой. Иногда я просил Джар-Соэ повернуть дальногляд так, чтобы можно было увидеть королевский дворец. Звездочёт сердился, кричал, что я превращаю серьёзное дело в игрушки для глупых детей... Он учил меня, Сольге. Жаль, что я почти ничего не усвоил. А теперь учить некому и нечему...

— Почему?

— Долгое время мне казалось, что всё идёт как обычно, — продолжил Шо-Рэй, словно не слыша вопроса. — Я учился, мой друг то появлялся, то снова куда-то уезжал. Мучивший меня вопрос я решил пока оставить. Тем более, что мне предстояла поездка домой, а уж там бы я вытащил из Джар-Соэ всё, что он об этом знает. Я впервые вспомнил о бесчисленном количестве книг и старых свитков, хранящихся в обсерватории — в них, наверняка что-то было, думал я тогда.

Мой друг уехал незадолго до меня, как обычно не сказав, куда. Но вот странное дело: где бы я ни останавливался в пути, мне рассказывали о маге, проезжавшем незадолго до меня. Сам не знаю почему, но вскоре меня охватила смутная тревога. Я стал реже останавливаться в пути, едва не загнал коня, но когда оказался на земле мореплавателей, оказалось, что маг снова опередил меня. Теперь меня гнала не тревога, а ледяной ужас. Я не мог его себе объяснить, но и ждать тоже не мог. Следующий корабль должен был отправиться через три дня. Я умолил одного из местных отвезти меня хотя бы завтра. То ли его напугали мои бешеные глаза, то ли он просто сжалился, то ли сам хотел выйти в море, я не знаю, но утром мы покинули берег.

Шо-Рэй замолчал, словно задохнувшись, потёр руками лицо и продолжил. И в голосе его уже не было жизни.

— Запах гари мы почувствовали задолго до того, как показался берег. Если бы я мог — побежал бы по воде. Наш остров... От него осталось только одно огромное пепелище, Сольге... Я не помню, что там было. Говорили, что я упал в воду, пытаюсь утопиться, кричал, бил любого, кто пытался ко мне подойти... Я не помню всего этого. Меня отвезли на второй наш остров.

Мне рассказали... Люди видели, что пожар начался в обсерватории. Решили, что это Джар-Соэ ставил какие-то опыты, хотя, по правде, раньше за ним никогда такого не водилось. Почему огонь перекинулся на весь дом — никто не знал. Как оказалось, что никто не смог спастись... Никто не спасся, Сольге, никто. Ни родители, ни братья, ни маленькие сёстры, ни слуги... Даже лодки... нет, лодки потом нашли утопленными у остатков причала. Словно кто-то ещё до пожара сделал так, чтобы спастись было невозможно. Мосты? Они так были покорёжены жаром, что ступить на них было невозможно — опасно.

А потом я узнал, что один человек, всё-таки, спасся. Незадолго до пожара по мосту, что вёл к острову родителей моей невесты, бежал маг. Этот маг в последнее время часто приезжал в наш дом. Знакомился с соседями. Говорили, даже пытался попасть в королевский замок. Не исключено, что попал.

Сомнений у меня не было. Это мог быть только один человек. Но зачем моему другу тайком от меня посещать моих родителей, зачем?.. Я потребовал отвезти меня к соседям. Я должен был понять...

Меня не пустили в дом. Отец моей невесты орал из-за закрытых ворот, что я мерзавец и подлец, и вообще самозванец, что-то ещё оскорбительное... Я сказал, что разнесу его ворота,

если он не откроет и не выдаст мне своего гостя. То, что маг здесь, я узнал ещё на причале. Мой друг, — эти слова Шо-Рэй словно выплюнул, — поднялся на крышу и велел мне убираться, иначе он не оставит от меня даже праха. И чтобы дать мне понять, что он не шутит, заклинанием распылл одного из моих провожатых. Просто так.

Я приготовил ответное заклинание и предложил ему выйти за ворота, чтобы другие люди не попали под наши заклинания. Он расхохотался и сказал, что эти люди виновны в смерти моих родных не меньше, чем он. Уж больно по нраву были соседу наши острова. И он промолчал. Сосед.

Потом вышел на крышу. И попросил об одном — чтобы его жена и дочь, моя невеста, покинули остров, потому что их вины в гибели моих родных не было. А уж он сам и его сыновья готовы отвечать. Мои сёстры и мать тоже не были ни в чём виноваты, но я ещё любил ту девушку, поэтому согласился.

Сольге молчала, боясь вздохнуть лишний раз, чтобы не нарушить исповедь Шо-Рэя. Когда он замолкал, вспоминая и собираясь силами, было так тихо, что, казалось, можно услышать, как растёт трава и бегут подземные воды. Даже Янкель перестал шуршать страницами, а голубь-дракон спрятал голову под крыло.

— Стоило моей невесте, её матери и двум служанкам ступить на мост, что вёл на другой остров, как в меня посыпались арбалетные болты. Если у нас не было воинов, Сольге, это не значило, что не было оружия. В тот же самый миг ударило заклинание моего друга. Он промахнулся. Я ответил. Те, кто приплыл со мной, погибли или попрятались. Да и не ждал я от них помощи.

Меня ранили. Не опасно, но я начал слабеть. А мой друг, хоть и не успел восстановиться после устроенного им пожара, был ещё достаточно силён. Мне было плевать на соседа и его сыновей — с ним разберётся король. Я должен был достать главного виновника. А в том, что им был мой друг, я больше не сомневался. Сосед, при всей его жадности, был слишком слаб и труслив, иначе давно бы проделал что-то подобное, не дожидаясь помощи мага. Я собрал всю свою ярость, всю доступную мне магию и сотворил заклинание. Оно летело туда, в моего друга, нет, моего врага. Оно должно было распылить их всех, тех, кто был виновен, но... Он отбил его.

Заклинание отлетело в мост. Там ничего не осталось. Ни самого моста, ни тех, кто по нему шел. Я услышал крик соседа и... всё. Я потерял последнее, что было мне дорого.

Маг снова замолчал. Сольге едва слышно всхлипнула:

— А потом?

— Потом, — нехотя заговорил Шо-Рэй, — был королевский суд. Сосед и его сыновья свидетельствовали в мою пользу и против себя — гибель женщин пробудила остатки их совести. Меня признали невиновным, но велели отправляться в Чьиф, потому что король посчитал, что моя сила слишком велика и опасна для Мир-Махема. Но если я её обуздаю или лишусь — смогу вернуться. Только вот зачем?..

Маг успел сбежать, уж не знаю, как ему это удалось. Он первым добрался до Чьифа и рассказал свою историю. Ему поверили. Что значит слово ученика против слова опытного мага? Правда, Щиты решили, что казнить меня — значит бездумно разбрасываться даром Викеюру. Меня объявили тёмным, запретили строить свою башню и селиться в чужих — тёмные должны странствовать, не зная покоя. — Он усмехнулся. — Оставили про запас. Я уже тогда был сильнее многих... Так что, Сольге, что свет, а что тьма, определяет не сторона звезды, а люди.

— И ты больше не пытался его убить? Того мага?

— Нет. Это было бы слишком просто для него, слишком легко, и без последствий для Чьифа. Но, кажется, всё обернулось даже лучше, чем я хотел...

— Так это был...

— Да, Сольге, это был Хирагрот.

— Только я не понимаю, почему...

Восторженный вопль заставил Сольге замолчать.

— Я понял! Смотрите, я понял! — Янкель ворвался в комнату, размахивая той самой страницей, найденной в библиотеке Чьифа. — Простите, я подслушал ваш разговор, но зато я понял... Вот, смотрите: видите, зачёркнутое слово? Я перебрал все слова, которые знал, я обыскал все словари, но ни одно слово не подходило, пока я не услышал, как ты, Шо-Рэй, упомянул звездочёта. Видите? Вот. На свет смотрите. Ну? Видите? Это продолжение части про Викею: «Она покровительствовала магам», точки нет, а на этой вот странице продолжение «и звездочётам». Дальше не понятно опять, текст испорчен. Но ведь это уже кое-что, да? Что-то новое.

Янкель в восторге и нетерпении почти пританцовывал на месте, как жеребёнок перед первой в своей жизни скачкой. Шо-Рэй закрыл глаза.

— Что ж, это многое объясняет, — задумчиво произнёс он спустя несколько минут. — Раньше я считал, что Хирагрот просто метил на должность придворного мага при короле Мир-Махема. Но к чему тогда сжигать целый остров со всеми его жителями. А теперь получается, что метил он именно в Джар-Соэ, а мои родные и слуги были ненужными свидетелями. А я... Не знаю... Тот, кого можно обвинить во всем?

— Ты сам сказал, что силой не разбрасываются, — возразила Сольге. — Может он, как и Щиты, оставил тебя про запас? Или ты нарушил его планы, появившись не вовремя? Только это всё равно не объясняет, зачем Хирагроту убивать звездочёта и всех, кто знает, чем именно он занимался. Что такого опасного в наблюдении за звёздами? И, получается, маг знал о вырванных страницах? Значит, это Чьиф что-то скрывает?

— Нет, — возразил маг, — Чьиф, конечно же, скрывает многое, но не думаю, что цитадель имеет отношение к вашим... нашим поискам, — Янкель кивнул, поддерживая. — Я вот сейчас смутно припоминаю — раньше я не придавал этому значения — а ведь Хирагрот, когда сердился или клялся, взывал к какой-то «госпоже». тогда я думал, что он имеет ввиду Викею, а вот сейчас...

Радость потухла, не разгоревшись. Внезапная разгадка потянула за собой столько вопросов, что руки опускались от бессилия перед этой громадиной. Но, во всяком случае, становилось понятно, что всё, произошедшее в последнее время, связано между собой куда теснее, чем казалось изначально. Но с чем именно они столкнулись, ни Сольге, ни Янкель, ни Шо-Рэй не могли себе даже представить.

Сколько дней прошло, прежде, чем Сольге смогла одеться и выйти на улицу, не ёжась от того, что ткань платья касается кожи, не морщась от боли?

«Кто их считал, эти дни, Сольге? Кто их считал?»

После долгого пребывания в темноте яркий свет хоть и слепил, но даже как-то радовал. Сольге сидела на крыше, разглядывая двор замка, и размышляла, как всё поменялось за то время, что она не выходила.

На первый взгляд, не изменилось ничего. Всё так же нахальным кочетом расхаживал у Врат Альез южанин с штанах с орнаментом из голубых и зелёных узоров. Может быть, даже тот самый, что бил Сольге кнутом. Вот только от самих Врат он теперь далеко не отходил, да и наглость его была уже не такой убедительной. Пти-хаш вообще разделились на две неравные части. Одна по-прежнему жалась к той части замка, где находились покои Байвин. То и дело слышался с их стороны гортанный смех, визг и вопли. Остальные же... работали. Кто-то помогал на конюшне, кто-то таскал воду, а две южанки в компании кухарки и ещё одной служанки внимательно разглядывали три полосы перекопанной земли. Улла рассказывала, что недавно женщины пти-хаш принесли мешочки с семенами и кое-как, где на своём, где на ломаном общем, объяснили, что эти травы и овощи не боятся жары и не требуют много воды. Судя по довольным лицам огородниц, что-то там взошло, на этих сухих грядках. Уже легче.

Октльхейнцы словно забыли, что сейчас вообще-то должна быть зима, и если Сёстры внезапно вернуться на свои места в небе, южные растения уже никого не спасут. Но кто бы об этом думал, когда две звезды так прочно обосновались и, казалось, никуда не собираются уходить.

— Чем ты займёшься, когда закончится Время Сестёр?

Шо-Рэй, сидевший тут же, в тени стен, ответил, не задумываясь:

— Вернусь в Мир-Махем. Попробую начать всё заново. Буду строить мосты, как мой отец.

— Но твоя магия...

— Думаю, она не станет проблемой, — голос Шо-Рэя был ровным, как гладь зимней Эрдвай, покрывшейся первым льдом, и таким же... опасным. Что там под ним, какие течения и омуты, спрашивать и проверять не особенно хотелось.

Сольге обняла колени руками и поморщилась — шрамы ещё немного тянули и беспокоили.

— Возьми меня с собой, — попросила она.

Маг поднял брови и едва удержался от привычного хмыканья:

— Разве тебя не радуют перемены в твоей жизни, принцесса Сольге?

— Перемены...

О переменах после выздоровления Сольге заговорил король Толфред. Именно к нему она отправилась первым делом.

— Бедная девочка, моя милая сестрёнка, — едва слышно проговорил король, — сколько тебе пришлось вынести. Байвин получит своё, когда Альез уйдёт. Я слишком многое ей позволял. Прости меня.

Сольге горячо заверила, что Толфреду нечего стыдиться и не за что извиняться: это не он унижал её прилюдно, не он приговорил к двадцати ударам кнута и уж тем более не он эти удары наносил, и вовсе не он кромсал ножом её волосы, стремясь то ли отрезать, то ли выдрать их совсем.

— Нет, Сольге, я виноват в другом. Я слишком долго следовал старым правилам, оглядываясь на недовольство Байвин. А она сама так легко презрела не то что законы Октльхейна, установленные людьми, но и те, на которых держится весь этот мир со дня его основания.

Король слабо шевельнул рукой, Сольге осторожно взяла её и прижалась щекой.

— Я признаю тебя своей сестрой, Сольге. Сразу, как смогу встать. Мне следовало давн это сделать. И ты сможешь выйти замуж за своего Хендрика, отказать королю не посмеет даже его упрямый отец.

— Улла сказала, что отказываться от невестки с половиной королевской крови очень глупо... — тихонько засмеялась Сольге. Тень былой улыбки тронула губы короля:

— У нас очень сильный союзник, девочка.

Он закрыл глаза, собираясь с силами.

— А сам я женюсь на Ийрим. Все мы заслуживаем счастья, сестрёнка, даже глупые нерешительные короли. И ещё. Твой маг... Этот закон я нарушать не стану — питомцев Чьифа в Октльхейне не будет. Но я не стану сжигать его и наказывать тебя. Он сможет уехать с миром, я даже награжу его за спасение моего личного секретаря и архивариуса и неоценимую помощь Октльхейну.

— Я передам ему, мой король.

Усилия не прошли даром — король то ли впал в дрёму, то ли ослаб настолько, что более был не в силах произнести ни слова. Сольге тихо встала и шагнула к двери.

— Девочка, — скорее выдохнул, чем произнёс Толфред, — всё будет как нужно, моя маленькая принцесса-сестра.

— Перемены... — задумчиво проговорила Сольге. — Будут ли они, эти перемены? Не думай, что я не верю словам своего брата-короля, но... Мне кажется, что всё не так просто с исполнением его обещаний. В Октльхейне не любят перемены. А Толфред замахнулся... С тем, что он признает меня, все, может, и смирятся, моё происхождение ни для кого не секрет. Но с Ийрим-королевой — вряд ли. Байвин слишком много значит для всех, чтобы взять и сместить её с места хозяйки замка.

— Люди всё видели, Сольге, — тихо сказал маг.

— У людей короткая память, Шо-Рэй. Когда всё вернётся на свои места, не захотят ли они, чтобы всё осталось, как было, и не менялось веками? А Хендрик... Даже если Улла сможет убедить мужа, даже если сам Хендрик придёт к королю просить моей руки, и Толфред даст согласие, но захочу ли этого я?

— А ты хочешь?

— Я... Нет... Не знаю...

Как-то за всеми этими событиями Сольге совершенно забыла о приезде посланника Горто. А вспомнив, встревожилась не на шутку: дорога из Тарандола занимала дня три-четыре со всеми остановками. Тем более, что сам посланник медлить не любил, а значит, давно уже должен был прибыть в Октльхейн, даже если выехал не одновременно с

отправленным письмом.

А прошло уже... Да, конечно, дни никто не считал. Так куда же делся Горто?

Это был не стук в дверь, даже не царапание, а тихий, едва уловимый шорох. Мало чьё ухо могло бы его уловить, но у Янкеля получилось. Посетитель был одет в когда-то белые одежды пти-хаш, и помощник архивариуса уже было собрался погнать его от порога, как вдруг остановился — передумал — потому что южанин был вовсе не южанин. Выглядел незванный гость прескверно, при том, что в эти времена вообще мало кому удавалось сохранить бодрый вид: бледнее белого, расцветенный застарелыми синяками, исчерченный поджигавшими царапинами. Он едва стоял на ногах, словно долгое время шёл без отдыха и сна, а гримаса боли, набегавшая на его лицо, как волна на берег, ко всему прочему, не оставляла сомнений, что путешествие это было не из приятных.

— Мне нужна архивариус Сольге, — то ли прошептал, то ли прохрипел незнакомец, когда Янкель уже было собрался отправить его к нынешней хозяйке замка — кухарке.

— Что нужно? Я передам.

— Нет, — гость упрямо мотнул головой, — только ей. Срочно.

Янкель обернулся и нахмурился: ещё чего не хватало! Только всё успокоилось, только жизнь в замке, перемолотая Сёстрами и всеми пришедшими вслед за ними переменами, начала если не налаживаться, то хотя бы не ухудшаться, как на пороге возникает человек, явно несущий с собой новые неприятности.

— Кто там, Янкель? — раздался в глубине коридора голос Сольге.

После выздоровления она так и не вернулась в свою спальню. Права была Улла — Хендрику сейчас нужнее всего был покой и надёжная охрана. К тому же с того времени, как за спиной Байвин закрылись двери в её покои, птицы с женскими лицами больше ни разу не появились ни в одну из «ночей», не потревожили ни посвящённых, ни их хранительниц. Шо-Рэй уступил Сольге свою кровать, а сам собрал себе постель из старых ковров и одеял и утверждал при том, что спится ему теперь гораздо лучше и удобнее. С их общего согласия переселился в тёмную каморку мага и Янкель. Улла, приходившая навестить сына, заглядывала сюда иногда, чтобы дать отдых уставшим от света глазам. Даже голубя-дракона, случись у кого необходимость послать весточку посланнику Горто, долго-долго пришлось бы искать в темноте: сообразительная птица заняла своё место на балке под самым потолком и, по-видимому, чувствовала себя там вполне себе неплохо — иногда можно было услышать то ли тихое курлыканье, то ли рык.

Всё это хрупкое равновесие грозил разрушить незванный гость. Янкелю очень хотелось закрыть дверь и сделать вид, что никого там нет. Поздно.

— Дэгри! — воскликнула Сольге. Гость устало кивнул и, обессилев окончательно, начал сползать по дверному косяку.

Упасть ему не дали. Подхватили, затащили внутрь, привели в чувство, накормили и оставили на пару часов одного в темноте — чтобы отдохнул и хоть немного поспал.

Янкель хмурился, Шо-Рэй успокаивал Сольге, рвущуюся разбудить гостя, чтобы поскорее расспросить.

— Ты не понимаешь! Это слуга Горто. Я должна...

— Ты должна дать ему возможность восстановить силы. Не думаю, что тебе хоть что-нибудь удастся узнать от покойника. Наберись терпения, принцесса Сольге.

— Я не принцесса! — прорычала Сольге. Усмешка не успела появиться на губах мага — из самой дальней комнаты, той, где теперь жила Доопти, раздался звериный вопль.

Девчонка билась в дверь всем телом, визжала. Где-то между ударами и визгами были слышны то увещевания нянек, то испуганные вскрики — их же — Доопти не только вопила, но и кусалась по-звериному.

Янкель раздражённо хлопнул книгой, которую листал от нечего делать, об стол и пошёл на шум. С каждым днём полоумная девчонка тяготила его всё больше. И всё же выгнать Доопти, бросить её на произвол судьбы Янкель не мог. И он ждал. Ждал, когда уйдут Сёстры. Уж тогда-то он найдёт для своей вздорной питомицы место, где с ней будут хорошо обращаться, где ей, наверняка, будет хорошо. И место это будет очень далеко от замка. Это точно.

А сейчас разбушевавшуюся девчонку нужно просто успокоить. Просто. Нет, с каждым днём задача эта становилась всё сложнее. Когда же вы, наконец, уйдёте, о Небесные Сёстры?

Никому не верьте. Так написал посланник Горто в своём последнем письме. С этих слов начал свой рассказ и Дэгри, когда его, в конце концов, смогли убедить, что Янкель и Шо-Рэй заслуживают доверия не меньшего, чем сама Сольге. Обращался он, впрочем, только к ней одной.

— Мы смогли пуститься в путь только спустя две недели после того, как мой господин отправил вам письмо. «Никому не верьте и будьте осторожны» — повторял он нам без конца.

— Нам? — переспросила Сольге.

— Да, нам. Мне и своему секретарю. Он... Но я буду рассказывать по порядку, чтобы не сбиться.

Отъезд несколько раз откладывался. Что заставляло посланника несколько раз в самую последнюю минуту отменять поездку, Дэгри не знал. Однажды им удалось покинуть столицу и даже ухитриться отъехать от неё. Но спустя день пути Горто приказал возвращаться.

В Тарандоле не было принято закрывать города на Время Сестёр, поэтому на поездку посланника никто не обратил внимания: мало ли что благородному господину могло понадобиться, может, он размяться захотел.

— Но мне, архивариус Сольге, показалось, будто моего господина что-то тревожит. Поговаривали, будто в округе появились какие-то странные птицы. Будто бы с человеческими головами. Не знаю, может кому от жары примерещилось. Сам-то я не видел. Но вот господин мой то на небо поглядывал, то по сторонам озирался... Только мы вернулись.

В один из как бы вечеров в доме посланника собрались гости: трое довольно пожилых советников, несколько благородных дам, уставших от постоянного бдения за своими посвящёнными мужьями, богатый торговец с востока со своими сыновьями, застрявший в Тарандоле — ворота не запирались, но на долгое путешествие смельчаков не находилось. Были ещё какие-то люди, которых Дэгри не знал.

Собрались в большом зале с наглухо занавешенными окнами. Факелы по стенам, неведь где добытый посланником лёд смягчал жар Сестёр — казалось, что всё вернулось так, как было и должно было быть. Сам хозяин выпил очень много вина, начал шутить, рассказывать странные истории.

— Он говорил о какой-то госпоже с Севера. Я не знаю, что это за легенда или сказка, может быть, архивариус Сольге, никогда до тех пор я не слышал ничего подобного от моего господина. Потом он сказал, что нужно ехать на запад, до самых гор, потому что именно там скрывается тайное знание, что может уничтожить целый мир. Его сначала спрашивали,

потом пытались урезонить, потом начали просто смеяться над пьяными фантазиями... Это было так не похоже на моего господина... По знаку госпожи, его супруги, я отвёл хозяина в его спальню, где он сразу же и заснул. Я остался с ним — мало ли что могло понадобиться.

Дэгри казалось, что он лишь на мгновение закрыл глаза, моргнул, можно сказать, как его разбудил толчок в плечо. Посланник Горто стоял перед своим слугой, полностью одетый в дорогу и совершенно трезвый.

— Стервятники, наконец, разлетелись. Пора, — сказал он.

Про стервятников Дэгри ничего не понял, но счёл за лучшее не переспрашивать, а просто привычно последовал за своим господином. Они вернулись в опустевший зал. Факелы ещё не догорели, а слуги не брались за уборку. Горто покачал головой:

— Совсем обленились. Ну что ж, так даже лучше. Выбери два факела поярче, Дэгри, они нам понадобятся.

Пока верный слуга разбирался с факелами, посланник что-то нажал на стене, и часть её вдруг повернулась, открывая узкий тёмный коридор. Горто вошёл в него первым.

— Мы так долго шли, архивариус Сольге, что я даже решил, что мой господин собирается остаться в этих коридорах навсегда. А этот звук, когда стена за нашими спинами вернулась на своё место... Ох, как это страшно... И хоть господин и вёл нас так, будто точно знал, куда идёт, я почти уверился в том, что мы заблудились и никогда больше не увидим ни небо, ни Глаза Рийин. А ещё крысы и всякие ползучие твари... Здесь они прятались от жары и света, хрустели под ногами, падали за воротник, щекотали ноги своими голыми хвостами... Мерзость! Даже свет Сестёр казался мне тогда не таким утомляющим и даже желанным.

Тайный коридор вывел путников далеко за стены города, на северо-восток. Туда, где река Эрдвай делает изгиб, словно не желая нести свои воды в Тарандол. Дальше она бежит по самому его краю до границы с Октльхейном, до спорных земель.

— Мы переправились через реку на лодке, такой старой и прохудившейся, что мы сидели в ней, мокрые по колена, а у противоположного берега — уже и по пояс. За лесом нас ждал Авис с лошадьми.

— Авис? — перебила Сольге. Они с Янкелем обменялись тревожными взглядами.

— Да, Авис. Новый секретарь моего господина. Незадолго до отъезда он увидел этого юношу и был очарован его знаниями и манерами. Не знаю, зачем ему был этот секретарь. Я и сам неплохо справлялся, — последние слова Дэгри горчили обидой.

— Кто это — Авис? — спросил Шо-Рэй.

— Он вместе с Янкелем претендовал на место моего помощника. — ответила Сольге, побледнела и добавила помертвевшим голосом, — Я ведь сама отправила его к Байвин. А Горто...

Молчание рухнуло такое густое и плотное, что показалось, будто в комнате стало темнее, а воздух исчез.

— Я, это... дальше, ладно? — пробился сквозь эту густоту робкий голос Дэгри.

Они петляли. Горто то гнал своих спутников на север, то резко поворачивал обратно, то закладывал петлю с востока на запад. Путал следы. Ночевали в лесу или даже в чистом поле — избегали людей. Дорога до Октльхейна заняла почти десять дней, при том, что лошадей не особенно щадили — так, чтоб только не пали.

Бесед не вели. Авис считал себя выше Дэгри и до разговоров с ним не снисходил,

посланник к общению и вовсе не был расположен. А сам Дэгри... он просто исполнял свой долг. Как всегда, как привык.

Чем ближе были стены Октльheyна, тем больше успокаивался Горто. Он уже не так часто вздрагивал от случайных звуков, не так тревожно оглядывался, даже иногда заводил беседу со своими спутниками и понемногу начал улыбаться.

На своём петляющем пути они несколько раз перекали странные следы — словно целая армия прошла здесь недавно. Они стремились из разных сторон куда-то в одно и то же место. Дэгри как-то заговорил об этом. Горто промолчал и только нахмурился, Авис же скорчил такую презрительную гримасу, что Дэгри пожалел о своём вопросе. Впрочем, возможно, закономерность со следами ему всего лишь показалась.

Однажды посланник заявил, что привалов больше не будет — до ворот Октльheyна осталось всего несколько часов пути. Предстояло обогнуть одну деревню, а дальше по лесным дорогам до самой цели.

Дэгри тяжело вздохнул:

— Рано он обрадовался, мой господин. Как только узнали эти, где мы поедем?

На очередной развилке дорогу путникам преградил небольшой отряд. Торговец с востока с сыновьями, двое из трёх приглашённых советников, переодетая в мужское одна из благородных дам, виденных там же, в доме посланника, и пара крепких парней — Дэгри вспомнил, что видел их в свите ещё одной дамы в тот же день.

Трое против целого отряда.

— Отдайте нам ваши записи и книгу, дорогой Горто, — голос торговца был мягким, тягучим, как уваренный сироп. — Отдайте и уходите с миром, Госпожа простит и пощадит вас.

Горто покачал головой:

— Как уже пощадил вторых посвящённых Викейру и тех, кто знал о них?

— Они заслужили смерть своим несносным любопытством! — взвизгнула переодетая благородная дама. Лошадь под ней не двинулась с места, видимо, привыкла, но остальные занервничали, заперебирали ногами, внося сумятицу в и без того не очень стройные ряды.

— Как и я, — грустно усмехнулся посланник. — Так с чего бы мне верить вашим обещаниям?

Дама скривилась, покраснела и уже собиралась ответить что-то гадкое и колкое, но её перебил пожилой советник, тот, что был постарше. Как он ухитрился взобраться на лошадь и до сих пор удерживаться в седле, не рассыпавшись на части, было огромной загадкой.

— Хе...кхм... Дорогой Горто, кхем... Нам вовсе незачем здесь... хе... спорить. Присоединяйтесь к нам, разделите вместе с нами благословение Зелёной искры. Кхм...хе... хм... Вы разумный человек, и... кхем. хр...хм... раз уж знаете теперь всё, ну или кое-что, то... хм...кхе... должны понимать, что Госпожа — единственная, кто может спасти всех, кто пострадал от гнёта строптивой Альез и коварной Викейру... кхе...кхе...хм...

Он говорил что-то ещё про избавление, про справедливость, про доброту госпожи. Но Горто его уже не слушал. Он молча наблюдал, как сыновья торговца и крепкие парни из свиты благородной дамы потихоньку начали окружать его и его спутников. Пока советник распинался, перемежая свою речь кашлем и хмыканьем, а потом — перемежая хмыканье и кашель редкими словами, отряд расползлся шире, но и ряды стали реже.

— Приготовьтесь, — тихо сказал посланник Авису и Дэгри и, когда советник зашёлся в очередном приступе кашля, крикнул: "Сейчас!" — и направил свою лошадь прямо между

советником и переодетой в мужское дамой.

Крики, вопли, визги... Всё смешалось, ряды врагов распались. Советник таки навернулся с лошади и что-то там скулил. Для лошади дамы этот манёвр посланника оказался, видимо, последней каплей — она заржала, так же визгливо, как её хозяйка, встала на дыбы и унеслась в лес вместе с наездницей. Стенания последней ещё какое-то время были слышны, если бы их кто-то слушал.

Преследователи гнались за Горто и его людьми с весёлым гиканьем и улюлюканьем: они не верили, что погоня продлится долго — уж больно уставшими были лошади беглецов. Но веселье быстро стихло: никто не собирался сдаваться — животные, то ли чуя опасность для хозяев, то ли решив совершить последний рывок в своей жизни, неслись так, словно только что покинули свои стойла, словно не было почти десяти дней пути под изнуряющим светом Сестёр.

— Иди к Ней! Она зовёт тебя! — это было последнее, что услышали беглецы, прежде чем погоня окончательно отстала.

— наших преследователей уже почти не было слышно, но мы всё равно мчались вперёд. Наверное, мой господин опасался ещё каких-нибудь ловушек. Он вёл нас. За ним следовал Авис, а я замыкал наш строй, готовясь в любой момент остановиться и задержать погоню. Это меня и подвело. Я видел, что секретарь приблизился к господину, но подумал, что он просто хочет что-то сказать, может быть, попросить пощадить лошадей или ещё что-нибудь...

Дэгри закрыл лицо руками и простонал:

— О-о-о... Я слишком поздно увидел кинжал... Авис ударил им моего господина в бок. И ещё раз... Я...

— Он жив? — прошептала Сольге, и этот шёпот оглушал сильнее крика.

Дэгри сник:

— Я не знаю, архивариус Сольге, сейчас я ничего не знаю... Я хотел погнаться за Ависом, чтобы убить его, но жизнь моего господина важнее мести. А он был ещё жив.

— Почему ты не сказал сразу? Почему ты не начал с этого?!

— Простите меня, я сам это понимаю, но мой господин взял с меня клятву, что я расскажу вам всё так, как рассказываю — по порядку. О, архивариус Сольге, позвольте мне продолжить! Моё сердце разрывается в клочья, но я должен сдержать слово, данное моему господину.

Сольге боролась с подступившими слезами и только кивнула в ответ.

Им обоим повезло. Совсем недалеко стояла небольшая деревня. Жители её, волей Байвин, вернулись в свои дома. К тому же оказались достаточно сострадательны, чтобы в такие времена дать приют двум окровавленным незнакомцам. Их приняла на постой тёща деревенского лекаря — ехидная и болтливая крепкая тётка. Она же и привела зятя, сухощавого молчаливого мужчину, то и дело цыкающего и закатывающего глаза к небу. Вдвоём они под непрестанную перебранку и цыканье промыли и зашили раны Горто, напоили каким-то отваром Дэгри и велели отдыхать.

— Я не знаю, сколько проспал, но когда проснулся, мой господин ещё не пришел в себя. Впрочем, лекарь сказал, чтобы скоро я этого и не ждал — раны серьёзные. Иногда моему господину становилось хуже — он бредил, говорил о каких-то искрах, птицах, звал вас, всё время повторял, что вы должны узнать не знаю, что... Даже плакал раз, просил прощения у

жены... Вроде как из-за того, что узнал что-то такое, что теперь и она в опасности... Не знаю, сколько прошло дней. Как будто всё это один был. Хозяйка гнала меня отдыхать, а если я отказывался, подливала того отвара, что свалил меня в первый раз... Я уж старался и не пить, но как совсем без воды?

Дэгри тяжело вздохнул. Сольге тихо плакала — обещание обещанием, но как же невыносимо тяжело сидеть так и слушать, не имея возможности помочь, не зная даже, нужна ли ещё эта помощь. Янкель хмурился, сжимал кулаки, пряча страх и растерянность перед услышанным. Горькой была темнота в комнате, горькой и мутной.

— Ты упоминал о книге и записях, — голос Шо-Рэя был как молния, прорезавшая мрак. — Что стало с ними?

Дэгри встрепенулся:

— Да, записи... Простите, господин, — он впервые обратился не к Сольге. — Я продолжу.

В конце концов, уход и лечение сделали своё дело: Горто пришёл в себя. Первым делом он отослал любопытную хозяйку и подозвал верного слугу.

— Дэгри, — сказал он, — возьми этот свёрток и отнеси его в Октльхейн, архивариусу Сольге. Никому не говори о нём, никому не показывай и не заглядывай в него сам. Только Сольге. Поклянись, что сделаешь всё, как я велел. Хорошо. Уходи прямо сейчас, пешком — так будет незаметнее. Хозяйке скажи, что идёшь прогуляться.

Дэгри вздохнул ещё тяжелее и горше:

— Мне так стыдно, но я нарушил слово. Всего один раз. Отойдя подальше в лес, я развернул свёрток. Там были бумаги и книга. Книга Создания. Представьте себе, обычная книга, какая есть почти в любом доме! Только очень старая. И ради неё... Ох, господа... Я был так зол, так обижен. И даже решил, что мой господин просто поиздевался над своим верным слугой. Но потом я вспомнил его слова к жене и подумал, что он просто отослал меня, чтобы уберечь. И чуть было не вернулся. Но я поклялся...

— А что было в записях? — перебил его Шо-Рэй.

— Заглянуть в них смелости у меня уже не хватило, — поник головой Дэгри и продолжил:

— Наконец, я дошёл до Ворот юнлейнов, но увы, они были заперты. Я решил обойти кругом и был очень рад увидеть, что город открыт. Но и тут меня постигла неудача — я заблудился в городе, а просить помощи побоялся. Слова моего господина: «Никому не верь, Дэгри!» — так и звучали в голове. К тому же, в какой-то момент мне показалось, что за мной следят. Я выбрался из города. По разговорам я понял, что замковые ворота заперты, но, вроде бы, кто-то видел, что все чужаки, направляются к Вратам Альез. Я потихоньку пошёл за одним из них. Люди в городе не обманули. Но как было пробраться внутрь? Я решил рискнуть. Подстерёг одного южанина, оглушил его, связал и забрал его одежду. Испачкал лицо, чтобы не так выделяться, но...

Дэгри снова сник.

— Я был неосторожен. Оказалось, что за мной и правда следили. А может быть, просто хотели ограбить. Кто-то ударил меня по голове камнем. Странно, что не убил, такой огромный он был... Не знаю, сколько я пролежал там, но когда очнулся, свёртка при мне не было. Простите меня, архивариус Сольге, я принёс только слова...

— Ты принёс гораздо больше, — ласково ответила она и вышла из комнаты. Шо-Рэй поднялся следом.

— Ты веришь ему? — спросил маг, когда они остались одни.

— Не знаю, — задумчиво покачала головой Сольге. — Мне всегда казалось, что Горто разбирается в людях, но Авис в секретарях... Не знаю...

Она зябко поёжилась и вдруг уткнулась лицом в плечо мага:

— Мне страшно, Шо-Рэй. Мы ведь просто хотели узнать, что происходит с Сёстрами. Что в этом такого, что нужно убивать?

Маг не знал, что ей ответить. Он сам не знал. Всё, что Шо-Рэй мог сейчас сделать — обнять Сольге. Тем более, что ему самому это сейчас очень бы не помешало.

Таковыми, обнявшимися, их и застал Янкель.

— Я тут пораспросил нашего гостя, — сказал он, — и, кажется, знаю, в какой именно деревне остался посланник Горто.

«Эта тварь собирается сбежать,» — думал наблюдатель, глядя с высокой башни, как Сольге и её спутники седлают лошадей. Надо же, и мальчишку этого архивного забирает. И этого... Пойдите.

Наблюдателю было известно, что несколько дней назад в дверь Сольге постучался южанин, не особенно похожий на южанина — слуга проклятого Горто, но тот, кто затягивал подпругу на боку огромного вороного, явно был кем-то другим. Неужели Хендрик? Вряд ли. Поднять его с постели может сейчас только одно средство, а у этой шавки Сольге его нет. Кто-то из слуг этой предательницы Уллы? Возможно. Но зачем тогда этот человек прячет лицо?

Рискуя упасть, наблюдатель наклонился вперёд, чтобы рассмотреть незнакомца. Тщетно. Слишком далеко, слишком высоко, слишком яркий свет. Да и... Куда они денутся? Все ворота заперты и охраняются верными людьми, а Врата Альез... Что ж пусть попробуют пробиться. Наблюдатель зло рассмеялся: «Давай, Сольге, дай мне повод и возможность навсегда от тебя избавиться. Лучшего дара от тебя и пожелать невозможно».

Незнакомец помог Сольге сесть в седло, одной рукой закинул на спину лошади Янкеля и почти без усилий вскочил на вороного. Наблюдатель ухмылялся в предвкушении. Всадники скрылись за стеной и вот-вот должны были показаться на другой её стороне, на дороге, ведущей к Вратам Альез.

Но... Не показались.

Такого просто не могло быть. Минуты шли, но никто не появлялся ни по эту сторону стены, ни по ту. Наблюдатель зашипел, то ли от ярости, то ли от боли — по подбородку стекла тоненькая струйка крови из прокушенной губы. Было понятно, что мерзавка снова избежала расплаты. С помощью ли тайного хода или какого-то невозможного колдовства, но избежала. Наблюдатель изо всей силы сжал окровавленный платок, представляя на его месте горло Сольге, и вдруг успокоился. Пусть бежит. Это ничего. Это даже лучше — не будет мешаться под ногами. Тем более, что уже никто и ничего не сможет изменить. Осталось совсем немного времени, скоро всё случится... Уже совсем скоро.

Наблюдатель довольно улыбнулся. Если бы кто-нибудь сейчас видел эту улыбку, то наверняка решил бы, что гримаса ярости на этом же лице была куда добрее и милосерднее, чем эта радость.

Взметнулся красный подол, приоткрыв белые нижние юбки, расписанные голубым и зелёным орнаментом, забормотали под каблуками ступени лестницы. Башня опустела.

Деревня, в которой Дэгри оставил своего господина, обнаружилась довольно быстро: по какому-то совершенно невероятному везению это была та самая деревня, в которой Сольге, Янкель, Шо-Рэй и Доопти останавливались на пути в Октльхейн. Та самая, что стояла у развилки между торговым путём и лесной дорогой.

Добраться до неё, правда, удалось не сразу. Впервые с невесть каких времён заело дверь тайного хода. Откуда было знать Сольге, что старый страж стал одним из тех, кто не пережил Время Сестёр. И теперь слепой мальчик, уже назначенный ему в ученики, останется на попечении сердобольной хозяйки привратного трактира. Если бы не Шо-Рэй, так и пришлось бы возвращаться обратно, а то и навсегда остаться в стенах Октльхейна.

От Ворот юнлейнов до деревни было всего несколько часов дороги. Теперь же пришлось останавливаться на один большой привал и ещё несколько раз у колодцев и уцелевших водоёмов — берегли лошадей.

Тень от Глаз Рийин уже не была видна даже зоркому глазу мага, так что сказать, сколько времени занял путь, было почти невозможно. Слишком долго.

Можно было бы подумать, что с прошлого раза деревня не сильно изменилась. Улицы были, как и в прошлый раз, пустынно — всё живое скрывалось в тени, отлёживалось в подвалах и погребях. Только нет-нет, а мелькнёт в приоткрытых ставнях подозрительный взгляд, звякнет металл о металл, шепотки тревожные послышатся. Жутко. Вроде живая деревня, а вроде и нет. Чем думала Байвин, открывая городские ворота? Разве что о драгоценных своих пти-хаш, но никак уж не об октльхейнцах.

Ближе к центру деревни подозрительных взглядов становилось всё больше, позвякивания — всё громче. А обернувшись, Сольге увидела, что теперь они на улице не одни — то тут, то там из домов показывались жители, всё больше хмурые мужчины, с тем самым, что металлом позвякивало за приоткрытыми ставнями, в руках.

Вскоре сдвинуться с места, не задев кого-нибудь из жителей, стало почти невозможно. И кольцо было неплотным, и стояли поодаль, а вот чтоб проехать дальше — так никак.

— Держи спину ровно, Сольге, не забывай, что ты принцесса. Не давай повода думать, что ты их боишься. Ты — сила, — тихо проговорил Шо-Рэй и едва заметно скривился: Янкель озирался, как заяц на псарне, и мага бы не услышал. Сам Шо-Рэй сохранял спокойствие и выглядел почти безмятежным, если бы не острый внимательный взгляд, охлаждающий пыл особо ретивых.

— Люди должны понять, что мы не опасны для них, иначе они нападут, — возразила Сольге, и маг фыркнул:

— Пусть лучше думают, что опасны, тогда точно не станут нападать. Во имя Неба и Сестёр, Сольге! Как король вообще подпустил тебя к посланникам?

— Это не посланники, это просто крестьяне.

— Какая разница? Люди — они и есть люди.

— Но...

Кряжистый суровый мужик с молотом в руках, кузнец, наверное, устав прислушиваться к тихому спору, мрачно сплюнул и прогудел:

— Чего надо вам здесь, путнички?

— Лекаря ищем, — беззаботно ответил Шо-Рэй, не дав заговорить Сольге.

— Зачем? — мужик нахмурился ещё больше, кольцо жителей стало плотнее и уже.

— Да вот, парнишка приболел, — кивнул маг на Янкеля. Больным тот, конечно, не выглядел, хотя вид имел не особенно здоровый. О чём и поведал кряжистый мужик, похожий на кузнеца:

— Так в порядке с ним всё, вроде...

Кольцо сжалось еще немного.

— Так это ты лекарь, добрый человек! — обрадовался Шо-Рэй и заулыбался так, что собеседник его крепче перехватил молот. Что-то не то говорил маг, как-то не так смотрел. Заигрался.

— Хватит! — возглас Сольге погасил затлевшую было ссору и отогнал жителей на несколько шагов назад, как раньше стояли. Она соскочила с лошади и подошла к то ли кузнецу, то ли лекарю.

— Мы ищем одного господина, своего друга. Он был ранен, и его слуга оставил его в вашей деревне, на попечении лекаря.

Кузнец, да, всё-таки, кузнец, поставил, почти уронил, молот на землю и неожиданно шмыгнул носом:

— Так это... Нет его больше.

— А где он? — голос Сольге звенел струной.

Кузнец снова нахмурился, отвёл глаза. Кольцо людей загудело тихонько, тревожно и как будто виновато, поредело, взгляды забежали. Шо-Рэй и Янкель переглянулись.

— Так это... Помер.

— Как?! — струна натянулась и лопнула. — Как... — прошептала Сольге.

Янкель соскочил с седла быстрее мага, встал рядом с ней и взял за руку. Зазвенела новая струна.

— Как это случилось?

Глядя на бледного Янкеля, на помертвевшую Сольге, на Шо-Рэя, мигом растерявшего всю беззаботность и браваду, кузнец и сам поник:

— Это вам к лекаревой тёще надо. Они там расскажут... Мы-то чего? Мы только потом вот... Помогли... Эй, Кипли, проводи господ путников, куда надо!

Смешной конопатый парнишка соскочил с крыши сарая, откуда наблюдал за происходящим, и раскланялся:

— Прошу, госпожа, господин и господин, я всё покажу.

Кузнецово «кхы-кхы» мигом сдуло с него все напускные манеры и придало ускорения.

— Жена-то лекаря родами померла, — рассказывал Кипли Янкелю, выбрав того в собеседники, видимо, как самого близкого возрасту. — Вот. И девчушка, дочка, значит, у него осталась. Не спас, значит, лекарь жену свою. И решил уйти, мол, виноват, людям и матери ейной — тёще своей — в глаза, мол, смотреть не может. А тёща и говорит: мол, дочку мою не спас — будешь мне теперь заместо сына, чтоб одной в старости не быть. Или это она его гнала, а он решил заместо сына быть? Хм... Ну неважно. Девчушка-то, дочка и внучка, значит, осталась же. Вот они её на два дома и вырастили. То у бабки живет, то у отца. Красивая! Я б на ней женился, но дядька — вы с ним говорили — сказал, что ноги повьдёргивает. Девчонка и так сирота, ещё меня, бездельника, ей не хватало. А я чего? Я-то очень даже ничего сам по себе. А, вот их дом же. Тёщи лекаревой.

Кипли похлопал Янкеля по плечу: смотри, мол, я же показываю, вот — и завопил:

— Эй! Эй! Хозяева! Дядька велел к вам гостей вести: они про покойничка вашего спрашивают.

Увернулся от старого, дырявого сапога, летящего ему в голову, скорчил рожу и учесал по своим бездельничьим делам, оставив путников наедине с хозяевами. Почти такими, как рассказывал Дэгри: крепкая тётка, правда, сейчас молчаливая и совсем не ехидная, сухощавый мужчина и совсем юная девушка, чуть моложе Янкеля, о которой слуга Горто не упоминал.

— Вот здесь он вот лежал, друг ваш, — хозяйка держалась настороженно, несмотря на все заверения, что за смерть Горто ни ей, ни её семье ничего не грозит, — с ножиком красивым в груди.

— С кинжалом, — перебил ее зять. — Он, госпожа, со дня на день должен был уже встать. Я хорошо его лечил. И если бы не свет и жара эти проклятые, может, и потом бы...

Но без пригляда Рийин... не смог.

Лекарь вздохнул и тихонько, чтобы никто не слышал, добавил:

— Опять...

Но его слышали. Тёща нахмурилась и сказала твёрдо:

— И думать забудь. Нет твоей вины. Ни в этот раз, ни в этот. Есть такие дела, когда без помощи Сестёр ни один человек сил своих превзойти не сможет. Что ты мог сделать, если даже взгляд Рийин не пробился сквозь те тучи? И сейчас всё так же. Верно я говорю, госпожа?

Сольге кивнула молча. Даже если и можно было спасти Горто, то что теперь? Рийин ли тому виной или недостаток умения лекаря — посланника больше нет.

— Когда это случилось? — тихо спросила она.

Хозяйка задумалась.

— Как вот сказать теперь? Дни-то не считаем. Давненько, вскоре после того, как слуга этого господина пропал. Лошадей-то оставил, а сам исчез, как не было. Может тоже, того... А может и он господина, а?

— За помощью он пошёл, — подал голос Янкель. — А то как бы мы вас нашли?

— И то верно, — согласилась хозяйка. — Наши-то переполошились все, конечно. Всей деревней убивца искали, того ли, другого кого — ни следа, ничего. На своих не думали, конечно: ножик, кинжал этот, вон дорогуций какой. Не нашли никого, а покоя нет теперь: то ли убивец вернётся, то ли господина разыскивать станут... Ох, а лошади-то теперь как?

— Одну мы заберём — вернём семье, а вторую себе оставьте. За беспокойство, — поспешно перебила её Сольге. — Скажите, а где... Где вы его похоронили?

Лекарь с тёщей переглянулись, смутились.

— Простите, госпожа, в такую жару опасно держать тело без ледника, мало ли... Мы сожгли его, а прах сохранили вот, — лекарь показал на небольшой сундучок из-под лекарственных флакончиков, — вдруг бы слуга вернулся. Или вот вы приехали.

— Спасибо, — Сольге захотелось расплакаться прямо здесь, но рано, рано, нужно было держаться.

— Хороший был господин, — вздохнула лекарева тёща, — уважительный такой. Иностранец, наверное?

— Тарандолец, — сказала Сольге.

— Шпион, значит, ага, тарандольский, — понимающе кивнула хозяйка, — как зять мой. Лекарь не удержался, цыкнул и закатил глаза. Сольге стало смешно и горько, хотелось уже не просто плакать, а рыдать, выть, проклинать небо, Сестёр и весь мир разом.

— Сольге, — тихо позвал её Шо-Рэй, до сих пор молчавший. Она не ответила.

— Сольге, — повторил он громче.

— Что «Сольге»? — рявкнула она неожиданно даже для себя. — Что? Держать спину? Помнить, что я принцесса?

Маг кивнул в сторону двери. Там переминалась с ноги на ногу дочь лекаря, словно что-то знала, но не решалась сказать. А услышав имя она и вовсе перепугалась.

— Ты ведь что-то видела? — мягко спросил её Шо-Рэй. — Расскажи нам, пожалуйста.

Хозяйка дома дёрнулась было к ней, но и её собственный зять, и маг глянули на неё так, что бойкая тётка осеклась и осталась на месте. Девушка смутилась окончательно, смешалась и расплакалась.

Оказалось, что вскоре после исчезновения Дэгри, возле дома лекаря, что стоял на самой

окраине деревни, появился незнакомец. Очень красивый незнакомец. Он был милым и обходительным. И нуждался в помощи — на руке его был глубокий порез.

— Вот, — сказал незнакомец и показал на ножны, — слишком острый кинжал.

Много ли нужно юной неискушённой девушке, чтобы её очаровать? Ох, совсем немного. Смущаясь и краснея, дочка лекаря рассказала, что отец её ушёл к раненому в деревню. И, если добрый господин подождёт, она проводит его. Но если торопится, то сама наложит повязку.

Конечно же, незнакомец торопился. Пока дочь лекаря обрабатывала рану и перевязывала его, он развлекал её разговорами. Задавал вопросы. Иногда. Но как-то так получилось, что девушка выложила ему всё. И про гостя в доме бабушки, и про исчезнувшего слугу. А потом, когда Горто нашли с кинжалом в груди, рукоять узнала и до смерти перепугалась — получается, это она указала путь убийце.

Рыдающую девушку утешали все. Кроме Сольге. Горе от потери вдруг обернулось в ней яростью против дочки лекаря: это она виновата. Она! Болтливая дурочка, деревенщина! Сольге изо всех сил сжала... чью-то руку. Янкель.

— Не надо, Сольге, — тихо сказал он, — девочка ни при чем. Авис мог узнать и иначе.

Ярость утихла. Не сразу. Но прохладная рука Янкеля не давала ей разгуляться, стискивала, успокаивала, выжимала до слёз.

— Ваше имя Сольге, госпожа? — робко спросила девушка. — Господин сказал... он ещё жил немного и сказал... Он сказал: «Передайте Сольге: есть четвёртая. Четвёртая». И ещё «Никому не верьте».

Возвращались не спеша. Куда было теперь торопиться? Сольге ехала впереди. Она то заливалась слезами, то мрачно молчала, погруженная в своё горе. Янкель вёл на поводу лошадь Горто, но она и его собственная лошадь были, в основном, предоставлены сами себе. «Четвёртая, четвёртая... Что значит четвёртая?» — бормотал он под нос. Шо-Рэй может быть и рад был бы поразмыслить о чём-то о своём или попечалиться, но ему нужно было следить за Сольге, Янкелем и тем, что происходило вокруг.

А вокруг были следы. Много следов, словно жители целого города решили вдруг сменить место жительства и отправились в путь. И не одного города, а нескольких. Или это были армии? Те армии, о которых Сольге читала в письмах? Интересно...

Сольге, да и все остальные, даже не заметили, как выбрали для возвращения короткую дорогу. Ту, которой они сначала приехали в Октльхейн после своего путешествия. Ту, что занимала не дни, а часы. Ту, что вела к Воротам Юнлейнов. И эти ворота были открыты.

Тишина и разгром — вот, чем встретил путников Октльхейн. То ли было внезапное нападение, то ли, не дожидаясь его, жители в спешке покинули замок. Ни пти-хаш, ни вездесущих дворовых мальчишек, ни слуг, спешно перебегающих от тени к тени, чтобы не попасться на глаза южанам. Никого. Только мусор, старые тряпки, разбитые горшки, обрывки палаток.

И это было ещё не самое странное. Все двери, кроме одной, были распахнуты настежь. И только дверь Детского крыла была выломана, разнесена в щепки, словно тот, кто её ломал пребывал в дичайшей ярости. И выломана она была изнутри.

— Хендрик! Доопти! — разом воскликнули Сольге и Янкель и бросились к тому, что ещё недавно было дверью. Шо-Рэй не успел их остановить да и не старался. Вместо этого он

внимательно огляделся и направился туда, куда магу бы вообще не следовало ходить — к королевским покоем.

Комната Сольге была пуста. Не было ни Хендрика, ни охранявших его слуг. Вторые, впрочем, вскоре обнаружились — связанные и без сознания, зато с крепкими, налившимися шишками на головах. Здесь же были и обе няньки Доопти, тоже связанные и с кляпами. Вынуть кляпы не представлялось возможным — обе женщины начинали истерически вопить, не отвечая на вопросы и не говоря ничего, кроме «Ох, что же это такое?» или «Ох-ох-ох!» и подывая, почти как их недавняя подопечная.

— Её нигде нет, — встревоженно сообщил Янкель, — и вот...

Он показал на свой рабочий стол, разбитый в щепки, как и входная дверь. Бумаги-то Янкель спрятал в комнате мага, но увы, она тоже пострадала — всё, что в ней было, выгорело дотла вместе с книгами и записями Янкеля. Только полузадохнувшийся голубь-дракон, услышав знакомые голоса, упал откуда-то из-за недогоревшей балки, закружился на месте, забил крыльями и вылетел в раскрытую дверь.

— Что здесь произошло? — Сольге растерялась и словно оцепенела. Надо было что-то делать, идти, проверять, искать следы, но в голове её был только шум и ни одной мысли.

Шаги мага в окружающей тишине почти гремели. Он пришёл не один: под руку Шо-Рэй вёл спотыкающуюся наложницу короля.

— Ийрим! — Сольге бросилась к ней, обняла. — Что здесь произошло?

Вместо ответа Ийрим заголосила, как две няньки незадолго до этого. Одной быстрой пощёчиной Шо-Рэй прервал этот вопль. Ийрим на мгновение затихла, потом рот её некрасиво искривился, руки задрожали, но одного взгляда и поднятой брови мага хватило, чтобы истерика не повторилась.

— Они ушли, Сольге, они все ушли! — всхлипнула наложница короля. — Это было так страшно...

С чего всё началось, Ийрим не видела. Услышав шум, ругань, она сперва подумала, что южане что-то не поделили.

Похоже, что так оно и было. Ийрим выглянула в окно и увидела как несколько мужчин, около десятка, наверное, или чуть больше, загоняют остальных в повозки. И, казалось, большинство тех, кого загоняли, ехать никуда не хотели. Их били, швыряли, заталкивали. Всех: женщин, детей, стариков. Похоже, пти-хаш собирались, наконец-то, покинуть Октльхейн.

Ийрим от души пожелала удачи тем южанам, кто разгонял людей по повозкам, и вернулась к рукоделию. С тех пор, как она слышала, что Толфред намерен жениться на ней после ухода Сестёр, Ийрим только и думала, что о платье для церемонии. Очень уж ей хотелось затмить всех благородных дам, особенно, Байвин.

В своих мечтах Ийрим и не заметила, как шум во дворе замка сменился пением. Она снова выглянула в окно.

Двор словно ждал большого праздника. Помост с тронном, флаги. Мусор, правда, после отъезда пти-хаш — а их, как раз, почти и не было — никто не убрал. Недалеко от помоста был разложен огромный костёр. Ийрим вздрогнула: последняя казнь на костре случилась в Октльхейне ещё до её рождения, но всегда есть любители рассказать историю-другую и так, чтоб в красках, с мелочами.

Пели женщины из свиты Байвин. Они стояли вокруг костра в своих белых одеждах,

расписанных голубыми и зелёными узорами и протягивали руки к костру, а потом к небу. О чём была их песня, Ийрим не понимала. На помост поднялась Байвин, в облачении, подходящем, скорее, для коронации, чем для казни. Её голос влился в общий хор и, к своему удивлению, вскоре Ийрим начала различать слова песни. Это были имена. Многие из них она знала, какие-то слышала. Они повторялись снова и снова, словно женщины, поющие свою странную песню, звали куда-то тех, чьи имена были названы.

Костёр разгорался всё сильнее, всё ярче, пламя бледнело, из оранжевого становилось жёлтым, потом зелёным с голубыми всполохами, и вдруг взорвалось бесчисленным множеством птиц. Тех самых птиц, с женскими лицами, что ещё не так давно мучили Октльхейн. Всё вокруг стало зелёно-голубым, живым, движущимся — стены, крыши, помост, даже трон. Затихла песня женщин у костра, мгновение тишины — и вот оно уже разбито птичьей трелью. Ийрим заткнула уши, но звук не стал тише. Песня летела, звала, выворачивала наизнанку, оглушала. Ийрим лишилась чувств.

То, что короля в комнате нет, она поняла не сразу. Собственно, только тогда, когда своими глазами увидела его во дворе у помоста, садящегося в седло. В первое мгновение Ийрим решила, что она спит. Несколько болезненных щипков развеяли сомнения, но что происходит, понятнее не стало. Тем более, что Толфред был не один. Его окружали лучшие воины. Те, что должны были, как и сам король, лежать в своих постелях без сил. Сёстры-то продолжали обжигать землю своими лучами. Что же произошло?

У дверей Ийрим споткнулась о тела стражников. Одному размозжили голову, второго зарубили. Кто и за что? Она охнула и бросилась ну улицу.

Король в полном парадном облачении замер, глядя на Ворота юнлейнов. Ийрим схватилась за стремя, но Толфред даже не вздрогнул. Как и все остальные, кто его окружал. Каждый из воинов смотрел в сторону ворот. Ийрим металась между лошадиных копыт, звала, но ни один не повернул головы.

Она хотела спросить у Байвин, но той на площади уже не было, как и всей её свиты. Оставалась Сольге. О том, что её в замке нет, Ийрим, конечно же, не знала, да и бежать, если честно, было больше не к кому. Но в Детское крыло она так и не попала.

— Ох, Сольге, я ведь даже не заметила, что эти твари, птицы, никуда не делись. Стоило мне только отойти от лошадей, как они бросились на меня. Вопили, царапали когтями, били крыльями, кажется, даже кусались. Я спряталась под помост. Хотя, может, так даже лучше. Твою дверь ломали два южанина: один такой злой, всё скалился, и другой — толстый, он раньше у Врат Альез стоял. Только вот ничего у них не получалось.

«Ещё бы! — подумала Сольге. — Слугам Уллы было настрого приказано запереться на все засовы и не пускать никого, кроме меня и Янкеля».

— Они так кричали и ругались, — продолжала Ийрим, — пытались выбить дверь, даже, кажется, поджечь, но всё зря. Уж не знаю, кто им приказал, но вдруг они отошли. И снова запели птицы. Так нежно-нежно. А потом раздался удар, потом ещё и ещё, как будто кто-то рубил дверь изнутри. Он и рубил. Хендрик. Когда от двери остались одни щепки, он замер на пороге.

— Откуда у Хендрика топор? Охрана же была с дубинами, — шёпотом спросил Шо-Рэй у Янкеля.

— Улла велела принести, на всякий случай, — так же тихо ответил тот и обратился к Ийрим:

— А девочка, госпожа Ийрим? Там была девочка?

Та покачала головой. В этот момент Ййрим не повезло — её заметили. То ли шевельнулась она слишком резко, то ли птицы выдали, но злой южанин вытащил её из-под помоста и поволок прочь. От ужаса Ййрим снова лишилась чувств. Очнулась в какой-то камерке, где её, связанную, но невредимую, и нашёл Шо-Рэй.

— Где их теперь искать? — растерянно проговорила Сольге. — И зачем они вообще...

— Давай сначала разберёмся с «где», принцесса, — перебил её маг. — Благо, следов у нас достаточно.

— Согласна. Ийрим, ты...

— Я поеду с вами, — заявила наложница короля и только что не вцепилась в руку Сольге.

— Нет! Кто-то должен остаться здесь.

— Да! — крикнула Ийрим и расплакалась. — Позволь мне поехать, Сольге. Я не ради того, чтобы королевой... Я ведь люблю его, Толфреда...

Шо-Рэй закатил глаза, Сольге фыркнула — теряли время. Как давно ушла армия Октльхейна во главе с королём, Ийрим сказать не смогла — не знала — но что-то кричало внутри, что нужно торопиться. Янкель сходил в Детское крыло и привёл сначала одну няньку Доопти, потом другую. Парой коротких пощёчин маг излечил их от истерики — у него это неплохо получалось — и велел найти Уллу. Уж она разберётся, что нужно делать, и за порядком присмотрит.

Потом ждали, пока Ийрим заберётся на лошадь посланника Горто. Зрелище было жалкое — верхом возможная будущая королева ездить не умела. Выругавшись под нос, Шо-Рэй схватил её за руку, затянул на вороного позади себя и поморщился — Ийрим вцепилась в него так, что стало трудно дышать.

Спрятать одну армию, наверное, можно. Спрятать армии всех известных государств разом — дело невыполнимое. На первый лагерь путники наткнулись спустя всего пару часов пути.

Откуда пришли эти темнокожие воины в ярких цветных одеждах, не мог сказать никто. Разглядывали их издали — мало ли. Но, как вскоре оказалось, бояться было нечего.

Следующий лагерь сперва никто не заметил. Низкорослые полуголые воины, вооружённые короткими копьями и дубинками, почти затерялись в зарослях кустарника. Лошадь Янкеля шарахнулась, чуть не наступив на одного, стоящего с краю. Шо-Рэй выхватил нож. Ничего. Человечек даже не двинулся.

— Интересно, — сказал Янкель, быстро проверив лагерь, — они все словно застыли. И смотрят в одну и ту же сторону.

— Как Толфред и все наши воины, — всхлипнула Ийрим.

То же самое было в следующем лагере, и в следующем, и в следующем...

Странные это были лагеря. Ни костров с булькающими над огнём котелками, ни палаток, ни воинов, собравшихся кружком, чтобы потравить байки да похвастаться подвигами. И тихо. Было очень тихо. Только странный, едва слышный шумящий звук.

— Они дышат, — прошептала Сольге, — прислушайтесь...

И правда, все воины дышали одновременно, словно по приказу — вдох-выдох, вдох-выдох... Это было так жутко.

— А вы заметили, что среди этих людей нет ни одного военачальника или правителя? — спросил Шо-Рэй после того, как они проехали очередной лагерь — в этот раз было вполне себе знакомое войско Раймини. — Что говорит тебе на это твоё чутье ищейки,

Янкель?

— Чутье молчит, но здравый смысл подсказывает, что ответ мы узнаем, если поедем в том направлении, куда смотрят все эти воины, — откликнулся тот.

С каждым новым лагерем продвигаться вперёд становилось всё сложнее. Если сначала лошади, хоть и косились на замершие фигуры, но легко проходили между ними, то чем дальше, тем плотнее стояли люди, и сдвинуть с места хотя бы одного было почти невозможно. «Колдовство, злое колдовство», — беспрестанно повторяла Ийрим, и Шо-Рэй, хоть и раздражённо морщился, но склонен был согласиться с королевской наложницей. И дыхание. Одновременный вдох и выдох тысяч и тысяч статуй в неподвижной тишине леса наводил ужас, нагонял дрожь. Если сначала путники старательно объезжали замерших людей, опасаясь задеть или растоптать, то вскоре церемониться перестали и обращали внимания на воинов не больше, чем на кусты и деревья.

Люди стояли всё плотнее. Пришлось бросить лошадей, потому что пробиваться верхом сквозь этот строй было всё равно, что пытаться пройти сквозь камень.

Янкель никак не мог найти подходящую привязь.

— Не стоит. Варшиму позаботится о них, — сказал ему Шо-Рэй, потрепал гриву своего вороного, что-то прошептал ему на ухо и повернулся к спутникам — Идём.

Границы между разными армиями стёрлись, ряды смешались. Воины стояли вперемешку, но так плотно, что иной раз было проще пробиться сквозь колючий кустарник, чем просочиться между двумя людьми.

Первым шёл Шо-Рэй, как самый рослый и сильный, за ним — Сольге и вцепившаяся в её руку Ийрим, Янкель замыкал этот отряд, ругаясь себе под нос, но при этом не забывая поглядывать по сторонам — возможно, однажды ему придётся описать это приключение во всех подробностях. Слишком уж много бедствий принесли тайны и умалчивания об истории этого мира.

— Прости меня, Сольге, — пропыхтела Ийрим, пробираясь между двумя крепкими северянами.

— За что? — разговаривать не хотелось, но мало ли, что ещё могла вспомнить эта девица.

— Я рассказывала про тебя Байвин. Подслушивала и рассказывала. И про ваше путешествие, и про поиски... Только про него, — Ийрим кивнула на мага, — не сказала.

— И как долго? — Сольге задохнулась и остановилась.

— Пока она... Ну, пока она не приказала тебя... выпороть... С тех пор я ни слова, правда, ни слова...

— Дура! — стряхнув в ярости руку Ийрим, Сольге рванулась вперёд, обгоняя Шо-Рэя. — Дура! Дура! Дура!

Она резко остановилась и обернулась:

— Почему? Чего тебе не хватало?

Ийрим давилась слезами:

— Она обещала выкинуть меня из замка. Или даже продать... А я... я... Как я без Толфреда? Я же его люблю, как я без него?

Сольге молчала. Любит. Она его любит. А Горто, возможно, остался бы жив, если бы кто-то не трепал своим языком. Да и мало ли, что могло пойти иначе, если бы... А теперь Толфред, Хендрик, даже эта дурочка Доопти, раз уж та она дорога Янкелю, где они теперь?

Что с ними?

Под руку Сольге попалась рукоять ножа стоящего рядом северянина. Один шаг, один взмах — и может быть станет легче? Не так больно?

— Не надо, — Сольге вздрогнула. Ладонь мага мягко легла на её запястье. — Не надо, это уже ничего не изменит. Будет только больнее, поверь мне.

Рука разжалась, нож выпал и проткнул сапог собственного хозяина — тот даже не шевельнулся.

Лес из воинов закончился внезапно. Только что было сложно сделать даже маленький шаг, и вот уже перед глазами обычный лес с редким подлеском. И...

— Этого не может быть! — воскликнул Янкель и испуганно прикрыл рот рукой — слишком уж громко прозвучали его слова.

Место оказалось знакомым. Это была та самая гора, у подножья которой они ночевали после бегства от убийственного заклятия Чьифа, правда, немного с другой стороны. Удивился Янкель, конечно, не этому.

Краски леса вокруг были чистыми, не разбавленными пурпуром Сестёр. Листья и трава были зелёными, небо — голубым, и на нём никаких следов Сестёр, даже Глаз Рийин. Ветра не было, но не было и той изматывающей жары, что царила за пределами этого места. Хотелось лечь на траву и забыть обо всём, никого не искать, никого на спасать, ни о чём не думать. И всё же, жизни в этом месте было не больше, чем в картине или гобелене. Гора, деревья, травы, само небо — всё казалось неживым, ненастоящим.

Послышались голоса. Спрятавшись за неподвижными воинами и заткнув рот, всхлипывающей Ийрим, путники пошли туда, откуда они доносились. Оказалось, что застывшие воины кольцом охватывают гору, и все их взгляды обращены именно к ней. А между горой и воинами располагались...

— Пти-хаш, — прошептал Шо-Рэй.

Да, это были они. Большинство, как воины, замерли, обратив свои взоры на гору, все они были в белых одеждах, многие — покрыты синяками и свежими ранами. Другие, те что носили одежду с зелёно-голубым орнаментом, расхаживали вокруг них, смеялись.

— Вот этот меня запер, — показала Ийрим на самого весёлого и злого. Узнала его и Сольге — это он куражился над ней по приказу Байвин, его кнут оставил память на её спине. Рядом переглянулись маг и Янкель: и взгляды эти не сулили южанину долгой жизни.

Будущий покойник чему-то загоготал, пнул замершего рядом старика, того самого, что помогал снять Сольге со столба. Янкель скрипнул зубами, и жизнь южанина сократилась ещё на немного.

Там, за лагерем пти-хаш, было что-то важное, на что были обращены взгляды застывших людей.

— Обойдём их по верху, — не шепнул, а почти выдохнул Шо-Рэй.

Скрываясь за низким кустарником, прячась за стволами деревьев, где бегом, где ползком, они поднялись по склону туда, где их уже не могли увидеть. И всё же чуть не попались. Один раз из-за неуклюжести Ийрим, второй — из-за плаща мага, с которым он так до сих пор и не расставался. Сейчас же помеха с тихими ругательствами была скомкана и убрана в дорожную сумку. Хотели бы Сольге и Ийрим так же поступить со своими юбками.

— А вот и правители с военачальниками, — сказал Янкель, показывая вниз.

У подножья горы, напротив пещеры, так испугавшей путешественников в прошлый раз,

ровным полукругом выстроились короли, властители, правители, князья, султаны и вожди. За их спинами — маршалы, генералы, воеводы, командиры. Ещё дальше — Щиты Чьифа и старшие маги. Кто-то, выстроивший всех их в таком порядке, решил, видимо, что посвящённые Викейру не достойны стоять рядом с правителями. Шо-Рэй зло ухмыльнулся, глядя на них:

— А ведь я мог стоять сейчас рядом с ними. И в этом я тоже твой должник, Сольге.

Он хотел добавить что-то ещё, но в этот миг Ийрим сорвалась с места и понеслась вниз. А троим оставалось только вжаться в землю и замереть, надеясь, что их не заметят.

Пти-хаш, прохаживающиеся вокруг, сперва даже не поняли, что случилось. По склону горы неслась девушка с криком: «Толфред! Толфред! Я здесь!» Не замечая никого вокруг, она упала на колени перед королем Октльхейна и обняла его ноги. Сперва её попытались оттащить, но Ийрим кусалась и рычала, как медведица. В конце концов, её оставили в покое. А уж о том, чтобы проверить склон — нет ли там ещё какой-нибудь истеричной девицы — так это никому и в голову не пришло. То ли никого не ждали и не боялись, то ли не настолько это было и важно, что может появиться кто-то ещё.

Сольге вцепилась в руку Янкеля так крепко, что он охнул: если уж совсем по совести, то сама она едва удержалась, чтобы не броситься за Ийрим. И вовсе не за тем, чтобы её остановить.

Следом едва не потерял самообладание Шо-Рэй. Он не сводил глаз с человека, стоявшего самым первым, или последним — как посмотреть — в полукруге правителей. Невысокий, пухлый, с блестящей розовой лысиной, окружённой пушистыми белыми кудряшками, и при этом хищный, крючковатый нос и жёсткая складка губ. Король Мир-Махема, постаревший на многие годы, но не забытый несчастным изгоем.

— Видимо, не так уж оторвана от остального мира моя родина, — сказал маг. И горечи в его голосе было куда больше, чем иронии.

Под скалой-козырьком царила суета. Женщины пти-хаш в расписанных орнаментом юбках, увешанные зелёными и голубыми бусами, звенящие серьгами и браслетами, разводили костёр. Байвин в коронационном облачении, сложив руки на груди, небрежно обводила взглядом ряды правителей и магов, не сводивших глаз, нет, не с неё, с пещеры, но если подняться чуть повыше... Рядом с ней на подставке лежала корона Октльхейна

То и дело к ней подходила южанка-наперстница и что-то шептала на ухо. Байвин кивала, иногда усмехалась. Всё шло, как задумано. Принцесса знала об Ийрим, видела, как та стоит на коленях, пытаясь растормошить короля. Это ничего, пусть старается. Выкинуть её будет нетрудно, а пока... Пусть...

— Нужно подойти поближе, — Сольге рванулась вперёд.

— Куда? — прошипел Шо-Рэй, хватя её за подол платья. — Нас заметят.

— Я хочу видеть, что там происходит!

— Я тоже. А попасться — нет.

— Шо-Рэй!

— Сольге!

Препираясь, они не заметили, как Янкель юрким ужином проскользнул вверх и вперёд по склону и занял отличное место для наблюдения между деревьев и камней.

— Эй! — тихий оклик прервал перепалку, и не так ловко, как Янкель, но тоже вполне незаметно, маг и Сольге присоединились к нему.

Байвин махнула рукой, и женщины из её свиты выстроились кругом у костра. Начался знакомый ритуал. Женщины пели, пламя росло, меняло цвет на зелёный с голубыми всполохами, и вдруг песня прервалась. Птицы не появились.

Зато пятеро южан выкатили огромный барабан, за ними вышел здоровяк-южанин с колотушкой. Бам! Ударил он в барабан. Бам! Бам! Бам! Звук летел, отражался от скал и деревьев, смешивался с тем, что царил до него: бам! — вдох — бам! — выдох — бам-бам! — вдох-выдох.

Наперстница Байвин взяла корону, поднесла её к огню и, подняв руки повыше, бросила в самое сердце пламени. Искры, вполыхи — и огонь утих. Не погас, лишь присмирел на время. Его хватило, чтобы вытащить... корону? Чем бы ни было то, что держала в руках женщина пти-хаш, но от короны Октльхейна не осталось больше ничего. Не было тяжёлого золотого обода, не было тонкойковки узоров и зубцов, не горели светом Альез драгоценные камни. Позеленело золото, выщвели почти до бела камни, а вместо зубцов и узоров — два крыла по бокам.

— Слушайте, обманутые Сёстрами! Слушайте и радуйтесь! Ныне снято с вас бремя Альез, снято проклятье Викеюру, ибо Зелёная искра принесла радостную весть — грядёт Госпожа, идёт Утешительница обиженных и обделённых! И первый её дар вам, обманутые, — ваша Пти-най, Крыло госпожи, от моря и до снегов, от пустынь до горных хребтов, обнявшая землю. Служите же ей во имя Зелёной искры и Госпожи!

Южанка возложила новый венец на голову Байвин. Вспыхнули волосы, посыпались искры на платье. Но принцесса не проронила ни звука. Красный цвет на платье плыл, горел и таял, оставляя после себя зелень с голубыми переливами. Волосы сгорели, но даже и так Байвин была величественна и прекрасна. Пти-най, Крыло Госпожи, новая королева мира.

Она обернулась, словно точно знала, куда смотреть, встретила взглядом с Сольге и улыбнулась, спокойно и радостно. Так улыбаются те, кто знает, что путь уже пройден, цель достигнута, что всё получилось. Так улыбаются победители.

— Благослови же свое Крыло, свою Пти-най, о Госпожа! Даруй этому миру новую жизнь, новое счастье! — взвыла, тем временем южанка.

Ей вторили остальные. Летела песня, та, что раньше призывала птиц, гремел барабан: бам-бам! — вдох-выдох.

Из пещеры с шумом и гамом вырвалась стая птиц. Тех самых, зелёно-голубых, с женскими лицами. Они расселись по верхушкам деревьев и затихли.

Бам-бам! Вдох-выдох! Из пещеры вышла... Доопти. Она держала за руку Хендрика.

Южанка что-то ещё кричала. Но Сольге её уже не слушала. Ей нужно было туда, вытащить из всего этого дикого фарса брата, увести Хендрика.

— Не надо, — рука Шо-Рэя легла на плечо, останавливая. Снова. Другой рукой маг удерживал Янкеля, рвущегося к девчонке.

— Восславьте вашу Госпожу, обманутые! Склонитесь перед ней!

Птицы возопили громкой трелью, и все сильнейшие этого мира разом рухнули на колени. Не устояли даже верные пти-хаш. Бедняжку Ййрим так вовсе распластало по земле. Только Байвин не сдвинулась с места, и где-то там, за деревьями и камнями, боролись с песней ещё три человека. Стонал Янкель, упираясь руками в камень, гримасничая и скалясь от усилий, вцепился в дерево Шо-Рэй. И стояла Сольге, просто и прямо, словно никакой песни не было.

Птицы умолкли. Люди отдышались. Полилась новая песня. Тихая, нежная, обещающая.

Из пещеры на крепком постаменте по живому шевелящемуся ковру из птиц выехало огромное каменное яйцо, обугленное, словно неведомый великан пытался запечь его на костре. Доопти посмотрела на Хендрика, ласково улыбнулась и кивнула. Хендрик, и без того светящийся нежностью к странной девочке, просиял, достал из-за спины свой огромный боевой топор и изо всех сил опустил его на верхушку яйца.

Камень треснул, половинки распались, и изнутри хлынуло пламя, такое же зелёное, с голубыми всполохами, только ярче во много-много раз. И прямо на голову Байвин. Пти-най вспыхнула и исчезла. Следом за ней пропала в огне вся её свита. А пламя ползло дальше. Птицы с макушек деревьев с последней песней кидались в него, и огонь разгорался ещё сильнее.

С птицами сгнуло и зачарование. Короли, маги, воины очнулись и увидели у своих ног смерть. Кто-то попытался бежать в панике, кто-то остался на месте, то ли остолбенев от страха, то ли смирившись с судьбой.

Из своего укрытия Сольге видела, как Толфред пришёл в себя, увидел Ийрим, ползущее пламя, крепко обнял свою возлюбленную, и они вместе шагнули навстречу огню. Сольге закричала.

Пламя ползло дальше, оставляя за собой не пепелище, а мутное молочно-белое ничто. Люди разбежались с криками и рыданиями, тщетно пытаясь спастись от неизбежного.

И только Хендрик по-прежнему не сводил глаз с Доопти. Словно услышав крик Сольге девочка довольно улыбнулась и, смеясь, толкнула молодого воина со скалы. Только когда его коснулись языки огня, Хендрик пришёл в себя. Страх не было. «Сольге!» — успел прошептать он и рассыпался пеплом.

Сил не осталось. Сольге опустилась на землю, оглушённая и убитая. Она не видела, как Доопти, расхохотавшись ещё громче, разбежалась и, стараясь не коснуться пламени, прыгнула в мутное, молочно-белое ничто. Не слышала, как закричал Янкель, отчаянно, горько и зло. Не заметила, что зелёно-голубое пламя пока ещё почти не тронуло саму гору и скалу-козырёк, только плескалось, как морские волны у прибрежных скал.

Зато это заметил Шо-Рэй, показал Янкелю и начал тормошить Сольге:

— Надо идти, Сольге! Надо спастись! Ну же!

Там, где остановилось время, было хорошо. Не долетел до огня Хендрик, не сделал свой последний шаг Толфред, потому что там не было потом, там было только сейчас. Всегда только сейчас. Сольге очень хотелось там остаться.

Но её опять дёргали, опять тормошили.

— Бежим, Сольге, бежим! Приди в себя! — тщетно звал её Шо-Рэй.

Очнуться заставил крик Янкеля. Пламя, обойдя гору, подкралось с другой стороны и уже жадно глотало лес у её подножья, резво пробираясь выше и выше.

«Янкель!» — подумала Сольге и вздрогнула. Потерять ещё и его? Нет! Она вскочила на ноги и бросилась к помощнику.

— Наконец-то! — выдохнул Шо-Рэй, схватил Сольге за руку и потянул дальше, туда, где стояло яйцо, всё ещё изливающее пламя.

Они замерли на краю.

— Нам нужно туда, Сольге.

— Нет, мы погибнем!

— Не погибнем. Девчонка прыгнула, не думаю, что она хотела себе навредить.

Пожалуйста, Сольге!

— А как же другие?!

— Нет никаких других больше! Нет! — маг закричал, отчаявшись убедить её хоть в чём-то.

Сольге молчала. Пока Шо-Рэй искал ещё какие-нибудь слова, чтобы убедить её, Янкелю разбежался и прыгнул. Раз — и нет ни Янкеля, ни пепла — ничего.

— Нет!

Шо-Рэй схватил её за плечи и сильно потряхнул:

— Очнись, Сольге! Послушай, ты веришь Янкелю? — она кивнула. — А мне веришь? Сольге, ты мне веришь?

— Верю.

— Дай мне руку, принцесса. Дай мне руку и постарайся не коснуться пламени.

Раз — и никого. Зелёно-голубое пламя хищным зверем заскочило на скалу и разочарованно закружилось на месте. Пусто. Никого не осталось.

Мутное, молочно-белое ничто клубилось вокруг, но стоило сделать шаг, как оно сгущалось под ногами и превращалось в дорогу.

Янкель, ещё не до конца пришедший в себя после прыжка, огляделся. Где-то вдалеке мелькала маленькая фигурка, оставляя после себя узкую тропинку.

— Доопти! Стой! — закричал Янкель и бросился следом.

— Не думаю, что стоит оставлять его без присмотра, — покачал головой Шо-Рэй. — Лучше бы нам всем держаться вместе.

Сольге кивнула. Перед глазами ещё стояли короткий триумф Байвин, гибель Толфреда и Ийрим, падение Хендрика, собственный прыжок... Было больно думать и вспоминать, трудно дышать и совершенно невозможно представить, что делать дальше.

— Идём, — маг обнял её за плечи и повёл по следам Янкеля.

Дорога становилась всё шире, из белой пустоты выступали неясные очертания каких-то неизвестных предметов и снова терялись в ней.

Казалось, что потерять Янкеля из виду будет непросто — где там прятаться в этой пустоте — но если бы не следы, то так бы и бродили в молочно-белом ничто отдельно Янкель, отдельно Сольге и Шо-Рэй.

Янкеля нагнали случайно и внезапно. Он замер, глядя на темнеющие вдали фигуры.

Их было четверо. Высокая женщина в белом и две, немного помладше, похожие на отражения друг друга: одна в синем платье, другая — в красном. Младшие держали за руки Доопти, вырывающуюся и вопящую. Крики её странным образом затихали тут же, не разносясь по всей пустоте.

Старшая размахнулась и отвесила девчонке звонкую оплеуху. Две другие в это же мгновение дёрнули её каждая в свою сторону, и... Доопти раздвоилась.

Женщины повернулись к пришедшим.

У Сахо — Создателя миров — было три дочери-помощницы.

Старшая — Рийин, мудрая и осмотрительная, неустанно бдящая за подвластными ей мирами: днём за мирами смотрел правый глаз, а ночами — левый. Самая незаменимая, самая незаметная из дочерей Сахо — каждый мог возвать к ней в поисках защиты и покровительства, но мало кто так делал. Рийин носила платья всех оттенков белого и туго заплетала волосы, чтобы они не падали на глаза, не мешали смотреть за мирами.

Близнецы Альез и Викейру были настолько неотличимы лицом, сколь и не схожи характерами.

Альез, появившаяся на свет на долю мгновения раньше сестры, а потому считавшая себя главной из двух, признавала платья только огненно-красного цвета и характер имела под стать — пылкий, упрямый, отважный. Она покровительствовала правителям и воинам. А что Альез иногда не хватало мудрости и осмотрительности её старшей сестры, так, если честно — каждый ли правитель мудр, каждый ли воин осмотрителен?

Викейру предпочитала таиться в самых глубоких оттенках синего. Была строга и созерцательна, скрытна и чужда напора своего близнеца, добиваясь желаемого терпением и разумно выбранными путями. Она покровительствовала магам и звездочётам. Скрытность её переняли маги, редко раскрывающие свои секреты, а созерцательность — звездочёты, не

сводящие глаз с небес, терпеливо ожидая изменений.

И была у Сахо любимица — четвёртая его дочь. Самая младшая, самая вздорная, самая избалованная. Звали её Птина. Не было у неё ни терпения, ни осмотрительности. Ничего толкового не могла создать младшая дочь Сахо. Зато умела она проникать в миры, созданные отцом и сёстрами. И чудила там, и куражилась. Что могла — портила, что не портила — разрушала.

И не было на неё никакой управы. Сердце отца таяло при виде младшенькой, всё ей прощалось, всё оправдывалось. Старшим сёстрам только и оставалось, что сжимать кулаки в бессильной злобе да скрипеть зубами, мечтая, наконец, задать трёпку распоясавшейся Птине.

— Однажды наша сестрица запустила в заготовку нового мира наклепленных ею чудовищ, — голос Рийин был мягким, журчащим. — Думала, что пакостит нам, а разозлила самого Сахо. Это была идея совершенно нового мира, каких он ещё не создавал — такая изящная и тонкая работа, что даже мне не позволено было к нему прикасаться.

Старшая из Сестёр была такой высокой, что Шо-Рэю пришлось поднять голову, чтобы взглянуть ей в лицо. Один глаз Рийин отливал серебром, другой — золотом. Только сейчас он был воспалённым, красным, с обожжёнными ресницами и бровью. Светлые волосы были гладко зачёсаны и заплетены в тугую косу, чтобы ни волоска не попало в мир, за которым приглядывает старшая дочь Сахо.

Близнецам Шо-Рэй мог заглянуть в глаза почти на равных. Как похожи были они между собой, как различны. Сложная причёска Альез против небрежной косы Викейру. Гордый, воинственный взгляд против задумчивого взора. Пылающий красный против умиротворяющего синего. Одно лицо — и бездна различий.

Альез держала за руку насупившуюся Птину — младшее лицо Доопти — девочку в том возрасте, когда она становится девушкой. У ног Викейру лежала другая — девушка постарше, возрастом то ли как Янкель, то ли чуть старше.

— Этого отец снести не смог, — продолжала Рийин. — Наказание было строгим. Не обидеться сестрица решила не на отца, а на нас. И выбрала для мести самый первый созданный нами мир, самый дорогой нам.

Птина нашла девочку-сиротку, чтобы поселиться в её теле. Прятаться от старших сестёр так было проще и веселее. И всё сначала было хорошо. Нашла недовольных Сёстрами-покровительницами, посвящённых ссорить между собой начала. Там шепнула, здесь письмецо подбросила. Кто подумает на бедную сиротку? Дальше — хуже. Подумала Птина, что прибрать к рукам весь мир, так любимый сёстрами, будет куда лучшей и болезненной мстью, чем просто в нём покуражиться.

Для начала хитрая девчонка стёрла все упоминания о себе. Где сама, где чужими руками. Придумала Госпожу, кому надо подсказала — а уж обиженных, готовых поверить, что обидчикам воздастся свыше, всегда найдётся достаточно. Собирала их Птина по всему свету, а с веками они все перемешались и стали одним народом — пти-хаш, дети Госпожи. А там и среди посвящённых нашлись помощники. Кого с короной обошли, кому меч не тот достался, а кому заклинания не давались или звёзды за облака прятались.

Вот только постоянно быть в мире у Птины не получалось: сестрицы-то начеку. Рийин глаз не сводит, близнецы по очереди заглядывают, посвящёнными своими любят. Да и отец поглядывать начал: где это доченька его любимая пропадает? Не начала ли снова

пакостить?

Приходилось Птине подружку свою бросать, домой возвращаться, хоть на время. А когда возвращалась — люди видели, как зелёная звёздочка падает за горизонт. Так и появилась у пти-хаш, ждущих возвращения Госпожи, легенда о Зелёной искре.

Что видели пти-хаш, видели и другие. А звездочёты ещё в книги вносили, что для Птины было совершенно лишним. Истребили верные люди звездочётов. Только одному удалось спастись после крушения Мир-Махема и знание, хоть и тайно и неполное, потомкам передать. Но и это Птине показалось лишним: где один, там и другие появиться могут. Один увидит, другой поймёт, третий догадается. И все старания зря.

А что Викеёру не увидела, как половина её посвящённых исчезла, а другая ненавидеть и бояться её начала, так это от того, что Сёстры, оберегая своих подопечных, старались не приближаться особо. А с высоты не всё разглядеть получается. Рийин же и вовсе не до них — ей за всем миром целиком смотреть надо.

Было у Птины местечко одно, куда сестрицы её заглянуть не могли. Решила она там всех посвящённых собрать и себе подчинить.

А потом начались неудачи. Сначала сиротка подросла и свободы захотела. Пришлось Птине её давить нещадно. Теперь уж какие дела: с виду девчушка совсем безумная стала — без присмотра не оставить. Потом пришла весть, будто кто-то заинтересовался и искрой Зелёной, и книгами старыми. Хорошо, что верных людей у Госпожи было много. Только вот сестрицы заподозрили что-то. Даже посвящённых не пощадили, так хотели во всём разобраться.

И Птине стало скучно. Наигралась. Тут ещё хозяйка тела парня рыжего разглядела, влюбилась... Так просила свою подружку, так умоляла, чтобы та ей помогла. Ну и помогла Птина, ох, как помогла... заодно и вспомнила, зачем вообще в этот мир полезла. Не очень-то он ей и нужен оказался. Разрушать и портить куда веселее.

— И это всё? — задыхнулась Сольге. — Целый мир погиб просто потому, что какой-то вздорной девчонке было обидно и скучно?

— Увы, — виновато улыбнулась Рийин, — однажды мы увидели всё, но ничего не могли поделать. Теперь же нужно решить, что делать с вами, уцелевшие люди разрушенного мира.

В этот миг Альез вскрикнула и схватилась за укушенную руку. Птина вырвалась и помчалась прочь. Вскоре она исчезла в молочно-белом ничто, только сгустившаяся пустота напоминала, что она только что была здесь.

— Я найду её, — сказала Викеёру, и пустота расступилась перед ней, открывая взгляду маленькую фигурку далеко впереди.

Янкель опустился на колени перед бесчувственной девушкой и легонько погладил её волосы:

— Какая красивая... И как ей досталось.

Та, словно ощутив его прикосновение, открыла глаза, огляделась и заплакала:

— Она всё-таки притащила меня сюда.

Девушку звали Доника. Когда-то Птина обещала ей свободу — сразу, как только сотворит задуманное. Но каждый раз девчонка придумывала что-то новое. Она заставила подчиниться тело Доники — и оно не росло, не взрослело долгие, долгие годы. Она уходила, иногда надолго, порой Донике казалось, что навсегда, но каждый раз возвращалась и лишала

хозяйку тела того, к чему та успевала привыкнуть, привязаться, а то и полюбить. Она обещала любовь Хендрика, но убила его, наигравшись. Она обещала целый мир, но лишила всего.

Тем временем вернулась Викейру.

— Она спряталась в одном из миров Создателя. Там мы почти бессильны, — голос её был холодным и прозрачным, как зимние звёзды, тихим, как самые тайные заклинания.

Сёстры склонили друг к другу головы. Если они и шептали, то так тихо, что подслушать их было невозможно.

— Что ж, Птина, сама не желая того, помогла нам принять решение. Мы просим вас о помощи, о уцелевшие. Мир, в котором прячется наша сестра, нам неподвластен. Но мы можем отправить туда вас. С нашими благословениями и судьбой, которую вы себе выберете. Вы найдёте там Птину и вернёте её нам, а мы создадим ваш мир заново. Точно таким, каким он был, со всеми дорогими вам людьми и местами, мы повторим всё, до мелочей и с того момента, который вы выберете для себя. Это будет нашим даром вам, нашей благодарностью за помощь. Мы даём вам время подумать.

Какой выбор сделать, когда его, в общем-то, нет? Вечные скитания в мутном, молочно-белом ничто или почти безнадёжный поиск, но в живом, настоящем мире, пусть и чужом? Сольге только кивнула, когда её плечо сжала рука Шо-Рэя. Янкель, не оборачиваясь, сделал то же самое. И даже Доника, кажется, была согласна.

Что ответил Сёстрам за всех Шо-Рэй, Сольге уже не услышала: она вдруг пошатнулась и тяжело осела на сгустившуюся пустоту.

Здесь её тоже окружило молочно-белое ничто. Только было оно немного другое — плотнее и чище. Оно не сгущалось под ногами, превращаясь в тропу, оно сразу было тропой. А в его глубине пылало зелёное пламя с голубыми всполохами.

«Я просто посмотрю», — сказала себе Сольге и направилась к нему.

В какой-то момент ей показалось, что она слышит голоса. И чем ближе Сольге подходила, тем отчётливее они становились.

— Сольге, — звали голоса, — иди к нам, Сольге! Мы здесь, мы рядом, мы скучаем без тебя!

Среди языков пламени кружились тени. Они-то и звали Сольге к себе. Одна из теней была очень похожа на Байвин.

— Сольге, — сказала она, — моя милая сестра, я была так несправедлива к тебе. Иди же сюда, я хочу обнять тебя!

— Иди к нам, Сольге! Мы хотим твоей дружбы. Иди к нам, иди же!

Кого-то Сольге узнала, кого-то нет, но ей очень хотелось туда, к ним. Она сделала ещё один шаг.

— Стой! Не смей! — голос Толфреда заставил её замереть на месте. — Не подходи сюда!

— Не надо, Сольге, уходи, тебе здесь не место, — вторила ему Ийрим.

Но другие звали и манили всё громче и настойчивее.

— Не слушай их, мой весенний цветок, — печально улыбнулся из пламени Хендрик. — Тебе не нужно сюда. Уходи. Живи, моя Сольге, иди и живи.

В хор голосов вступил ещё один. Другой. Живой и тёплый. Голос, который недавно спросил:

— Ты веришь мне, Сольге? Ты веришь мне?

Сейчас он звал.

— Вернись, вернись, принцесса. Не оставляй нас.

Сольге было жалко голос, но там, в пламени, были те, кого она потеряла, но, кажется, могла обрести снова. И Сольге сделала ещё один шаг.

— Вернись!

— Уходи, девочка, — сказал Толфред.

— Я не хочу. Я хочу быть с тобой, даже если ты не признаешь меня сестрой.

— Ты всегда ей останешься. А сейчас уходи. Здесь опасно.

Это было так больно, словно каждый шаг в сторону от огня, вытягивал из Сольге кусочек души, или даже жизни. А голос звал:

— Вернись, моё сердце, вернись, Сольге.

Она очнулась на руках у Шо-Рэя. Рядом стоял на коленях перепуганный Янкель. За его спиной — Доника. А чуть дальше — Сёстры.

— Кто у тебя остался в погибшем мире? — спросила Альез. В голосе её гремели битвы и раздавалось эхо тронных залов.

— Брат и возлюбленный, — ответил вместо Сольге Янкель.

— Это плохо. Теперь ей не будет покоя. Мир будет тянуть её за собой, пока не затянет обратно. Слишком прочна её связь.

Сольге показалось, что объятия Шо-Рэя стали чуть крепче.

— Почему вы не удивились? — вырвалось вдруг у неё. — Почему вы не удивились, когда увидели нас?

Сольге вырвалась из рук мага и встала перед Сёстрами, исполненная гнева и боли.

— Птина ведь разрушила не первый мир, да? Были и другие? И их вы тоже отправляли искать свою сестрицу?

— Сольге, не надо!

— Молчи, Янкель! Надо. Так как? Они нашли, а вы опять упустили? И где они теперь, те, что были до нас?

Сольге была так зла, что не видела ничего вокруг себя. Ни того, что Доника ойкнула и спряталась за спиной Янкеля, пока тот умолял Сольге остановиться. Ни того, что Шо-Рэй молча встал рядом с ней, готовый заслонить её от гнева Сестёр. Она видела только глаза, что не давали ответа: печальные — Рийин, один золотой, обожжённый горящим миром, другой серебряный, строгие, готовые вспыхнуть яростью — Альез и задумчивые, с поволокой — Викейру.

Сёстры переглянулись. Альез раздражённо дёрнула плечом, Викейру кивнула, Рийин покачала головой и ответила:

— Нам нет нужды лгать вам. Возможно, ваш мир не последний, который разрушит Птина, но он навсегда останется первым. И мы постараемся уберечь те, что остались или когда-нибудь будут созданы. Но вот наш отец... Он — Создатель, уцелевшие, и иногда бывает не доволен своей работой. Случалось, что Сахо разрушал даже то, что почти доделал. И мы видели других уцелевших, бродивших здесь, как и вы. Но что с ними стало потом, мы не знаем. Не обо всех знаем... Отец не всегда посвящает нас в свои дела.

Запал Сольге постепенно угасал, уступая место слезам, но вопросы ещё оставались. Задать их она не успела — перебил взволнованный голос Янкеля:

— Вы можете помочь Сольге, о Небесные Сёстры? Чтобы наш мир не утянул её за собой.

— Мы можем лишить её памяти, — хрусталём прозвенел голос Викеёру, — и тогда связь будет разорвана. Мир больше не будет иметь над ней власти.

Сольге почувствовала, как облегчённо выдохнул Шо-Рэй, как обрадовался Янкель, но саму её что-то беспокоило.

— Я забуду всех? Их тоже? — она кивнула на мага и помощника.

— Да.

— Но мы ведь сможем познакомиться снова! — воскликнул Янкель и осекся — Сёстры покачали головами.

— Нет, уцелевший. Вы не сможете снова узнать друг друга. Вы никогда не должны будете встречаться. Иначе, память вернётся, и мир возьмёт своё.

— Вы говорили, что не знаете, что случилось с другими уцелевшими. Вы не можете...

— Можем. Не торопись обвинять нас во лжи. Мы сказали, что знаем не обо всех. Однажды мы пытались спасти двоих...

Янкель снова что-то хотел сказать, в этот раз перебила Сольге:

— Значит, чтобы выжить, я должна буду остаться одна? Даже если вы восстановите наш мир?

— Да.

— Я не хочу.

— Сольге! — воскликнули разом и Шо-Рэй, и Янкель.

— Нет. Кроме вас у меня никого не осталось. А найдём ли мы Птину...

До сих пор никогда она не слышала столько мольбы в голосе мага:

— Ты сможешь жить.

— Я и так смогу. Он не получит меня, Шо-Рэй. Наш погибший мир никогда не получит меня, если вы будете рядом.

Ей показалось, или Сёстры действительно одобрительно переглянулись?

— Показывайте, где искать Птину.

Дорога к миру, в котором укрылась младшая дочь Сахо, была не столько долгой, сколько неясной. То и дело из мутного, молочно-белого ничто показывались полупрозрачные то ли шары, то ли пузыри. Викеёру прислушивалась к ним, присматривалась, но каждый раз качала головой и проходила мимо. У одного задержалась чуть дольше. У того, который повёл себя, как раненое животное: то отступал, боясь незнакомых рук, то подходил ближе, в надежде на помощь.

— Она здесь.

Мир замер на месте, дрожа и мерцая.

— Это мир Сахо, — сказала Рийин, — у нас в нём почти нет власти. И всё же благословение любой из Сестёр даст вам лучшую судьбу из возможных.

Выбор предстоял непростой. Первым решился Шо-Рэй, но его перебили.

— В тебе ведь была моя метка, уцелевший, — задумчиво спросила Викеёру, — почему я не чувствую её сейчас?

— Она выгорела. Я потратил последние капли силы на то, что было важнее магии.

Сольге вздрогнула. Она вспомнила тепло на израненной спине и вдруг поняла, почему Шо-Рэй не боялся вернуться в Мир-Махем. «Лишись своей силы или обуздай её», — так вед

сказал ему когда-то король? О Шо-Рэй...

— Очень жаль, — Викеюру была искренна, — ты мог бы достичь многого и в новом мире, уцелевший.

— Оно того стоило, — отрезал, нет, уже не маг и повернулся к Альез. — Ныне я прошу твоего благословения, Красная звезда.

Она кивнула и коснулась руки Шо-Рэя:

— Ты получил его, уцелевший.

— О Викеюру, я прошу твоего благословения, — поклонился Янкель и был удостоен.

Доника, скрывавшаяся до сих пор за его плечом, и прильнувшая так, что Янкель только и делал, что смущался и краснел да косился, разглядывая, выступила вперёд. Скуластая, с кошачьим разрезом глаз, темноволосая, Доника вовсе не выглядела робкой пташкой, но рядом с Сёстрами и Шо-Рэем, да даже по сравнению с Сольге, казалась такой малышкой, что первой, хоть и не единственной мыслью Янкеля, было защитить её от всего, чего только можно.

— Я выбираю тебя, Альез, — смело сказала Доника и получила своё благословение. Только Янкель немного расстроился.

Викеюру взглянула на Сольге, ожидая её просьбы, но та повернулась к другой Сестре.

— Я прошу твоего покровительства, Рийин.

Близнецы нахмурились, но ведь было сказано: благословение любой из Сестёр. Рийин просияла и ласково поцеловала Сольге в лоб:

— Отныне мой дар пребудет с тобой, дитя.

И всем почему-то показалось, что Сольге получила гораздо больше, чем просила.

Благословения были испрошены и получены. Сёстры колдовали над миром. Он переливался, мерцал, становился всё больше и вдруг раскрылся, распался на две половины.

С одной стороны от Сольге стоял Шо-Рэй, с другой — Янкель с вцепившейся в его руку Доникой. Перед ними лежала дорога в свет, в новый неведомый мир.

— Вперёд, принцесса Сольге, — улыбнулся уже-не-маг, и все четверо, взявшись за руки, сделали первый шаг в неизведанное.

Больше книг на сайте - Knigoed.net